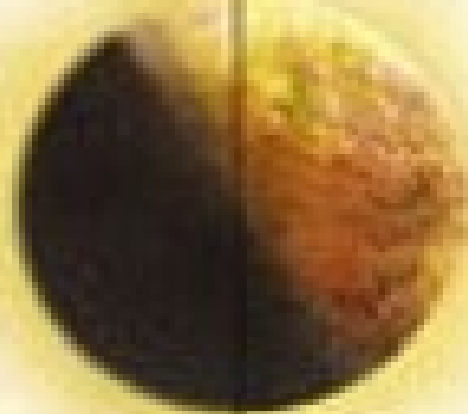

калгантунд - софталар

Елена
Михайкова

ЖИЗНЬ
ПОД ЧУЖИМ СОЛНЦЕМ

новый роман

Annotation

Алина знает себе цену. И цена весьма высока! Ей, такой красивой, утонченной, образованной, нужен состоятельный спутник жизни. Но, став случайной свидетельницей одной встречи, Алина решила попробовать разбогатеть самостоятельно...

Попутчица, которую Даша нашла через Интернет, оказалась злой и вздорной эгоисткой. Но когда ее нашли в их номере мертвой, Даша вдруг почувствовала пронзительное одиночество и не смогла отказаться от идеи доказать всем, что это был вовсе не несчастный случай...

Максиму по-настоящему понравилась эта девушка. Он даже скрепя сердце начал помогать ей с этим глупым самодеятельным расследованием. Но почему ему никак не удается избавиться от страха за ее жизнь?..

Иногда очень трудно отличить друзей от врагов. А когда все встанет на свои места, уже может быть слишком поздно...

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова

Жизнь под чужим солнцем

Глава 1

Яркий красный мяч качался в синих-синих, неправдоподобно синих волнах, напоминая картинку из чудесной детской книжки со стихами, которые папа читал ей под торшером с голубым абажуром. Тень от абажура падала на страницы книги, и море оживало, и она все время, что лежала на пляже турецкого отеля, вспоминала ту ожившую картинку, которая теперь казалась ей в тысячу раз лучше, чем настоящее море.

Она ненавидела Турцию. Ненавидела. Не-на-ви-де-ла.

«Даша, – сказала ей мама, – тебе нужна перемена обстановки. Отдохни, успокойся, пофлиртуй с кем-нибудь, в конце концов. Поезжай».

Действительно, перемена обстановки была бы очень кстати, но ведь подразумевалось, что обстановка будет меняться на ЛУЧШУЮ, никак не наоборот. А из этой поездки, о которой Даша уже успела несколько раз пожалеть, вырисовывалось нечто совершенно непонятное.

Неприятности начались еще в аэропорту. Когда они с Алиной, уставшие от четырехчасового перелета, от сидения в неудобной позе в стареньком «Иле», от шумных пассажиров на соседнем сиденье («Ой, девушки, а вы в каком отеле остановитесь? Ну, ждите в гости, навестим!»), наконец попали в здание турецкого аэропорта, то были уверены, что через час, максимум полтора, уже будут в своем номере распаковывать вещи. Во всяком случае, так обещал им представитель компании «Отдых-класс», которую рассерженная Алина несколько раз помянула недобрым словом. Когда, оказавшись на турецкой таможне, они увидели огромную очередь к четырем окошkam, Даша ахнула:

– Господи, Алина, сколько людей! Они что, все русские?

– Да нет, конечно, ты прислушайся и посмотри на них.

Действительно, Даша тут же уловила в общем потоке шума итальянскую и немецкую речь. В основном все-таки немецкую, определила она. А оглядевшись вокруг, подумала: «Похоже, в Турции отдыхают только русские и немцы». Огромная толпа с сумками и детьми пыталась упорядочить саму себя и выстроить очереди к таможенникам. То и дело в толпе раздавалась сдержанная ругань, очереди перемешивались, а тем временем из терминалов появлялись все новые и новые туристы.

– Эй, парни, давайте сюда! – крикнул в сторону здоровый красномордый мужик, которого Даша запомнила еще по самолету. Он сидел недалеко от них, без конца требовал у стюардесс долить ему

спиртного, и приятели уважительно обращались к нему «Василь Семеныч».

– Смотри, – заметила Алина, – немцы без восторга восприняли очаровательную русскую привычку кому-то одному занимать очередь, а потом с криком «они со мной» тащить к себе весь состав самолета.

– Насчет всего самолета не уверена, – рассмеялась Даша, – но в основном ты права. Может, и нам с тобой примазаться к кому-нибудь?

– Фи, Даша, ты же относительно интеллигентная девушка, – фыркнула Алина. – Откуда такой жаргон? Во-первых, обременять мы никого не будем, дождемся своей очереди, а во-вторых, посмотри-ка, кажется, итальянцы положили конец русской халяве.

Даша молча проглотила «относительно интеллигентную девушку» и вынуждена была признать правоту Алины. В конце соседней очереди, уже почти подойдя к заветному окошку, молодая итальянская пара скандалила с другой группой русских парней, пытавшихся пройти за одним из своих приятелей. Итальянец быстро и очень раздраженно говорил что-то, обращаясь ко всей компании сразу, те в ответ пожимали плечами и показывали на своего товарища, махавшего им рукой из-за таможенной будки. На чьей стороне перевес, Даше было совершенно очевидно: уже двое парней с невозмутимыми физиономиями протиснулись к окошку таможенника и доставали документы. Но тут вмешалась девушка-итальянка. Не сказав ни слова ни своему другу, ни парням, она торопливо подошла к турку в форме, безучастно стоявшему около стены, и что-то произнесла. Даша с интересом следила за результатом. К ее удивлению, полицейский подошел к спорящим, двумя взмахами руки предложил Дашиним соотечественникам разойтись и подвел итальянцев к окошку регистрации. Те двое, что уже достали паспорта и билеты, попытались изобразить на лицах праведное возмущение, но чиновник за окошком вернул им документы и, не обращая на них внимания, занялся итальянцами. Помявшись некоторое время, парни побрели в конец очереди.

– Вот так-то вот, – задумчиво произнесла Алина. – А еще говорят о пофигизме турок.

У Даши язык чесался сказать что-нибудь про пофигизм и жаргон, но она промолчала. Недолгое знакомство с Алиной уже научило ее не спорить с приятельницей, тем более что и приятельницей-то она была весьма условной.

После двух часов стояния на таможне Алина с Дашей наконец-то получили свои проштампованные паспорта и отправились искать фирменный автобус. Большие красные буквы «Отдых-класс» первой заметила Даша.

– Смотри, какой автобус большой, – удивилась она. – Неужели столько туристов в один отель едет?

Алина нахмурилась и ничего не ответила. В автобусе было полно свободных мест, и когда они сели, выяснилось, что теперь водитель будет ждать всех остальных туристов, которые в настоящий момент еще проходят регистрацию.

– Послушайте, – возмутилась Алина, – это же еще как минимум час!

– Он делает то, что ему говорят, – отозвался хмурый мужик, о чем-то разговаривавший с водителем по-турецки. – Хотите выяснять отношения, идите вон к тем ребятам, – и он показал на светловолосую девушку лет двадцати и сутулого полноватого парня чуть постарше, стоявших недалеко от автобуса.

Алина вышла из автобуса, подошла к парочке и о чем-то поговорила несколько минут. Даша видела в окно, как она пожала плечами, повернулась и пошла обратно к автобусу.

– Бесплезно, – сказала она, усаживаясь рядом с Дашей на первый ряд кресел, – пока не посадят всех, автобус не поедет. Они, конечно, предлагают взять такси за свой счет и доехать самим, но честно предупреждают, что фирма не будет оплачивать расходы. Кстати, если ты думаешь, что мы едем только в нашу «Сафиру», то ошибаешься: они набрали туристов как минимум еще в пять мест.

Быстро стемнело. Уставшая после перелета Даша то начинала дремать, то просыпалась, когда в автобус поднимались шумные пассажиры, и дерганый полусон утомлял ее не меньше, чем утомляло бы бодрствование. В какой-то момент она посмотрела на часы: они сидели в автобусе уже час двадцать.

Наконец в автобус поднялась последняя пара, и симпатичная девушка-гид объявила отправление.

Автобус выехал из ночной Анталии и бодро покотил по гористой местности. Даша, никуда не выезжавшая дальше Крыма, с любопытством смотрела в окно, но видела только яркие огни, сливавшиеся по мере того, как автобус набирал скорость, в размытые полосы.

Странно, но из семи отелей, у которых останавливался автобус, ни один не обладал полным сходством со своими изображениями на глянцевых рекламных проспектах, которые Даше в огромных количествах демонстрировали в офисе «Отдых-класса» в Москве. И вместе с тем было совершенно очевидно, что отели те же самые. Но в одном случае фотография была сделана так, чтобы даже намек на пролежавшую рядом шумную дорогу не попало в объектив. В другом на снимке был

«небольшой, тихий и уютный отель», но без своего соседа – шестизвездочного гиганта, в котором оглушительно играло что-то залихватское. То вдруг выяснилось, что у отеля, лампы и гирлянды которого блистали на фото всеми красками радуги, в реальности из освещения оказывался лишь фонарь у входа, а штукатурка на стенах отеля была готова раскрыть вам все тайны старинного турецкого зодчества прямо здесь и сейчас.

– Слушай, просыпайся. Кажется, подъезжаем, – толкнула Даша Алину.

– Неужели «Сафира»? – приподняла та взлохмаченную голову с надувной подушки, и Даша в очередной раз позавидовала цвету ее волос – пепельных, неуловимо меняющих оттенок с серебристого на светло-русый. Причем как-то сразу становилось понятно, что это не очередное достижение колористов компании «Велла», а свое собственное сокровище.

– Внимание, отель «Сафира»! – раздался усиленный динамиками голос девушки-гида. – Пожалуйста, не забывайте свои вещи.

Потягивающиеся туристы вышли из автобуса, и Даша обратила внимание на группу, возглавляемую Василь Семенычем: они тоже покинули салон и теперь пристально рассматривали небольшое здание отеля. «Надеюсь, они поселятся не в соседнем номере», – мысленно пожелала Даша и, подхватив небольшую сумку, вошла вслед за гидом в холл.

– Пожалуйста, встаньте около ресепшена, – громко сказала гид по имени Маша, – и приготовьте паспорта и билеты. Завтра утром я приеду посмотреть, как вас расселили, а пока желаю всем удачной первой ночи в Турции.

Нестройный хор голосов бодро ответил «спасибо», кто-то пытался неудачно пошутить про первую ночь, и группа осталась предоставлена самой себе. Неприятности начались с первой же пары, которой улыбающийся клерк предложил номер в подвале. Дальше пошло еще хуже: кого-то поселили в двухместном номере вместо трехместного, кому-то достался номер с неработающим душем... На все попытки «качать права по-русски» турок недоуменно разводил руками и делал круглые глаза. Попытка Алины поговорить с ним по-английски успехом не увенчалась.

– Все он понимает, – сказала разозленная Алина, подходя к Даше, – просто притворяется поленом.

– А почему вообще возникли проблемы с номерами? – шепотом спросила Даша. – Посмотри, туристов в холле не так уж и много.

– Господи, Даша, а сколько же еще их должно быть в первом часу ночи? Все по своим номерам сидят. Как я поняла из объяснения этого

гоблина, получилась накладка: нас привезли, а предыдущая группа еще не успела уехать. Поэтому пока нас вроде бы расселяют в какие-то запасные номера, а потом переселяют в нормальные. Во всяком случае, именно это обещает администрация гостиницы. А всем несогласным, кому места не достаются, они предлагают подождать в холле, когда номера освободятся. Как тебе такая перспектива?

– Не очень, – вздохнула Даша. – Ладно, давай посмотрим, куда нас денут.

К ее недоумению, носильщик вынес их вещи из холла и отправился вдоль по улице.

– Слушай, он не обратно к аэропорту пешком пошел? – негромко спросила Даша у Алины.

– Да нет, – отозвалась та, – скорее всего, здесь рядом или какой-то корпус, или вообще другой отель, с которым у «Сафиры» договоренность по поводу вот таких, как мы. Сейчас все увидим.

Носильщик подошел к белому зданию, на котором красовалась надпись «Kotrei», вошел во внутренний дворик и начал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Дойдя до второго этажа, он широким жестом обвел здание отеля, видимо, предлагая восхититься красотами турецкой архитектуры.

– Ты давай номер нам показывай, – заметила невежливая Алина, – а не комаров разгоняй. На лачугу мы еще успеем за двенадцать дней насмотреться. Вот черт, у нас еще и номер крайний.

Парень открывал крайнюю дверь с номером девять.

– А почему это плохо? – удивилась Даша.

– Да потому, что возле нашей двери лестница, по ней постоянно будет кто-то топать, будут падать и орать чьи-то дети. Короче, все мне не нравится.

Алина зашла в номер, осмотрелась и кивнула носильщику на дверь. Тот положил ключи на полку и вышел.

– Разве мы чаевые не должны были ему дать? – робко поинтересовалась Даша. – Он ведь наши сумки по всему кварталу нес.

– Да хоть по всему городу! – сердито отозвалась Алина. – Я вообще не собираюсь оставлять в таком паршивом месте лишние деньги.

Даша промолчала и принялась осматривать номер.

Это был самый обычный, однокомнатный номер с большим окном и балконной дверью, со стандартным набором мебели: стул, кресло, телевизор, холодильник и, конечно же, кондиционер, без которого в здешнем климате о комфорте можно было забыть.

Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, на стенах висели картины, которые не назовешь безвкусными, но которые навсегда исчезают из памяти сразу же, как только выходишь за дверь. Как и в большинстве обычных гостиничных номеров, менее всего была продумана ванная комната – зеркало присутствовало, но чтобы в него взглянуть, приходилось склониться в церемониальном китайском поклоне, полочка под косметику по размерам могла уместить лишь тюбик с зубной пастой, а шторка перед ванной и вовсе отсутствовала.

Последнее обстоятельство почему-то расстроило Дашу больше всего. Даже ночная дискотека, канонаду которой тонкие стены и еще более тонкая дверь номера и не пытались приглушить, не повергала ее в такое отчаяние. Даша не могла представить себе, как можно мыться без шторки. Для нее это было равносильно появлению обнаженной в зале посреди приема – был в одном из старых хороших фильмов такой эпизод. Одна мысль о том, что все следующие десять дней ей придется принимать душ подобным образом, немедленно вогнала ее в краску.

Однако уставшее после перелета и долгого сидения в автобусе тело требовало внимания. Перебросившись с Алиной несколькими фразами, Даша прикрыла за собой дверь в ванную и воровато, как ей показалось, открыла воду.

Душ подействовал менее освежающе, чем обычно. Собственная кожа показалась Даше после душа севшей на полразмера.

А вот постельное белье было на удивление мягким и приятным. Повалившись на кровать, Даша попыталась убедить себя, что она уже спит. Обычно такой аутотренинг помогал – организм сам с удовольствием попадался на нехитрую наживку и, казалось, только и ждал того момента, когда ему скомандуют притвориться спящим. Обычно, но не сегодня. Сначала в мозгу возник образ белого попугая, орущего «Пиастры! Пиастры!», затем попугая прогнал африканский шаман, что-то кричащий Даше на непонятном языке и бьющий в бубен. Даша не сразу поняла, что удары бубна и вопли шамана есть не что иное, как звуки, доносящиеся из динамиков дискотеки и на самом деле являющиеся обрывками какой-то модной песни, сводившей нынешним летом с ума всю московскую молодежь.

Пришлось выбираться из постели, не включая свет, искать беруши, устраивать их поудобнее и опять пытаться договориться с собственным мозгом относительно того, кто же из них двоих спит. Наконец под звуки очередной зажигательной мелодии она действительно уснула.

Когда Даша открыла глаза, то первым, что увидела, было ее собственное полотенце. Спутать невозможно – коллеги подарили его на Восьмое марта, и оно ей очень нравилось. На нем был изображен какой-то китайский зверек, не имеющий аналогов в природе, но, по случайному стечению обстоятельств, очень напоминавший саму Дашу – пушистая шерсть, торчащая в разные стороны, большие серые глаза, робкая мордочка, взгляд открытый и вопросительный. Конечно, карикатура на нее, но очень верная и совсем не злая. Да и полотенце оказалось неплохим, к тому же напоминало о тех хороших временах, когда у нее еще была работа и ироничные подарки на Восьмое марта от коллег. И вот теперь этим полотенцем Алина сушила голову перед зеркалом.

– Проснулась? – обернулась она к Даше. – Слушай, здесь в номере полотенце нормальных не предусмотрено, так я твое позаимствовала. Ты не в обиде? Оно здесь быстро высохнет. Собирайтесь, мадам, и отправляемся завтракать и изучать сие прекрасное место.

Даша вздохнула, встала и пошла одеваться. Зайдя в ванную комнату, она прогнала с раковины какое-то местное насекомое, по виду совершенно безобидное, умылась и автоматически вытерлась висевшим на сушилке полотенцем. И только потом заметила, что оно с символикой отеля.

– Алина, что ты говорила про полотенца? – вышла она из ванной. – Вот же, смотри, есть, и очень даже неплохие.

Алина поморщилась.

– Девочка моя, общественными полотенцами я могу в лучшем случае ноги вытереть, но никак не голову, да и тебе не советую. Еще подхватишь какую-нибудь местную, пардон, инфекцию.

Даша аккуратно повесила полотенце на место и обернулась к Алине.

– Алина, – осторожно подбирая слова, начала она, – давай с тобой сразу договоримся. Во-первых, если ты берешь мои вещи, то хотя бы согласуй со мной заранее, а не постфактум. Во-вторых, я далеко не всегда разделяю твои взгляды, и, пожалуйста, советуйся со мной, если, например, ты не даешь чаевых, и во всех подобных случаях. В-третьих, мне не нравится обращение «девочка моя», о чем я тебе говорила еще в Москве. И мне не хочется начинать наш с тобой отдых с нравоучений и выяснения отношений, поэтому, пожалуйста, отнесись серьезно к тому, что я говорю. И, пожалуйста, не бери больше это полотенце. Если у тебя нет своего, могу дать другое. – Она забрала «китайского ежика», как она его называла, из

рук молчавшей Алины и вышла на балкон.

Замечательно. Чудный, восхитительный, изумительный вид на пыльную серую дорогу и несколько грязных магазинов, в которых висит местный ширпотреб. И стоило ехать в Турцию, чтобы любоваться таким пейзажем? «Стоп, – сказала Даша самой себе, – перестань ныть. Сейчас к тебе подойдет Алина, извинится, и вы вдвоем отправитесь завтракать, а потом купаться в море. Ради моря можно стерпеть все, что угодно, тем более такую ерунду, как унылый вид из окна».

Сзади раздались легкие шаги, и Даша улыбнулась про себя.

– Ладно, девочка моя, насчет полотенца учту, – раздался Алинин голос, который Даша, любившая присваивать звукам цвета, почему-то воспринимала как голубоватый с сиреневым оттенком. – Кстати, откуда ты нахваталась умных слов типа «постфактум»? Ладно, можешь не отвечать, знаю, что от меня. Пойдем, а то наши все сожрут.

Ну что ж, решила Даша, будем считать ее слова извинением. Может, Алина просто по-другому не умеет. «И не забывай, – сказал ехидный внутренний голос, – вы с ней не подруги и даже не приятельницы. Ты сама затеяла совместную поездку и будешь расхлебывать, если что». Да ну тебя, отмахнулась Даша от него, повесила полотенце на веревку и отправилась одеваться к завтраку.

Через два часа они лежали на берегу моря, и Даша с восторгом смотрела на волны. Они были синие. Боже мой, подумала она, зачем нужны какие-то сложные слова, описывающие оттенки, если есть такое простое и прекрасное слово – синий. Синее море, синее небо... Почему-то в детстве, когда папа с мамой вывозили ее в Крым «на лечение», она воспринимала море без особого восторга, просто как большую массу воды. Говоря откровенно, озеро рядом с их деревней с чудесным названием «Бабушкино» казалось ей во много раз интересней, к тому же на нем не было пугающих волн, зато были головастики и лягушки. Но сейчас она понимала, что мама была права, и Море (именно так, Море с большой буквы) – как раз то, что ей нужно. «Жалко только, что так много людей на пляже, – подумала она, – слишком шумно. Хотя они не мешают».

Бац! Надувной мяч стукнул ее по лбу. Даша вскочила с лежака и увидела загорелого парня со светлым ежиком волос на голове, вперевалку подходящего к ней.

– Не убили? – лениво протянул он, наклоняясь за мячом. – Заигрались в волейбол, а тут вы валяетесь.

Вместе с утренним поведением Алины это было чересчур даже для Даши.

– Вы так прощения просите? – со злостью в голосе отозвалась она. – Проваливайте отсюда вместе со своим мячом.

– Эй, а зачем так грубо? – поинтересовался волейболист.

– Так, что здесь происходит? – раздался голос Алины, которая возвращалась от бара с двумя стаканами сока. – Ага, понятно. Молодой человек, если вы не хотите неприятностей, играйте подальше отсюда. Даш, я тебе взяла яблочный, абрикосового не было. – Алина протянула Даше стакан, в котором плескалось маленькое золотистое море.

– Ага, значит, вы – Даша. – Волейболист несколько не смутился. – А я – Николай, для вас просто Коля. А вас, девушка, как зовут? – повернулся он к Алине.

– Послушайте, просто Коля. – Алина поставила сок около лежака и начала доставать из сумки крем от загара. – Я понимаю, что ваша задача – развлекать туристов, но мы в ваших услугах не нуждаемся. Я понятно выражаюсь?

– Зря вы так, девушка. – Николай заинтересованно смотрел на Алину. – Может, мои услуги вам еще очень даже пригодятся. Если передумаете и захотите общения – я буду или на площадке, или около первого бассейна. Надеюсь, до скорой встречи! – Парень зачем-то отряхнул мяч от песка и побежал обратно к площадке.

– Алина, как ты определила, что «просто Коля» развлекает туристов? – спросила удивленная Даша. – Я подумала, что он обычный отдыхающий.

– Да по нему сразу видно, что аниматор, – пожалла плечами Алина, сосредоточенно втирая крем в безупречной формы ноги. – Во-первых, загар слишком сильный для туриста, за десять дней не успеть так загореть. Да и за две недели тоже. Во-вторых, отдыхающие так не разговаривают. Я даже не могу тебе объяснить, в чем разница, просто я ее чувствую.

Даша понимала: в чем в чем, а вот в чутье Алине нельзя отказать. За время совместного выбора тура и относительно недолгого перелета она убедилась в этом. Алина почти безошибочно определяла род занятий мужчин, которые заговаривали с ними, с лету могла сказать, кто москвич, а кто нет, у кого есть семья, а кто находится «в свободном поиске».

– А почему ты его так... – Даша замялась, – отшила? В конце концов, он ведь мне попал мячом по голове, а не тебе.

– Даша, ты такая наивная девочка! Он из обслуживающего персонала, понимаешь? Хуже его могут быть только турки, а хуже турок – те турки, которые работают обслуживающим персоналом. Если ты будешь с ними вежливой, они моментально теряют чувство дистанции.

– Ну да, а если не будешь, то сразу становятся хамами. Я на себе

проверяла, – грустно заметила Даша.

– Тебе не нужно быть ни вежливой, ни невежливой, – нравоучительно объяснила Алина. – Тебе нужно быть отстраненной. Ну, как если бы ты общалась с пылесосом, понимаешь? О какой вежливости применительно к пылесосу или к посудомоечной машине может идти речь?

Даша задумалась. Посудомоечной машины у нее не было, и она плохо представляла себе, как та выглядит. Но имелся в наличии пылесос, который ее мама обозвала «Ума Турман»: будучи включенным, он начинал завывать совершенно по нотам припева известной песни, которую исполняли двое молодых симпатичных ребят. Правда, пропевшись, он начинал хорошо пылесосить, и Даша каждый раз просила его: «Миленький, ну не пой больше, соседи пугаются». Она была с ним вежливой, вот в чем вся штука.

Даша полежала еще немного, встала и пошла к морю. Оно и вблизи было такое же синее. Ничего не менялось.

Глава 2

По мнению Даши, кормили в «Сафире» вкусно, по мнению Алины – отвратительно.

– Ты только посмотри на салаттики! – восхищалась Даша, в памяти которой были еще живы те обеды и ужины, которые предлагал советский пансионат «Буревестник».

В детстве, когда родители привозили ее в пансионат, она первым делом срывала несколько веток незрелого еще орешника и делала «беличий запас», как называла мама. На случай голода, объясняла маленькая Даша. Пансионат ассоциировался у нее не столько с чудесными хвойными лесами, в которых они, искусанные комарами, собирали чернику и землянику, сколько с запахом столовой, который она терпеть не могла, – запахом, которым пропитывались, как ей казалось, даже волосы. Пахло лапшой. А еще грязными тарелками и какой-то жутко невкусной едой. Вкусным был только сыр, которым посыпали сверху бесконечные макароны. Даша аккуратно снимала его вилкой и съедала, а макароны и суп оставляла. Даже мама, дома заставлявшая ее съесть все до последней крошки, ничего не говорила на это.

А здесь, в отеле, они питались «со шведского стола». Даше представлялись высокие, белокурые шведы, которые наготовили много всего вкусного и расставили в серебристых чанах.

– Ту же самую еду, только более вкусно приготовленную, ты можешь получить в любой питерской забегаловке, – высокомерно замечала Алина. Она была родом из Питера, прожила там почти всю жизнь и в Москву переехала только после развода с мужем.

– В питерской забегаловке совсем не то, – возражала Даша, объедавшаяся любимыми баклажанами, которые сама готовить не умела. – В питерской забегаловке еда наша, родная, а здесь заграничная, поэтому вкуснее.

– Сказывается, моя дорогая, то, что у тебя первый вояж за пределы нашей родины. Ты слопаешь все, что тебе ни подадут, и будешь растопыривать уши от удовольствия. Вот примерно как сейчас.

– Буду, – миролюбиво соглашалась Даша, пытаясь скосить глаза на свои уши.

Алина начинала смеяться, и тема еды прекращалась до следующего ужина.

Несколько раз Даше хотелось сказать Алине, что ей неприятны такие шутки, но каждый раз она сдерживалась. И объясняла самой себе так: «Не хочу портить отношения». Но правда заключалась в другом – она просто-напросто побаивалась Алину. Даша от природы была мягкой и уступчивой, из себя выходила только в крайних случаях.

«Дашка, тебе просто необходимо учиться стоять на своем, – вздыхала ее мама. – Из тебя же веревки выют все кому не лень! Или мозги пудрят, а ты и рада».

«Да никто из меня веревок не вьет и ничего не пудрит!» – отбрыкивалась Даша, отлично понимая мамину правоту. Господи, да взять хоть Андрея...

Они начали встречаться, когда ей было двадцать два, а ему тридцать. Красивый, умный, очень обаятельный, Андрей долго ухаживал за Дашей, которая никак не могла поверить, что такой красавчик интересуется ею всерьез. Красавцев она побаивалась и старалась держаться от них подальше, однако от Андрея держаться подальше никак не получалось: он регулярно звонил, приглашал Дашу на концерты и в кино, дарил цветы, причем не стандартные бордовые розы в целлофане, а изысканные, со вкусом подобранные букеты. В общем, «вел осаду по всем правилам», как говорила мама. И в конце концов крепость пала: Дашка поверила, что ему, солидному взрослому мужику, нужны серьезные отношения, а не легкий, ни к чему не обязывающий секс.

Она не знала, как называть Андрея, и долгое время тушевалась, когда нужно было представлять его приятельницам или случайно встреченным знакомым. «Мой парень»? Но Андрей был далеко не парнем, да и звучало это как-то глупо. «Мой друг»? Другом Дашки, именно другом, а не подругой, была Валька Малявина, с которой они были знакомы с детского садика, а потом учились вместе в институте, и применить то же слово, которым она называла Малявку, к Андрею казалось совершенно невозможным. «Мой жених»? Но Андрей не делал ей предложения, не говорил о совместных планах на будущее, да и сама Даша не ждала ничего такого от него. Она просто наслаждалась каждой минутой их встреч, потому что минуты выпадали не так уж и часто: Андрей был архитектором, довольно известным и востребованным, искренне увлеченным своей работой, и времени на личную жизнь у него оставалось не очень много.

Он снимал квартиру в одном из старых районов Москвы, и по утрам в выходные Даша смотрела из окна на белокаменную церковь, рядом с которой зеленел маленький сквер. Плыли облака, ворковали на крыше голуби, на кровати за ее спиной сопел Андрей, уткнувшись в Дашину

подушку, и ей казалось, что счастье будет всегда.

Счастье закончилось в прохладное июльское воскресенье, около полудня, когда дверь квартиры открылась и, пряча ключи в сумочку, вошла броская женщина лет тридцати в дорогом плаще, а за ней – темнобровая девочка с заспанными глазами.

– Вера, сними ботинки, – сказала женщина, скользнув взглядом по оторопевшей Даше. – И пойдти разбуди папу, наверняка он еще спит. Он ведь спит? – обратилась она к Даше, и та только молча кивнула.

Девочка протиснулась мимо нее в комнату, и оттуда через полминуты раздался изумленный голос Андрея:

– Господи, Веруня приехала! А где мама?

– Здесь мама, – отозвалась женщина, сбрасывая плащ. – Ты почему нас не встретил? Пришлось в вонючем такси трястись, а ты же знаешь, как я не люблю в чужих авто ездить. Верку укачало, разумеется.

Она прошла в комнату следом за дочерью и начала что-то говорить. Андрей отвечал, время от времени вставляя замечания девочка, а Даша стояла в коридоре и тупо смотрела на свои туфли. На носу одной туфли отпечатался грязный след рифленой подошвы – девочка Вера прошла ботинком по Дашиной обуви. Даша присела, полой юбки протерла туфлю, потом обулась, накинула висевшую на вешалке тонкую рубашку и тихо вышла из квартиры.

– Даша, милая, да мы с ней разводимся!

Спустя неделю она сидела с Андреем в кафе и пыталась что-то расставить для себя по полочкам. Андрей никак не мог понять, в чем проблема и почему из того, что в его жизни имеются бывшая жена и дочь, Даша делает трагедию.

– Мы разводимся! Развелись бы раньше, если бы Милка не торчала по заграницам. У нее родители в Чехии, она в Москву навещается по нечетным пятилеткам. Да что с тобой? Ты вздумала меня к бывшей жене ревновать? Глупенькая моя...

Он ласково погладил Дашу по руке.

– При чем здесь ревность? – покачала головой Даша. – Я не понимаю, Андрюша, мы с тобой уже год встречаемся, и ты мне ни разу – ни разу! – не говорил о родной дочери. Как так можно? Ведь вы же виделись, она приезжала сюда... И жена твоя приезжала...

– Бывшая, – быстро вставил Андрей. – Мы только формально муж и жена.

«А мы с тобой формально кто?» – хотела спросить Даша, но не спросила. Она смотрела на белые завитки крема на пирожном, которое

заказала неизвестно зачем, и вспоминала воркование голубей под крышей.

– Андрей, вот ты обо мне все знаешь, – подумав, сказала она. – Про институт, про работу, про маму с папой. Ты и с Валькой Малявиной, моей подругой, виделся много раз. А я про тебя ничего не знаю.

– Да не выдумывай ты... – начал было Андрей, но Даша его остановила:

– Ты можешь мне объяснить, почему ты мне за год ни разу не сказал о том, что у тебя есть ребенок? – спросила она, подавшись к нему. – Андрей, пожалуйста, объясни! У меня просто в голове такое не укладывается. Есть же какая-то причина!

Он пожал плечами:

– Ну если ты так настаиваешь... Я просто считал, что это касается только меня.

– Он сказал, что это касается только его, – ревела Даша на плече у Вальки Малявиной, вытирая слезы ароматизированными бумажными платочками, которые подсовывала та. Вокруг нее лежало уже с полдюжины скомканных платочков, пахнущих яблоками, и казалось, что в комнате пролили средство для мытья посуды.

– Дашка, но он во многом прав, – рассудительно говорила Валька. – Он взрослый человек, у него своя жизнь, и он не обязан делиться с тобой всеми ее подробностями.

– Ничего себе подробность! – всхлипнула Даша, комкая очередную бумажку. – Этой подробности уже лет десять!

– Значит, она не имеет для него большого значения, – пожал плечами Валька. – Многие мужчины не считают родных детей важной частью своей жизни.

Слезы у Даши неожиданно высохли. Она высморкалась в последний платочек, подобрала все остальные, сходила на кухню к мусорному ведру и вернулась обратно.

– Знаешь, Валь, а я не хочу встречаться с человеком, который не считает ребенка важной частью своей жизни, – сказала она, тербя в руках новую упаковку платочков. – Не хочу.

Андрей искал пути к примирению так же долго, как и ухаживал за Дашей. Он звонил, встречал ее с работы, пробовал разговаривать с ее мамой. Несколько раз к Даше заходила Валька и сообщала то, что просил передать Андрей. Даше было так тяжело видеть и слышать его, что в конце концов она взяла отпуск за свой счет и уехала на месяц в Бабушкино – прийти в себя и найти какое-то решение. Она возилась с цветами, ездила на велосипеде на речку, вместе с мамой собирала с крыжовника противных

мелких гусениц... И к концу месяца твердо знала, что ей нужно – быть рядом с Андреем. «И плевать на его детей и бывших жен, на его отношение к детям и женам, – думала она, ожесточенно выпалывая сорняки из грядки. – Это его прошлое, а не мое, и он в самом деле не обязан со мной ничем делиться». Она чувствовала себя плохо без его звонков, без его мягких, необидных шуток, без его присутствия.

Она вернулась в Москву в конце августа и еще неделю набиралась смелости, чтобы позвонить. Бродила около телефона, ругая себя за трусость, выбирала подходящее время, чтобы не попасть на обеденный перерыв Андрея, просчитывала, что он может делать в ту или другую минуту. Наконец позвонила ему на сотовый и с удивлением выслушала сообщение о недоступности абонента. Позвонила вечером еще раз – с тем же результатом. Странно... Помнится, Андрей повсюду таскал свой маленький дорогой телефончик, говорил, что не хочет пропустить ее звонок из-за какой-нибудь глупости.

Даша позвонила в квартиру, которую он снимал, но тоже не дождалась ответа. Совсем растерявшись, не понимая, что случилось, Даша поздно вечером поехала к нему домой, надеясь, что с телефонами произошла какая-нибудь ерунда, Андрей их просто отключил, а сам сидит на диване живой и здоровый. И очень обрадуется, увидев ее.

Андрея дома не оказалось. Она напрасно нажимала на звонок, откликавшийся изнутри мелодичной трелью, напрасно из двора заглядывала в окна верхнего этажа, пытаясь разглядеть свет за задернутыми шторами. Света не было. Даша вернулась к себе, побродила по квартире и, решив, что придумает что-нибудь утром, улеглась спать.

Но утром ничего не придумалось. Был будний день, телефоны Андрея по-прежнему не отвечали, а снова ехать к нему казалось бессмысленным. Перебирая все возможные варианты и представляя себе Андрея в отделении какой-нибудь больницы, Даша запаниковала. Она позвонила Вальке Малявиной, запоздало подумав, что стоило бы сделать это раньше, но и Валька ничего не знала.

– Валенька, что же мне делать? – спросила бледная Даша, сидя с Валькой за столиком кафе. – Как мне его найти?

– А ты на работу звонила? – хмуро спросила Валька, которой нужно было работать, а не решать Дашины сложности.

– Я его рабочий телефон не знаю, – покачала головой Даша.

– Как не знаешь?

– Просто – не знаю, и все. Я всегда на сотовый ему звонила, рабочий был мне не нужен.

– Ну, мать, ты даешь, – покачала Валька коротко стриженной головой. – А телефон какого-нибудь его друга? Приятеля, коллеги? Твой Андрей ведь знает мой телефон, и адрес, кстати сказать, тоже.

– Валя, я вообще с его друзьями незнакома, – тихо сказала Даша. – Он про них не говорил. Иногда упоминал про коллег, но телефоны...

Она не договорила. Валька пару секунд смотрела на нее, потом решительно встала и потянула Дашу за собой.

– Вставай, поехали. Поехали, тебе говорят! А то так и будешь сидеть бледной коровой... Тоже мне, ни одного телефона она не знает! Вставай, вставай!

– Куда поехали? Зачем? – робко спросила Даша, поднимаясь.

– К Андрею твоему на работу. Я же знаю, что ты одна постесняешься туда заявиться и спрашивать у сотрудников, где твой бесценный возлюбленный. Вот я с тобой и поеду в качестве... – Валька задумалась, – в качестве тягача. Отблагодаришь потом, причем коньяком.

Даша опустила обратно на стул.

– Ты чего? – рассердилась Валька. – Что такое?

– Я не знаю, где его работа, – сказала Даша, чуть не плача. – Валя, я не знаю!

Она и в самом деле не знала. Андрей очень мало рассказывал о своей работе и, как выяснилось, вообще о своей жизни, а Даша старалась не расспрашивать. Нет, она, конечно, очень интересовалась его проектами и, когда Андрей показывал ей чертежи и рисунки, рассматривала их с восторгом, задавая кучу вопросов. И ей в голову не приходило попросить показать его офис, а сам Андрей не предлагал. Про сотрудников он рассказывал скупко – она видела, что тема ему совершенно неинтересна. Ему была интересна Даша и собственная работа, а все остальные темы, на которые они беседовали, задавала она сама. Но теперь не было никакого проку от того, что думает Андрей о Толкиене или строительстве новых небоскребов вокруг Москвы.

– А родители? – спросила Валька, все еще не веря в такую потрясающую неосведомленность.

– Нет у него родителей, – с отчаянием сказала Даша. – Умерли. Он к ним на кладбище ездил иногда, я даже с ним была там один раз. Ну и что?

– Ничего, – отрезала Валька. – Не вызывать же нам духов предков. Знаешь, Дашка, ты такая... такая...

Даша сокрушенно молчала. Все ругательные слова в свой адрес она уже сказала сама, и Малявка ничего нового добавить не могла.

– Постой! – встrepенулась Даша неожиданно. – Андрей рассказывал,

что кафе, в котором он обедает, называется «Три рыбака». Его фирма где-то в районе Китай-города, а там наверняка не так много кафе с таким названием.

Адрес кафе они быстро нашли через Интернет и через полчаса уже ехали в метро к Китай-городу. Искать ничего не пришлось – кафе они нашли сразу, а наискосок от него стоял небольшой красивый особняк с вывеской «Брельман и компания».

– Ты уверена, что нам нужен этот Брельман? – подозрительно спросила Валька.

– Конечно! Мне нужно было раньше вспомнить – Андрей ведь говорил название фирмы, просто оно у меня из головы вылетело.

Валька хотела что-то сказать, но сдержалась, и Даша была ей очень благодарна. Они уже подходили к зданию.

А через десять минут они вышли из него, и Даша присела на чистенький бордюр под липой. Валька осталась стоять, сочувственно глядя на нее.

– Ну ладно хоть, что живой, – вздохнула она наконец. – В конце концов, Чехия от нас не так далеко, можно сесть на поезд и доехать...

– Ага, – кивнула Даша. – А там я где буду его искать? На вокзале?

– Ну, он ведь наверняка оставил новый телефон сотрудникам. Можно вернуться, поспрашивать, попросить поделиться информацией...

Валя замолчала, глядя, как Даша ожесточенно мотает головой.

– Нет, Валенька, нельзя. Он ведь мне ничего не оставил, понимаешь? Ни записки, ни телефона... Просто взял и уехал работать в другую страну! Вот так... просто... взял и уехал...

Валька посмотрела на Дашу сверху вниз, махнула рукой и села рядом на бордюр. «Ирина Викторовна лаяться станет, если опоздаю, – мелькнуло у нее в голове. – Ну и черт с ней. Вот юбку, если испачкаю, будет жалко».

Даша увидела Андрея спустя год с небольшим, когда случайно заскочила на выставку самоцветов, чтобы выбрать подарок для мамы. Мама очень любила малахит, и Даша надолго застряла перед украшениями с узорчато-зелеными камнями, рассматривая кулоны, серьги, кольца и подвески. В конце концов выбрала чудный комплект, расплатилась и побежала вниз по лестнице, чтобы в остаток обеденного перерыва успеть съесть что-нибудь маленькое и очень-очень сытное.

Кафе находилось в подвальчике, и Даша, войдя, сразу увидела Андрея. Он сидел за столиком у окна, боком к ней, а напротив него сидела красивая стройная женщина, по виду его ровесница, и разглядывала серебряный браслет. Она что-то сказала, и Андрей, наклонившись, ласково погладил ее

по руке, а затем провел по щеке тем жестом, который Даша прекрасно помнила.

Он совершенно не изменился. Даше подумалось, что даже странно, насколько все в нем осталось прежним – жесты, движения, улыбка. И рубашка была похожа на ту, что он носил раньше, и прическа осталась такой же.

Андрей подал спутнице руку, вставая, и Даша поспешно шагнула назад, в тень лестницы. Но те двое были так увлечены друг другом, что она поняла – прятаться глупо. Поэтому медленно, не торопясь, поднялась по лестнице наверх, забыв про свой обед, и так же медленно пошла в сторону метро.

* * *

На третий день, за обедом, во время очередных наставлений Алины к их столику с подносами в руках подошли двое коренастых темноволосых мужчин и женщина.

– Простите, – обратился к Алине и Даше тот, которого Даша почему-то определила как начальника, – к вам можно присоединиться? А то мы опоздали, и все места уже заняты. – Он обаятельно улыбнулся, и Даша невольно отметила, что его улыбка предназначалась в основном Алине.

– Конечно, – любезно ответила та, – нам будет только приятно. Давайте познакомимся, и, с вашего разрешения, я нарушу правила этикета. Меня зовут Алина, а мою подругу – Даша.

– Никита, – представился «начальник», – Никита Пронин. А это мой старший брат со своей женой.

Оплывшего жирком брата звали Борисом, его жену Аллой. Рассматривая братьев, Даша чуть не забыла о своих баклажанах и спохватилась только тогда, когда к их столику подошел официант, чтобы забрать тарелки. Даша замотала головой, а для верности взялась за край тарелки, ожидая очередного насмешливого замечания от Алины. Но та была увлечена разговором с Никитой и Борисом.

Братья были очень похожи внешне. Оба крепкие, с короткими темными бровями над карими глазами, широкими скулами и мясистыми подбородками. Но все сходство исчезало, как только братья начинали говорить – мимика у них была совершенно разная. Борис бросал реплики лениво, не глядя на собеседника, и уголки его рта безвольно опускались вниз, так что казалось, будто он очень утомлен беседой. Никита смотрел

цепко, чуть изгибая губы в полуулыбке-полунасмешке, и весь казался собранным, энергичным. Алина сказала что-то, с чем оба брата не согласились, и Даша отметила их реакцию: Борис наморщил нос в презрительной гримасе, отчего лицо его стало похожим на собачью морду, а Никита нахмурил густые брови, что очень ему шло.

Даша прислушалась к разговору. Алла, Никита и Борис прилетели из Питера, где у Никиты был мебельный бизнес – как раз о нем и зашел спор. Спорили в основном Алина и Никита. Борис время от времени вставлял пару фраз, а его жена Алла не вмешивалась в разговор, глядя куда-то сквозь стекло с задумчивым видом.

Даша никогда не могла понять, о чем могут думать подобные женщины, и немного завидовала им. Маленькая, фигуристая, с аккуратной белой головкой и вкрадчивыми кошачьими повадками, она казалась иностранкой в их компании еще и потому, что с момента знакомства не произнесла ни слова. На ее шее загадочно поблескивал кулон с каким-то крупным темным камнем, подходящим по цвету к глазам Аллы. Неожиданно Борис что-то сказал Алине, та рассмеялась, и Даша с изумлением увидела, что на лице Аллы появилось странное выражение – легкая злая насмешка над чем-то, чего никто, кроме нее, не видит. Но через секунду оно исчезло, и перед Дашей снова сидела красивая ухоженная маленькая женщина с безразличным выражением лица.

– Слушай, – спросила Даша у Алины после обеда, когда они возвращались в свой номер, – тебе Алла не показалась немного странной?

– Да нет, обычная стерва, – усмехнулась Алина. – И нечего на меня так смотреть! Я тебе говорю истинную правду, до которой ты сама в жизни не додумаешься. Стерва, подцепившая богатого мужика и дрожащая над ним куда больше, чем пресловутая курица над потомством. Просто я, с ее точки зрения, представляю для нее угрозу, а ты нет – слишком безобидная. А вот с Никитой стоит познакомиться поближе. Кстати, я ему пообещала, что после обеда мы не пойдем к морю, а будем загорать у бассейна, и они к нам присоединятся. Так что у тебя будет прекрасный шанс понаблюдать нормального мужика, а не твоих... переводчиков, прости господи.

– Только он мне совершенно ни к чему, тот шанс, – сердито ответила Даша. – А насчет бассейна могла бы и со мной посоветоваться.

– Да вот я и посоветовалась, – невозмутимо отозвалась Алина. – А если тебе моя идея не нравится, можешь лежать у моря в гордом одиночестве, я пойму.

Так, это было что-то новенькое. Еще в Москве Даша и Алина договорились курортных романов не заводить, помогать друг другу

отбиваться от назойливых кавалеров и держаться в основном вдвоем. Причем было очевидно, что Алина прекрасно отобьется от кого угодно и сама, а потому более зависимой оказывалась Даша. Кроме того, Алина ясно обозначила свое отношение к отдыху, на котором они и сошлись: «Никаких лиц мужского пола любой национальности. Не будем уподобляться изголодавшимся дурочкам в ожидании климакса». Дашу несколько покорила формулировка, но в целом она была с ней согласна.

И вот выясняется, что какие-то лица мужского пола все-таки будут присутствовать, более того – оказывать влияние на их отдых. Впрочем, подумала Даша, действительно можно полежать у моря одной, пока Алина устраивает свою личную жизнь.

– Давай через главный корпус пройдем, – попросила Алина, – я хочу посмотреть расписание экскурсий.

Они зашли в холл отеля и сразу услышали разговор на повышенных тонах.

– Смотри-ка, – удивилась Даша, – наши попутчики, с которыми мы в автобусе ехали. С кем, интересно, они ссорятся?

Алина и Даша подошли к тяжелым кожаным диванам, на которых расположилось человек пятнадцать отдыхающих. В центре, около стеклянного стола, сидели парень и девушка, в которых Даша узнала гидов, встречавших их около аэропорта.

– Ага, а вот и Маша слевой, – заметила злорадно Алина. – И хорошо, пусть отдуваются за свое безалаберное начальство.

Маша слевой отдувались по полной программе.

– Не понимаю, почему я два дня живу в номере, в котором нет горячей воды! – возмущенно кричала полная женщина с кудряшками. – Вместо обещанного вашей фирмой отдыха я получаю сплошную нервотрепку!

– Да, и почему в нашем номере нет сейфа? – вступила в разговор высокая черноволосая девушка.

– О чем вообще вы думали, когда оставили тут нас одних разбираться с обормотами, которые притворяются, что ничего не понимают? – спросил худощавый сероглазый парень, подошедший после Алины с Дашей. – Вы же представители фирмы! Неужели не могли подождать пятнадцать минут? За это время все спорные вопросы могли быть решены. К тому же вы говорите по-турецки, и, как я понял, очень неплохо.

Даша с удивлением заметила, что Алина вздрогнула и начала медленно поворачиваться на голос.

– Алин, ты что? – дернула ее за рукав Даша.

– Ничего. Показалось, – сдержанно ответила та. – Давай послушаем,

как гиды будут оправдываться. По правде говоря, они действительно виноваты в ситуации, с турок-то что взять.

Оправдания Маши и Левы больше всего напомнили Даше бормотание мирного и доброго алкоголика с первого этажа ее дома, дяди Вади, как звали его все в округе. Получив необходимую для дальнейшей жизнедеятельности дозу алкоголя, дядя Вадя возвращался домой, где его ожидала в полной боевой готовности жена, Мария Ивановна. Ее во дворе никто и никогда не называл тетей Машей. Грозный рык Марии Ивановны загонял в конуру даже дворового пса Байкала, а у дяди Вади вызывал то самое непрерывное бессодержательное лепетание, которое Даша узнавала сейчас в оправданиях Маши и Левы. Какой-то смысл в нем, безусловно, был, но для окружающих он не имел никакого значения.

– Так, заканчивайте свое мычание, – произнес кто-то среди сидевших, по-видимому, тоже уловив в речи гидов что-то дяди-Вадино. – Лучше сделайте что-нибудь толковое, например, расселите нас в другие номера.

– Да и вообще неплохо бы поселить в самую «Сафиру», – произнесла Алина, и все обернулись на ее голос, как всегда оборачивались, даже если она просто смеялась. – А то мы обитаем в каком-то совершенно непонятном месте с названием, больше напоминающим марку женских тампонов.

– Вас переселят уже завтра, – ответил высокий полноватый Лева, – потерпите еще немного.

– Я надеюсь, разница в стоимости номеров будет компенсирована? – осведомилась Алина.

– Боюсь, тогда именно вам придется ее компенсировать, – неожиданно вступил в разговор тот самый сероглазый парень, – потому что ваш «Котрей» классом выше, чем наша «Сафира».

Среди отдыхающих раздались смешки.

– Простите, я интересовалась вашим мнением? – повернулась к нему Алина, и в ее голосе Даша явственно услышала те самые сиреневые ноты, которые как будто окатывали холодом. – Кстати, воспитанные люди сначала представляются, а потом уже вступают в разговор.

– В нашем случае это необязательно, – суховато ответил парень, пристально глядя на Алину с каким-то странным выражением лица. – Впрочем, если вы настаиваете... Меня зовут Максим.

«Ну вот, готов очередной Алинин дыхатель», – подумала Даша. И удивилась – мысль была неприятной.

– А я – Даша, – внезапно для самой себя услышала она собственный голос. Теперь все обернулись посмотреть на нее, и Даша почувствовала

себя полной, круглой, как колобок, идиоткой.

– Ну что ж, а я – Елизавета, – неожиданно представилась полная дама с кудряшками. – Очень приятно.

– Борис, – приподнялся с места уже знакомый Даше по совместному обеду брат Никиты.

Среди туристов опять поднялся шум, но на сей раз он был совершенно иным – люди познакомились, выясняли, кто чей земляк, и в этой суматохе Лева с Машей потихоньку исчезли.

– Поздравляю! На целых две секунды ты оказалась в центре внимания, – услышала Даша и обернулась к Алине.

– При чем тут центр внимания? – пробормотала она. – Ты же сама предложила представляться.

– Да-да, а ты просто удачно воспользовалась моим предложением, – кивнула Алина, отвернулась от оторопевшей Даши и направилась к выходу из отеля.

Глава 3

У маленькой Алины Винницкой была очень красивая мама, Алина знала это с самого детства, но не так, как знает большинство детей, – «у меня самая красивая мама!», а по-другому. Это знание подкреплялось фразами, брошенными другими взрослыми, а еще взглядами мужчин, и женщин тоже.

В первом классе Алина как-то раз подслушала разговор двух учительниц, из которых одна была ее классной.

– Такая красавица. И такая вежливая... – говорила молоденькая Ирина Семеновна учительнице старших классов, которую взрослые дети почему-то звали Лампедузой.

– Да, хороша, – неохотно соглашалась Лампедуза. – И девочка на нее похожа. Впрочем, может, израстется со временем, станет похожа на отца... – В голосе ее прозвучала легкая надежда на то, что так оно и случится и маленькая голубоглазая Алина не вырастет в такую же красавицу, как ее мать. – Ирина Семеновна, прикройте дверь, пожалуйста. Сквозняк такой ужасный...

Алина поспешно отбежала от двери и спряталась в туалете. Значит, ее мама красавица, а папа нет. Но она все равно будет похожа на маму. Так все вокруг твердят! И если будет делать все так, как говорит мама, то точно будет похожа!

Лидия Винницкая, мама Алины, знала, что основное достоинство женщины – красота. Красивым легче жить, если только они сами не осложняют себе жизнь собственной глупостью. Собственную дочь она всегда считала если не дурнушкой, то девочкой с совершенно невыдающейся внешностью. На самом деле Алина была красивым ребенком: с тонким, нежным личиком, с густыми вьющимися волосами редкого оттенка и очаровательной улыбкой. Но ее мать этих черт не видела. Она видела неуклюжую, вечно все задевающую и все роняющую девочку со слишком длинными руками и тонкими жеребьячьими ногами. И Лидия Винницкая сделала все, что могла, чтобы «улучшить породу». С четырех лет Алина занималась танцами, с пяти – плаванием в бассейне, в семь прибавилась гимнастика.

Лидия Валерьевна не собиралась делать из своей дочери спортсменку. Нет, упаси боже! Просто она хотела, чтобы девочка была «гармонично развита». Под гармоничным развитием понимались красивая грудь, попа,

ноги и обязательно – осанка. Когда Алина неожиданно начала сутулиться, Лидия Винницкая не стала тратить деньги на корсеты и прочую ерунду. Она пару раз хлестнула дочь ремнем по спине, чего вполне хватило: чуть заметив за собой, что опять сутулится, Алина вздрагивала и выпрямлялась, даже если сидела на уроке. «Палку проглотила, дылда!» – дразнили ее мальчишки, но Алина старалась не обращать на них внимания. Иначе она стала бы не похожа на свою прекрасную маму.

К восьми годам к гармоничному развитию прибавились уроки рисования и музыки, потому что правильно воспитанная девочка должна уметь хоть чуть-чуть рисовать и музицировать. Рисование у Алины шло хорошо – она любила занятия и с удовольствием проводила время в художественной школе. Девочка прекрасно чувствовала цвет, и Лидия Винницкая даже повесила в своей комнате «Портрет мамы с букетом мимозы», написанный Алиной. Педагоги честно говорили, что большим художником девочка никогда не станет, но способности у нее очень неплохие.

А вот с музыкой вышло хуже. У Алины начисто отсутствовали слух и голос, и, как ни занимались с ней в музыкальной школе, особым успехом старания учителей не увенчались. Она, конечно, научилась брэнчать на пианино и даже могла при необходимости извлечь из инструмента подобие «Лунной сонаты», но все это было не то, на что рассчитывала ее мама. А петь Алине вовсе оказалось противопоказано: стоило ей начать петь, как ее нежный голос терял всю свою нежность и становился неприятно металлическим, скованным, зажатым. Помучившись с дочерью, Лидия Валерьевна поняла, что здесь она против природы бессильна, и Алина бросила ненавистную «музыкалку».

Но Винницкая-старшая не забыла о своем поражении и, поскольку больше отыгрываться за него было не на ком, сполна отыгралась на Алине. Она не обладала хорошим чувством юмора, зато обладала отличным чувством сарказма, а оно позволяло ей находить болезненные места в душах близких. Для Алины таким местом были воспоминания о музыкальной школе, где она чувствовала себя неудачницей, где над ней смеялись дети, где снисходительно пожимали плечами учителя. Те самые учителя, которые должны были восхищаться ею и хвалить ее! Все это мама припоминала ей при любом удобном случае, получая странное удовольствие при виде скисшего лица дочери. Она могла одной репликой испортить Алине настроение на весь день, одним смешком заставить дочь расплакаться. Это оказалось гораздо действеннее, чем любая угроза или брань.

Когда Алине исполнилось десять, Лидия Валерьевна заметила, что у дочери испортилась походка – она стала подпрыгивать на ходу и широко размахивать руками. Ремень в данном случае был бесполезен, поэтому Винницкая несколько раз жестоко высмеяла дочь в присутствии мальчика, который нравился Алине. А высмеивать Лидия Валерьевна умела в совершенстве. С тех пор Алина следила за своей походкой и на улице старалась не бегать, а идти красиво, как мама.

Но самое главное, мать привила Алине знание правил хорошего тона. Говорить негромко, пользоваться салфетками, уметь грамотно наносить макияж, одеваться всегда уместно случаю, знать этикет – это была только верхушка айсберга. Главное, что знала вслед за мамой маленькая Алина: все, кто не следует правилам хорошего тона, – люди второго сорта. Слово «быдло» Алина не употребляла, потому что оно было слишком грубым для дамы, но иногда произносила про себя – например, применительно к соседям, у которых на обеденном столе не имелось салфеток.

Подростком Алина выделялась среди других детей. Тонкая, грациозная девочка с аристократической бледностью – Лидия Валерьевна не признавала солнечного загара, считая его исключительно вредным для кожи, – она ощущала собственную необычность, и другие дети ощущали ее тоже. Нельзя сказать, что Алину любили, но ей завидовали, и почти все девочки в классе пытались подражать. У Алины был вкус, у Алины была фигура, у Алины был ум – и Винницкая-старшая имела все основания рассчитывать, что у дочери в скором времени будет очень, очень достойный муж.

И надо же было случиться такому, что в двадцать два года Алина по большой влюбленности выскочила замуж за самого обычного служащего из какой-то маленькой, невзрачной конторы. За клерка, как называла его Лидия Валерьевна. Это был удар для матери, которая растила Алину вовсе не для того, чтобы ее дочь ждала судьба серого большинства. Нет, Алина должна была выйти замуж удачно – то есть так, чтобы обеспечить матери безбедную старость, ибо на мужа Винницкая-старшая надеяться не могла. В идеале супруг должен был увезти Алину за границу, чтобы чуть позже Лидия Валерьевна имела возможность приехать к дочери в какую-нибудь тихую европейскую страну с мягким климатом и низким уровнем преступности.

И что вместо этого?! Мальчик из провинциального городка, из провинциальной семьи и с провинциальными замашками! Никаких перспектив на зарабатывание больших денег, поскольку нет связей. К тому же у него имелось в наличии всего два костюма – один выходной, второй

повседневный, а подобное, с точки зрения Лидии Валерьевны, ставило крест на любом мужчине.

Алина была влюблена в мужа, очень влюблена, что не мешало ей трезво оценивать его достоинства и недостатки. Она понимала, что над супругом еще работать и работать. Постепенно у клерка появился третий костюм, за ним четвертый. Да не купленный в магазине, а пошитый на заказ. Он приучился складывать носки в отдельный короб, а не в общую корзину для белья. Застольный этикет дался ему на удивление легко – через каких-то пару месяцев после свадьбы он мог бы есть устриц как заправский аристократ, поскольку Алина научила его и этому. Ее не смущало, что устрицы в их жизни появлялись только на картинках – зато ее супруг верно приближался к людям первого сорта, которые это все умеют и делают непринужденно и с легкостью.

Однако после устриц дело застопорилось. Клерк отказывался смотреть фильмы Феллини, которые должны были знать все образованные люди, потому что ему не нравился Феллини. Алина пыталась объяснить, что это не имеет значения, что есть вещи, которых стыдно не знать, поскольку незнание их делает его человеком второго сорта, но клерк оказался неожиданно несговорчивым в данном вопросе. Он по десять раз перечитывал «Мастера и Маргариту», хохоча над тем, что совершенно не казалось Алине смешным, но не хотел читать ни Чехова, ни Достоевского.

– Алин, я их не люблю, – оправдывался он. – И вообще, устал ужасно на работе. Я Достоевского еще по школе помню – муть страшная, для мозгов вредная.

Он наотрез не хотел идти на выставку «Нового фотографического искусства» и ей подобные, на которых обязательно нужно было быть Алине, чтобы потом обсуждать их с маминными знакомыми. Зато бесцельно шатался по ближайшему лесопарку. Смысл «Черного квадрата» Малевича оставался для него совершенно неясным, а когда Алина рассказала ему существующие на сей счет теории, он обозвал их мозготрахательными. Причем при Алининой маме!

Они развелись спустя три года, когда Алина окончательно поняла, что не сделает из мужа ровню себе. Она устала от постоянных скандалов, которыми изматывала ее мама, устала от сопротивления супруга, не желавшего меняться в лучшую сторону. Алина применила по отношению к нему все средства, какие могла, – даже не разговаривала пару месяцев после очередной ссоры, надеясь, что муж поумнеет и начнет считаться с ее мнением. Ничего не помогло.

Она пришла в себя после развода и решила: больше никаких браков по

любви! Только по расчету. По грамотному, правильному расчету. Вот тогда будет счастье и ей, и маме.

* * *

После обеда Даша не пошла на море, а осталась вместе с Алиной загорать у бассейна и общаться с Никитой, Борисом и Аллой. Она сама не могла бы объяснить причину своего поступка, потому что лежать у бассейна с совершенно неинтересными ей людьми и купаться в хлорированной воде не хотелось, а хотелось смотреть на синие волны и шевелить пальцами в горячем песке.

Но она осталась.

И вот уже битый час слушала разглагольствования Бориса о его роли в бизнесе. Хотя бизнес был не его, а Никиты, рассказывал о нем именно Борис: важно, с многочисленными подробностями и многократно повторяемым сочным местоимением «я». В конце концов в середине его захватывающего рассказа о том, как он «правильно принес что-то нужным людям», Даша не выдержала, извинилась и поднялась, чтобы искупаться, хотя купаться ее совершенно не тянуло.

– Борька, наши дамы уже заскучали, – усмехнулся Никита, бросая взгляд на Алину, растянувшуюся не на лежаке, а на полотенце, – давай сменим тему и начнем хоть анекдоты травить, что ли.

– Перестань, Никит! Вот мне так даже очень интересно. Да и мы всего каких-то два часа слушаем, – неожиданно произнесла нараспев Алла и, протянув холеную руку, потрепала его по волнистым темным волосам.

Жест показался Даше настолько интимным, что она опустила глаза, а когда подняла, все было по-прежнему. Никита, улыбаясь, глядел на Алину, Алла прикрыла глаза, и только Борис обиженно молчал, пытаясь, видимо, выудить из памяти наименее неприличный анекдот.

Даша быстренько окунулась, а когда вернулась обратно, их компания увеличилась на двоих.

– Даша, познакомьтесь, – сказал Никита, – это Женечка и Сонечка. Наши очаровательные москвички просто жаждут познакомиться с вами.

Даша не была очень проницательной, но даже ей было очевидно, что Женечка и Сонечка жаждали познакомиться вовсе не с ней. Девушки посмотрели на нее круглыми птичьими глазами, молча кивнули и о чем-то зачирикали с Никитой и Борисом. Даша задремала, улеглась и даже сквозь сон улавливала обрывки фраз: «как, неужели у Версаче», «ну, вообще-то

Пугачева свой креатив уже исчерпала», «ах, франчайзинг, ну конечно». На последней фразе Даша решила, что она уснула и видит неприятный сон, а значит, пора просыпаться.

– Простите, можно узнать, что такое франчайзинг?

Даша открыла глаза, поняла, что вовсе не спит, и посмотрела на Алину, задавшую вопрос. В воздухе повисло молчание.

– Что вы спросили? – уточнила Сонечка, подавшись к Алине всем декольте.

– Я спросила, что такое франчайзинг, – повторила Алина. – Понимаете, мы в Питере совсем отстали от жизни, а в Москве я не так давно, в отличие от вас. – Алина усмехнулась, а Сонечка и Женечка, наоборот, перестали улыбаться. – Вот я и спрашиваю значение тех слов, смысла которых не знаю, чтобы не казаться в приличном обществе совсем уж необразованной.

Сонечка и Женечка продолжали без всякого выражения смотреть на Алину, Алла прищурилась по-кошачьи и откинулась на спинку лежака. Молчание затягивалось.

– Алиночка, я не могу представить себе такое общество, в котором вы могли бы показаться необразованной, – спас ситуацию Никита. – Я уже успел убедиться в вашей эрудированности и теперь хотел бы убедиться в том, что плаваете вы так же хорошо, как отгадываете кроссворды. Вы составите мне компанию? – Он поднялся с лежака и протянул руку Алине.

Алина неторопливо подала ему тонкую загорелую ладонь, грациозно встала, улыбнулась Даше и, не взглянув на все еще молчавших Сонечку и Женечку, направилась к бассейну.

«Так, все, хватит с меня зоопарка, – решила Даша. – Пойду на море. Там, во всяком случае, нет знакомых, и в данном случае это не может не радовать».

Объяснив Алле и Борису, где она собирается купаться, Даша подхватила полотенце и перебралась на берег. Она нашла свободный лежак, оттащила его подальше от основной массы загорающих, легла на живот и принялась смотреть на море. Солнечных очков у нее не было, приходилось щуриться, чтобы не слепило солнце, и Даша некстати вспомнила, что от этого образуются ужасные, страшные, грубые морщины. «Ну и пусть! – успокоила она себя. – Буду вся морщинистая, как черепаха. А что, даже забавно... Назову себя Тортиллой – не ново, зато имя редкое, и буду глядеть на всех глазами, в которых отражается мудрость веков. По-моему, черепахи именно так и смотрят. Надо потренироваться».

Разыгравшаяся Даша села и принялась прищуриваться так и эдак, пытаясь изобразить мудрость веков. Когда, по ее мнению, она достигла

значительных успехов, рядом с ней раздался голос, заставивший ее вздрогнуть:

– Девушка, вы почему на меня так странно смотрите? У вас все в порядке?

Даша часто заморгала, потеряла глаза и увидела, что недалеко от нее сидит на песке тот самый Максим, на которого произвела сильное впечатление Алина. Вблизи он показался ей старше. Серые внимательные глаза, светлые волосы ежиком, худощавая спортивная фигура... «Полностью мой типаж», – промелькнуло у Даши в голове, но она сразу отогнала наглую мысль.

– Да, у меня все в порядке. И я вовсе не на вас смотрела. Просто есть такое специальное упражнение для глаз... – пробормотала Даша, понимая, что черепахой ей никогда не быть, потому что они умные. – Нужно смотреть по-особому, и тогда зрение будет хорошим.

– Интересно. А вы меня не научите? – отозвался Максим. – А то у меня работа связана с компьютером, и зрение последний год катастрофически падает.

– А что у вас за работа? – попыталась Даша неуклюже сменить тему. – Вы программист? Или... м-м... веб-дизайнер? – «Ах, франчайзинг!» – почему-то всплыло у нее в голове.

– Нет, все не так запущенно, – рассмеялся Максим. – Я обычный юрист в обычной корпорации. Но, сами понимаете, документы приходится делать на машине.

– На какой машине? – не поняла Даша.

– Да на компьютере же, – удивленно посмотрел на нее Максим.

В этот момент веселая компания, которую Даша помнила еще по автобусу, под предводительством Василь Семеныча, решила перебраться из тени на солнышко, и накачанные парни, весело гогоча и перебрасываясь незамысловатыми шутками, перенесли лежаки почти вплотную к ее собственному.

– Олежек, сгоняй за пивком к черномазым! – громогласно провозгласил Василь Семеныч. – Но скажи, чтоб мочой не разбавляли.

Громкое ржание показало, что шутку оценили.

– Василь Семеныч, черномазые в Африке, а здесь – чурки турецкие, – заметил один из компании, со странным прозвищем Буфер, которому Даша уже успела подивиться.

– Да мне по хрену, черномазые или чурки, – рявкнул Василь Семеныч, – главное, чтобы выжрать давали!

– Послушайте, вы не хотите пройтись по берегу? – неожиданно

спросил Максим. – А то здесь становится слишком шумно.

Обрадованная Даша перекинула полотенце через плечо и побрела по пляжу, погружая пальцы ног в горячий песок.

В отель они вернулись только к ужину, и Даша сама не заметила, как пролетело время. Этот обычный парень ее почему-то немного смутил, но с ним было так легко общаться, он так весело смеялся ее шуткам, что в конце концов она совсем перестала стесняться и даже рассказала ему про черепаху Тортиллу.

– Кто вас так настраивал морщинами? – просмеявшись, спросил он.

– Алина, моя... – Даша замялась. – Девушка, с которой мы отдыхаем.

– Ваша подруга? – уточнил Максим.

– Не совсем.

Врать Даша не хотела, а объяснять правду тем более. В конце концов это было только ее дело.

– Перестаньте забивать себе голову ерундой, – авторитетно заявил Максим. – Я про морщины, – пояснил он, поймав ее недоуменный взгляд. – Уверяю вас, что в основном ваши морщины будут определяться генетикой, а вовсе не тем, что вы десять минут щурились на солнце.

– Откуда у вас такие познания? – улыбнулась Даша.

– Видите ли, я был женат. А когда несколько лет проживешь в браке, то начинаешь разбираться в вещах, очень, казалось бы, от тебя далеких. Таких, например, как морщины.

Даша промолчала. Его упоминание о браке что-то нарушило в разговоре, что-то легкое, непосредственное, из-за чего последний час и был для нее таким приятным. Дашу словно отгородило от Максима невысокой, но плотной стеной. Она не хотела анализировать его слова, не хотела проверять его на наличие следа от кольца на безымянном пальце. Это было ей противно. Но его слова заставили ее подумать об этом, что уже было плохо и тягостно.

– Пойдемте на ужин, – помолчав, предложил Максим, – а то ваши друзья вас совсем потеряют.

– Какие друзья? – удивилась Даша. – Я здесь почти никого и не знаю.

– Ну как же, а та шведская семья, с которой вы общались у бассейна?

Его слова так совпали с ее мыслями, что Даша чуть не вздрогнула и подозрительно посмотрела на Максима.

– Да я ничего плохого не имею в виду, – отозвался он на ее невысказанный вопрос. – Просто они ходят всегда втроем, вот я и выразился, наверное, немного неудачно.

«Очень даже удачно», – подумала Даша.

За ужином Алина сообщила, что наконец-то их переселяют.

– Даш, не хочешь до переезда зайти в магазинчик по соседству? Он прямо рядом с отелем. Пойдем прогуляемся...

– А что там?

– Да так, безделушки всякие, украшения... Ну Даша, будь же ты настоящей женщиной! – протянула Алина, заметив отсутствие энтузиазма с Дашиной стороны. – Что должно нравиться настоящей женщине? Украшения, меха и мужчины. Именно в таком порядке. Пойдем, будем развивать в тебе вкус.

Дашин вкус Алина развила, купив себе кольцо из белого золота с каким-то голубым камнем, прозрачным, как вода. Продавец сказал название, но Даша тут же его забыла. Кольцо в самом деле было очень красивым и на тонких Алининых пальцах смотрелось прекрасно. Довольная Алина повертела рукой, перемерила несколько цепочек и браслетов, подходящих к украшению, присмотрела какие-то серьги стоимостью с Дашину месячную зарплату и долго уговаривала Дашу их купить. Наконец, махнув на Дашу рукой, вышла из магазина. Даша попрощалась с продавцом, посмотрела на часы и обнаружила, что им уже пора быть в номере.

Пока они собирались, прошло не меньше часа, и носильщик перенес их вещи в «Сафиру» уже около одиннадцати. Тут обнаружилось, что им опять достался номер около лестницы на втором этаже.

– Черт возьми! – выругалась Алина. – Нас, в конце концов, поселят нормально или нет?!

– Да ладно тебе... – примирительно отозвалась Даша. – Зато здесь хороший вид из окна, прямо на клумбу, и к тому же тихо.

– Пока тихо! – огрызнулась Алина. – Посмотрим, что ты скажешь в час ночи.

Вечером, когда Даша расчесывала волосы перед сном, Алина поинтересовалась:

– А куда ты пропала перед ужином? Да еще так загадочно...

– Никуда, просто гуляла по берегу.

Волосы были еще влажные, и она взяла с полки фен.

– Даша, сколько раз тебе говорить! Никогда не суши волосы феном, иначе испортишь к сорока годам всю шевелюру. Только полотенцем! А здесь фен вообще ни к чему, сами к утру высохнут. Всему вас, молодежь, учить надо. Или ты собираешься трясти хаером на дискотеке?

– Да ну тебя! Смеешься, что ли?

Но фен Даша все-таки положила на место.

– Между прочим, я всего на четыре года младше тебя, – напомнила она. – А ты сама куда-то идешь?

Только сейчас она обратила внимание, что Алина и не собирается переодеваться. Более того – даже не смыла макияж.

– Иду, – промурлыкала Алина. – А маленькие девочки ложатся спать... Ну все, пока! – Она помахала Даше, взяла серебристую сумочку в тон своим волосам и вышла из номера.

Даша посмотрела на себя в зеркало и поняла, что спать ей совершенно не хочется. Но идти на дискотеку она не собиралась. «Пойду поброжу по парку, – подумала она, – заодно сон нагуляю».

Парком в «Сафире» называлась небольшая аллея из пальм и кустов, которые были очень похожи на единственное известное Даше комнатное растение под названием розан. Только в Турции пресловутый розан был в десять раз больше и цвел не красными цветами, как у нее дома, а розовыми и белыми. Разглядывая цветы, Даша медленно побрела по дорожке.

Аллея привела ее к пирсу, на котором никого не было, кроме одинокого курильщика, методично сплевывавшего в море. Фу, подумала Даша, и стала смотреть в другую сторону. На темном море выделялись белые барашки, заметные даже в темноте. Ветер разбивал волны о пирс, морские брызги долетали до лица, и ей нравилось слизывать с губ соленую воду.

– Слушай, тебя ведь Дашей зовут?

Задумавшись, она не услышала, как курильщик подошел к ней. Кивнула, взгляделась в него и узнала аниматора Колю, попавшего ей мячом по голове.

– Скажи, как зовут твою подругу? А то со мной она особо и не захотела общаться.

– Слушайте, – рассердилась Даша, – налаживайте с ней контакты сами и не впутывайте меня!

– Ого, какие ты слова умные говоришь! – ухмыльнулся Коля. – Контакты... Да ладно, у меня все равно сегодня свидание. С девчонкой почти такой же масти, как и твоя подружка. А имя узнать не проблема, посмотрю в записи регистрации, и все дела.

– Ну и посмотрите!

Неожиданный сильный порыв ветра окатил ей джинсы до колен соленой водой.

– Ой! Вот и искупалась! – раздраженно пробормотала Даша.

Коля усмехнулся, оглядев ее с ног до головы.

– А я на сегодня накупался, даже ногу свело... – И он задрал штанину, продемонстрировав Даше накачанную икру. – Не уверен, смогу ли завтра в

бассейне сусликов гонять. Ну ладно, покедова!

Парень развернулся и вразвалку зашагал по аллее. Даша потопталась еще недолго на пирсе, а затем пошла к корпусу. Стоять у моря ей расхотелось.

Возвращаясь, она опять стала рассматривать крупные белые цветы на кустах, которые так и звала розанами. Даше очень хотелось сорвать хотя бы один и посмотреть, насколько он отличается от своего российского родственника, но днем она стеснялась. «Ничего, – сказала она самой себе, – здесь никого нет, никто и не увидит. И потом, я ведь только один возьму».

Оглядевшись по сторонам, Даша зашла за куст и выбрала самый большой цветок.

– Да мне плевать, что они хотят! – раздалось прямо перед кустом. Даша дернулась и вместо цветка обломала всю ветку. – Я нормально вкалываю на них, уродов, выкладываюсь по полной программе, а меня второй месяц мурыжат с бабками. И босс, сука, морду воротит. Да если я захочу, в любой гадюшник здешний без проблем устроюсь, меня еще упрашивать будут. Здесь Колю все знают, знают, как я сусликов развлекаю! Блин, ни капли в рот не взял за последние два месяца...

Негромкий женский голос что-то ответил, удаляясь, и Даша разобрала только Колины слова:

– Вот ты мне, дорогая, и поможешь.

Прошуршали шаги по гравию, и все стихло. Даша, держа в руках обломанную ветку, выбралась на аллею. «Ну вот, набрала цветочков», – подумала она и бросила ветку в траву. Ветка зашуршала очень громко, Даша посмотрела вниз и только тут поняла, что звуки раздаются рядом с тем кустом, за которым она стояла. Кто-то выбирался из зарослей, но не в сторону аллеи, а в противоположную – к подсобным помещениям, скрытым зелеными насаждениями. Удивленная и очень смущенная Даша постояла на дорожке, поразмышляла над количеством отдыхающих в кустах, не пришла ни к какому выводу и побрела к себе в номер.

* * *

Утром, спустившись к завтраку, Даша обнаружила, что забыла бейджик. Такие бейджики были у всех туристов в отеле: их полагалось предъявлять при входе в столовую. Даша догадалась, что это мера предосторожности от прожорливых туристов из соседних отелей, вознамерившихся полакомиться «на халяву».

– Алин, займи мне место около окна, – попросила она, – я сейчас!

Возвращаясь обратно через холл, она заметила, что навстречу ей прошла бледная светловолосая Маша, которую догонял Лева. Лица у обоих были совершенно застывшие. Даша остановилась около фотографий, на которых был запечатлен сплав по горным речкам, и залюбовалась живописным пейзажем.

– Да какая разница, все равно консулу надо звонить, – услышала она раздраженный Машин голос.

А через секунду та пролетела мимо Даши в обратную сторону. За ней с какими-то простынями в руках проследовал Лева.

Пока Даша стояла около стенда с фотографиями, из коридора выскочила девушка в униформе, подбежала к стойке регистрации, набрала какой-то номер и, оглядываясь, стала негромко и очень быстро о чем-то говорить невидимому собеседнику.

«Да что у них происходит? – удивилась Даша. – Сначала наши гиды отчего-то разволновались, теперь сотрудница отеля...» Мимо нее торопливо прошел толстый пожилой плешивый турок и скрылся в комнате для персонала. Даше было слышно, как он разговаривает с кем-то, причем, судя по тону, отдает приказания. Когда спустя некоторое время он вышел, рядом с ним шли два парня с такими же озабоченными лицами, какие были у Маши и Левы. На Дашу троюшка даже не взглянула.

Внезапно Дашу охватило непонятное чувство тревоги. Она прекрасно понимала, что переполох мог быть вызван чем угодно, любой неполадкой, но чувство тревоги не только не отпускало, но становилось все сильнее. Забыв про завтрак, она направилась в коридор вслед за исчезнувшими там турками и около номера, расположенного возле лестницы, столкнулась с выходящим из него человеком в белом халате и следовавшим за ним Левою. Как хвост, подумала Даша и осторожно тронула его за рукав. Эффект был неожиданным: Лева подпрыгнул и уставился на Дашу встревоженными глазами, явно не узнавая ее.

– Здравствуйте, меня зовут Даша, я из вашей группы, – быстро проговорила она. – Скажите, пожалуйста, что у вас случилось?

– Да ничего не случилось, – глядя вслед уходящему медику в белом халате, пробормотал Лева. Светлые волосы на его голове были взъерошены, а воротник обычно отглаженной и аккуратной белой рубашки смят и не застегнут. – Экскурсии будут как обычно, по расписанию.

– Я не про экскурсии вас спрашиваю, – проявила Даша настойчивость, – а про то, что произошло. Может быть, я смогу помочь?

Чем помочь, она и представления не имела, учитывая, что

медицинского образования у нее не было. Очевидно, та же самая мысль пришла в голову Лева. Он недоуменно взглянул на нее и внезапно расхохотался.

– Помочь? – переспросил он. – Нет, искусственное дыхание делать уже поздно.

– Какое дыхание? – уточнила Даша, решив, что ослышалась.

– Никакое, – зло ответил Лева. – Аниматор наш, Николай, утонул нынче ночью. Тело парни с катера выловили, когда приплыли к берегу с утра пораньше. Вот ждем полицию. Надеюсь, вы не станете обсуждать происшествие за завтраком? – Он пристально посмотрел на нее. – Очень сильный удар по репутации отеля, не нужно трепаться со всеми подряд.

Даша ничего не успела ответить про «трепаться», из комнаты вышла Маша и кивком головы позвала своего напарника обратно. Даша пошла в свой номер, забыв, что собиралась позавтракать. Дошла до двери, посмотрела на желтую ручку и повернула обратно. Когда она уже была около столовой и, не глядя на охранника, показывала бейдж, навстречу ей быстрыми шагами вышла Алина.

– Даш, да ты что, уснула, что ли? – возмутилась она. – Или ты бирку потеряла?

Даша не успела ничего придумать, Алина пристально посмотрела на нее, взяла под руку и отвела в сторону.

– Что случилось? – понизив голос, спросила она. – Даш, что случилось, кто-то позвонил?

– Да нет, просто я долго искала эту штуковину. – Даша показала на бейджик, презрительно названный Алиной «бирка».

– Знаешь, милая, врать ты совершенно не умеешь, – холодно проговорила Алина. – Не хочешь объяснять, дело твое, я к тебе в подруги не напрашиваюсь.

Она повернулась и пошла по направлению к бассейну.

– Алин, погоди! – Даша догнала ее. – Просто я никак в себя не приду. Ты только, пожалуйста, не говори никому, хорошо? Мне сейчас сказали, что тот парень, который туристов должен развлекать, утонул.

– Утонул? – Алина обернулась к Даше и остановилась. – Когда?

– Как я поняла, ночью, – растерянно проговорила Даша. – Но вообще-то не знаю.

Алина постояла молча, нахмурившись.

– Даша, я все равно не понимаю, – наконец заговорила она, – тебя-то почему так его смерть расстроила?

Даша недоуменно посмотрела на нее.

– Совершенно незнакомый тебе человек, – объяснила Алина. – Извини, может, звучит и грубо, но какая тебе разница, живой он или мертвый? В конце концов, он и аниматором, в общем-то, был посредственным. Я бы на твоём месте не принимала его смерть так близко к сердцу. Иди позавтракай, сегодня отличный творог. Я у бассейна буду, там же, где в прошлый раз.

Глядя вслед уходящей Алине, Даша и сама не могла бы объяснить, почему смерть аниматора так подействовала на нее. Может быть, потому, что курортное местечко, куда она приехала отдыхать, менее всего ассоциировалось со смертью. Или потому, что странно было представлять себе покрытое простыней тело человека, который еще вчера демонстрировал загорелые ноги и собирался встречаться с какой-то женщиной. Она не знала. «Он мне никто, – повторила она про себя, – он мне никто. Он и аниматор-то был посредственный». Но это не помогло. Она смотрела на синие волны, а внутри поднимался страх.

Глава 4

К вечеру уже весь отель бурно обсуждал произошедшее. Женечка и Сонечка, опять загоравшие рядом с ними у бассейна, объявили, что просто аниматор напился вечером, решил искупаться, а ночью были такие ужасные волны, ну вы же помните... Даша старалась не глядеть в их круглые глаза. Чем-то неуловимо похожие друг на друга, обе невысокие, ладненькие, хорошенькие и бодренькие, Женечка и Сонечка напоминали ей двух соек, прилетавших к их дому в Бабушкине по утрам. Даше птицы нравились до тех пор, пока не начинали издавать странные, режущие ухо звуки. Вот и сейчас ей хотелось заткнуть уши и кинуть в них старым ботинком, чтобы они улетели. Беленькая Сонечка заметила выражение ее лица и спросила:

– А вам что-то не нравится, Даша? Может, вы с нами не согласны? – И переглянулась с прищурившейся Женечкой.

– Я не думаю, что он утонул, потому что был пьяный, – сдержанно ответила Даша.

– Да ладно! – вступила Женечка. – Здесь все мужики пьют, как лошади, а еще... – Она хихикнула и замолчала.

– А еще трахаются, как кролики, – закончила за нее Алина. – Должно быть, он был пьяный и затраханый.

Почему-то любое грубое выражение из уст Алины казалось грубым вдвойне, может быть, потому, что резко контрастировало с ее чуть высокомерной манерой держаться, с общим впечатлением *породистости*. Это уловили даже Женечка и Сонечка.

– Зачем так грубо? – протянула Женечка. Хотела добавить что-то еще, но, встретив Алинин взгляд, замолчала.

– Может быть, замечено и не очень деликатно, но верно, – вступил в разговор Никита. – Однако должен вам сказать, дорогие барышни, – обратился он к девушкам, – что уважаемая Даша права абсолютно, пьяным он быть никак не мог. В нашем отеле, и вообще в большинстве других, правила по отношению к аниматорам достаточно строгие, а к русским особенно, учитывая некоторую... ну, скажем так, национальную специфику. Напиваться им нельзя, иначе выгоняют сразу. А бедный покойный Николай находился у дирекции в черном списке. Или не у дирекции, а кто тут у них... В общем, у хозяина. Не резон ему было пить, вовсе не резон, если только он за место держался.

Алина посмотрела на Никиту удивленно:

– Откуда такая осведомленность?

– Я, дорогая Алина, должен знать все и обо всех, у меня работа такая, – отшутился Никита. – Хотя, конечно, вы для меня – загадка.

Он галантно склонился к ее руке, а Даша поймала взгляд Аллы: совершенно кошачьими глазами, темными, непроницаемыми, та смотрела, как Никита прикасается губами к тонкой руке Алины. Темный камень на ее шее показался Даше третьим глазом. В этот момент на пляже раздался чей-то вскрик, Никита быстро повернулся на звук и встретился глазами с Аллой. Несколько мгновений они, не отрываясь, смотрели друг на друга, потом на губах мужчины заиграла неприятная полуулыбка, и Алла отвернулась. Смущенная Даша потянулась к сумке, чтобы достать совершенно ненужный ей крем.

Знает он все и обо всех, подумалось ей, как же... Вот прекрасные способности по пусканию пыли в глаза! Конечно, если сказать, что подслушал разговор, сидя в кустах, будет вовсе не так эффективно, как проявить осведомленность об отношении хозяина отеля к служащим. А в том, что свои познания Никита почерпнул в тех же кустах, что и она сама, Даша почему-то нисколько не сомневалась.

– Алка, вставай, пойдём купаться! – Борис неуклюже поднялся и взял жену за руку. – Хватит валяться, скоро жиром покроешься.

Освободив руку, Алла ответила, не открывая глаз:

– Позаботься о своей фигуре, а о моей я сама уж как-нибудь... Не хочу купаться, ты же знаешь, я больше люблю на солнце лежать.

– Точно, как змея, – неожиданно зло проговорил Борис. – Пошли в воду, я тебе сказал!

– Ты чего к ней пристал? – спросил Никита. – Ну не хочет человек купаться, и ладно. Иди вон с Женечкой.

– Знаешь что, – обернулся к нему красный Борис, – занимайся-ка ты своими делами! А в мои не лезь.

– Как ты своими делами занимаешься, я уже знаю, – угрожающе проговорил Никита. – И моими, между прочим, тоже. Так что иди-ка окупись, заодно голову остудишь.

– В самом деле, Боря! – вмешалась Алина. – Возьмите Женечку и научите ее плавать как следует. А то с нее скоро кожа лохмотьями начнет слезать.

– Почему? – обиделась Женечка. – Я вообще-то тоже кремом пользуюсь. Таким же, как и ваш.

Алина снисходительно посмотрела на нее.

– Знаете, Женечка, я все-таки не имею привычки покупать косметику в метро. А ваша именно оттуда родом, поэтому вы напрасно полагаетесь на ее солнцезащитные свойства. Бесплатный добрый совет – выкиньте ваш тюбик и купите новый, а не то испортите кожу.

Женечка покраснела, поджала губы, встала и пошла к бассейну. За ней поплелся обгоревший Борис.

Даша проводила их взглядом и обернулась к Алине.

– Я пойду искупаюсь в море, мне бассейн не очень нравится.

– Да он никому не нравится, – неожиданно рассмеялась Алла. А когда Даша подняла на нее глаза, махнула рукой: – Идите, идите, не обращайтесь внимания! Я так, о своем.

– Я с тобой пойду, – легко поднялась Алина. – Не скучайте.

Она помахала Никите и пошла к морю, аккуратно огибая стоявшие на траве лежаки. Даша догнала ее бегом и спросила:

– Алин, ты зачем так с этой девушкой, Женей? Ты же ее ужасно задела.

– Да какая она девушка! – обронила презрительно Алина. – Тебе сколько лет?

– Ты же сама знаешь, двадцать четыре.

– Ну вот, а ей больше лет на пять. Да, и дуре Сонечке тоже. Все их ужимочки, словечки, манера одеваться в стиле «я маленькая девочка, я в школу не хожу» рассчитаны на наивных людей вроде тебя, ну и на мужиков, конечно. И потом, что за отвратительная привычка у них – красить губы одинаковой помадой? Хоть бы оттенок сменили. Я к таким женщинам испытываю классовую ненависть. Впрочем, – она остановилась, – ненависть – это сильно сказано, но вот показать, кто они такие, при любой возможности, я просто считаю своей обязанностью.

Даша хотела что-то ответить, но внезапно остановилась и стала вглядываться в сторону главного корпуса, мимо которого проходила пара темноволосых, смуглых туристов – высокая девушка в синем парео и парень чуть постарше ее в мокрой майке.

– Смотри-ка, те самые итальянцы! – воскликнула она. – Помнишь, которые на таможне спорили с нашими туристами, с бизнесменами из Самары.

– Не с бизнесменами, а с барыгами, – автоматически поправила ее Алина. – Бизнесмены в Самаре не водятся. Кстати, мужик очень даже неплох! Да и девочка, надо признать, тоже.

Итальянцы, не подозревая о том, что их столь лестно оценивают, быстро шли по аллее, когда сзади раздался чей-то хриплый окрик:

– Эй, ты, жлоб, ну-ка стой!

Повернувшись на голос Алина и Даша увидели, что от главного корпуса девушку и парня быстро догоняет Василь Семеныч, явно вспомнивший, где и при каких обстоятельствах он их видел. Следом за Василь Семенычем бежали Буфер и Олежек, оба в красных спортивных трусах, а за ними торопился четвертый парень из компании, низкорослый вечно хмурый крепыш, ни разу не отвечавший Даше на ее приветствие.

Даша смотрела, как вся четверка догнала итальянцев, окружила их и начала что-то агрессивно втолковывать, размахивая руками. Пара сначала стояла молча, с непроницаемыми лицами, но через минуту девушка шагнула в сторону, стараясь обойти крепыша, тот заступил ей дорогу, и мужчина слегка оттолкнул его. С этого момента события приобрели стремительный характер. Крепыш без замаха, быстро и точно ударил итальянца в живот, тот согнулся и тут же получил удар по спине от Василь Семеныча. Ахнувшая Даша увидела, что девушку оттолкнули в сторону с такой силой, что та упала на траву. Пока пыталась подняться, ее спутник получил еще несколько ударов и свалился недалеко от нее.

– Господи, что ж такое делается-то! – раздалось позади Даши, и она увидела полную женщину, замотанную в розовое полотенце. – Драка, что ли? Так надо охрану позвать!

– Не драка, а избиеение младенцев, – ответила Алина. – Кстати, охрана вон уже мчится.

Со стороны пляжа и корпусов к дерущимся подбегали трое охранников, но, прежде чем они успели вмешаться, девушка вскочила наконец с травы. Невесть откуда взявшейся палкой она взмахнула в воздухе, причем взмахнула как-то странно, изогнувшись всем корпусом, и палка обрушилась на ноги ближнего к ней Василь Семеныча. С громким криком тот свалился и остался лежать, прижимая к себе левую ногу, а трое других застыли, глядя на девушку. Еще один взмах – и крепыш отскочил в сторону, шипя что-то сквозь зубы и потирая плечо. Подбежала охрана и повалила в траву всех, кроме девушки, которая так и осталась стоять с палкой в руках. Ее спутник поднялся и начал что-то говорить охранникам, а девушка повернула голову к Даше с Алиной, которые, оторопев, даже не двинулись с места. Внимательно посмотрев на обеих, она неожиданно забросила палку далеко в кусты и пошла вслед за охраной, уводившей всю компанию по направлению к отелю.

– Вот тебе и избиеение младенцев! – помолчав, сказала Алина. – Слушай, давай тоже так научимся, а?

Даша, не отвечая, пошла к месту драки. Подойдя, она принялась шарить в кустах и очень быстро нашла то, что искала. Она догадывалась,

что именно найдет, и почти не удивилась. Когда к ней подошла Алина, она вертела в руках полусохшую ветку «розана», сломанную ею самой накануне вечером.

– Она что, их вот этим прутиком отделала? – недоверчиво спросила Алина. – Не может быть! Ты просто не нашла ее палку.

– Нашла, – задумчиво ответила Даша, – это именно она. Я запомнила место, куда она ее кинула.

– Ну и что? Здесь полно палок. И вообще, какая разница? Пойдем наконец купаться, а то обед.

* * *

– Я ее убью, – сосредоточенно сообщила Женечка, снимая мокрый купальник. – Слышишь, Сонька?

Соня стояла на балконе, развешивая белье, и не слышала ни слова. Снизу из бара гремела музыка, у бассейна шумели отдыхающие, плескались волны на море.

– Ты мне разрешаешь, да? – громко спросила Женечка и прислушалась. Соня стояла к ней спиной и ничего не отвечала. – Ладно, потом не говори, что не разрешала. Я подумаю, как все сделать.

Она стянула наконец с себя противный купальник и пробежалась из одного угла комнаты в другой. Расстояния хватило всего на четыре шага, и Женечка в ярости пнула свой почти пустой чемодан так, что он отлетел в сторону. Ничего, не будет в другой раз на дороге лежать! Она сбросила с кровати одеяло и свернула его комом, представляя, что внутри завернута эта мразь, эта сволочь, эта гнида... Женечка с наслаждением потопталась на одеяле, помяла его руками и в завершение опустила на него чемодан. Вещи высыпались, со стуком прокатились по полу батареи, и Соня обернулась.

– Ты что? – нахмурилась она, входя в номер. – Что такое? Зачем чемодан схватила?

– Да просто так, – улыбнулась Женечка в ответ. – Побаловаться захотелось.

– Женька, ты смотри у меня! – пригрозила Соня. – Знаю я твое «побаловаться». Собирай шмотки, скоро в столовую идти.

Торопливо рассовывая вещи по углам чемодана, Женечка представляла себе гибель «этой сволочи». Сначала – выдрать ногти. Неторопливо, чтобы кровь текла ручьями. Потом прищемить ей пальцы дверью, и пусть они

ломаются с хрустом. После пальцев можно проколоть тело иголкой в разных местах. Большой иголкой, а еще лучше – маникюрными ножницами. У Соньки как раз подходящие ножницы – маленькие, очень острые, с золотыми ручками-колечками. Женечка представила, как кончики ножниц вонзаются в мягкую кожу, и почувствовала покалывание в кончиках пальцев – слабое, но очень приятное. Чтобы не спугнуть его, она застыла над чемоданом, но из наслаждения этим состоянием ее вывел высокий Сонечкин голос:

– Ты что, уснула? Клади свитер в чемодан. Нет, сначала потряси его на балконе, он весь в пыли.

Скривившись, Женечка подняла с пола свитер, и покалывание исчезло. Она сморщила нос так, что лицо превратилось в злобную гримасу, но говорить ничего не стала. Сонечку нельзя ругать. В конце концов, она же разрешила сделать то, что хотелось Женечке, хотя раньше не разрешала. И, может быть, если ласково попросить, она даже согласится помочь, потому что одной убить человека не так-то просто.

* * *

Ковыряясь вилкой в баклажанах, которые сегодня почему-то казались вовсе не такими вкусными, Даша спросила:

– Алин, с чего ты взяла, что у нее крем поддельный?

– У кого? Ах, у Женечки... Да по разным деталям: понимаешь, буквы чуть-чуть иначе прорисованы, рисунок чуть-чуть смазан, ну и что-то еще, я уже не помню. И вообще она вся – как шуба из искусственного меха, только купленная не по причине любви к зверушкам, а чтобы пыль в глаза попускать.

– А по-моему, ты просто Никиту к ней немного ревнуешь, – улыбнулась Даша.

Алина отложила вилку в сторону и пристально посмотрела на Дашу.

– Девочка моя, если мы с тобой вместе отдыхаем, это не значит, что ты можешь критиковать меня на правах подруги. И вообще ни на каких правах. Договорились?

Даша покраснела так, что ей стало жарко.

– Да я и не собиралась тебя критиковать, – пробормотала она. – Я просто пошутила.

– Так вот учти: мне подобные шутки не нравятся. Ну все, – Алина поднялась с места, – пойду куплю билеты на рафтинг, а ты наслаждайся

баклажанами.

Глядя на ее пепельные волосы, мелькавшие в толпе, Даша подумала, что от отдыха она получает гораздо меньше удовольствия, чем ожидала. Мало того, что происшествие с Николаем никак не выходило из головы, так еще и Алина огрызается на, казалось бы, безобидные шутки. Следовало признаться самой себе, что ладить с попутчицей оказалось труднее, чем представлялось вначале.

– К вам можно присоединиться?

Даша подняла глаза и увидела Максима, стоявшего с полным подносом.

– Добрый день! – улыбнулся он. – Так я вам не помешаю?

– Нет-нет, – заторопилась Даша, – садитесь, конечно.

Она почему-то опять покраснела и, почувствовав это, разозлилась на себя. Высокий, уже успевший загореть Максим нравился ей, но вовсе не настолько, чтобы краснеть, как первокурснице, от одного его присутствия.

– Вы чем-то расстроены? – неожиданно спросил он. – Что у вас случилось?

– Неужели так заметно? – не сдержалась Даша. – Да нет, все в порядке, просто не всегда могу найти общий язык с Алиной.

– А, ваша красавица... – заметил Максим, и что-то в его интонациях насторожило Дашу. – С такими людьми всегда трудно находить общий язык.

– Почему вы так решили?

– Потому что они знают себе цену настолько хорошо, что другие рядом с ними совершенно обесцениваются. Честно говоря, эгоцентричные люди вообще не вызывают у меня особой симпатии – при общении с ними слишком многое зависит от их настроения. Вот Алина: попала ей вожжа под хвост, и она вас обидела, не задумываясь. Не спорьте, – остановил он Дашу, собирающуюся что-то сказать. – Я же вижу, что прав. А вас я успел узнать достаточно, чтобы понять: вы-то ее ничем задеть не можете. Впрочем, не совсем так, – поправился он, – задеть как раз можете, а вот обидеть – нет.

– В чем разница? – удивилась Даша, забыв, что собиралась заступиться за Алину.

– В том, что первое получается ненамеренно, а второе делается специально. Вы ее задели, когда в холле начали представляться всем отдыхающим и переключили внимание на себя. Вы не поняли? – усмехнулся он. – А ведь было очень заметно. Да бог с ней, лучше скажите мне: вы собираетесь завтра на рафтинг?

– Да, – кивнула Даша, воодушевленная сменой темы, – Алина как раз пошла записываться.

– Здорово! – Максим улыбнулся. – Потому что я тоже собираюсь поехать, и мне было бы очень приятно увидеть вас там.

Даша так обрадовалась, что тут же забыла про Алинины выкрутасы. Даже то, что она не знала, что такое рафтинг, и стеснялась спросить, ничуть не омрачило ее хорошего настроения.

Глава 5

К двадцати восьми годам Алина Винницкая могла бы выйти замуж раз пять, причем каждый раз за принца на белом коне. Или, по меньшей мере, за главу королевского казначейства. Во всяком случае, Лидия Валерьевна оценивала ее серьезных воздыхателей очень высоко, а она знала толк в мужьях, поскольку сама вышла замуж довольно неудачно.

Один жених Алины был предпринимателем, имевшим устойчивый бизнес, второй – сыном начальника секретариата мэра, очень многообещающим молодым человеком, третий – состоятельным иностранцем, ищущим в России талантливых художников. Четвертый вызывал у старшей Винницкой кое-какие сомнения, поскольку сам как раз и был талантливым художником. Но вот пятый... пятый блистал, как звезда, – почти популярный писатель, достаточно известный для того, чтобы зарабатывать деньги, и достаточно бездарный для того, чтобы иметь сложный характер творческого человека. В общем, сама Лидия Валерьевна жила бы с ним душа в душу, но, увы, писатель предлагал руку, сердце и часть своих гонораров не ей, а дочери. А дочь все это отвергла, и Винницкая-старшая не понимала почему.

Но Алина чувствовала, что ее судьба бродит где-то неподалеку. Бизнесмены, чиновники, художники – мелко плавающая рыбешка. Нет, Алина должна вытащить такой счастливый билет, какой и не снился ее маме. Вот тогда она сможет рассчитывать не просто на мамино одобрение, а на восхищение, а заслужить восхищение Лидии Винницкой было заветной Алининой мечтой с самого детства.

И, кроме того, она уже точно знала, чего хочет. Средний класс ее не устраивал. Машина, большая квартира, летний домик в Подмоскowie, платные учебные заведения для детей – все это хорошо, но ей не подходит. Банально и очень, очень легко достижимо. Возможность приобрести дома по всему миру, с легкостью менять страну проживания, покупать любые вещи, какие хочется – даже картины известных мастеров, – вот что требовалось Алине, и вот почему она отказывала таким бесценным, с точки зрения Лидии Валерьевны, поклонникам. Романы – это одно, но замужество – совсем другое, и вторую ошибку она не собиралась допускать.

Пару раз рядом с ней оказывались подходящие люди, и оба раза она подходила к своей цели вплотную, но каждый раз отступала. Алина вовсе

не была жадной стервой, охочей до наживы. Нет, она собиралась жить со своим мужем долго и счастливо, собиралась рожать от него детей, а потому будущий супруг должен был быть не просто ходячей мошной, а еще и человеком, рядом с которым ей будет комфортно существовать. Пока же встреченные ею мужчины не подходили под этот критерий, и, убедившись в этом, Алина быстро оставляла их в покое.

Она ощущала, что может встретить *правильного* человека в любой момент, и тогда из момента нужно будет вытянуть все, что только можно, а поэтому следует быть наготове всегда. И она ухаживала за собой, занималась спортом, поддерживая прекрасную форму, одевалась всегда так, что вслед ей оборачивались не только мужчины, но и женщины. В ней были стильность и стиль, а также шарм.

Но друзей у Алины по-прежнему не было. Во-первых, потому, что сложно было найти людей, которые могли бы ей соответствовать. Но даже когда таковые встречались, долго поддерживать близкие отношения с Алиной они не могли – их отталкивал ее тяжелый характер, отпугивала способность легко и жестоко высмеивать мельчайшие недостатки. Придя в дурное настроение, она была способна целый день тяжело молчать, время от времени огрызаясь на близкого человека без причины. К тому же Алина с возрастом становилась до мелочности внимательна к деньгам, как своим, так и чужим, потому что до встречи с вожделенным богатым мужем она могла рассчитывать только на собственные доходы, а они были далеко не столь высоки, как ей хотелось. Она легко тратила деньги на украшения, считая это неплохим вложением капитала, но до копейки высчитывала стоимость повседневного обеда в кафе и никогда не оставляла чаевых. Щедрость к себе в сочетании со скупостью к другим рано или поздно бросались в глаза каждому, кто общался с Алиной. Она давно жила отдельно от родителей, и те были очень рады: переносить общество дочери постоянно было не так уж приятно.

Поэтому, когда Алина решила отдохнуть в Турции, выяснилось, что попутчиков для поездки у нее нет. Пара девочек с работы, которых можно было захватить с собой, работали без отпусков. Две замужние приятельницы предпочитали путешествовать с супругами или с родителями и детьми, а три незамужние почему-то не рвались составить ей компанию.

Проблема, казалось, не стоила выеденного яйца – ничто не мешало поехать без спутницы и две недели отдыхать от поднадоевших клиентов, плескаясь в теплом море. Но дело было в том, что Алина ненавидела оставаться одна ночью в незнакомых помещениях – ее охватывал

необъяснимый страх. Казалось, что темнота протекает в щели, что к ней протягивают щупальца неизвестные чудовища, сгущающиеся из плотного сумрака. Становилось тяжело дышать, холодный пот покрывал лоб, мелкими капельками стекая по коже. Можно было спастись, включив свет, но засыпать со светом ей было трудно. Алина боялась рассказывать о своей особенности другим людям, в том числе и матери, опасаясь насмешек и ярлыков. К сумасшествию, она знала, ее страх не имел никакого отношения, и идти к людям, именуяющим себя психотерапевтами, она тоже не собиралась, скептически относясь к их возможностям. Успокоительные Алине не помогали, и проще было найти на две-три недели попутчицу, которая с восторгом смотрела бы на Алину, не особенно обременяла ее и была достаточно умна, чтобы не надоест глупой болтовней за время отпуска.

Так она познакомилась с Дашей.

* * *

Выяснилось, что загадочный рафтинг – как раз тот самый сплав по речкам, который так понравился Даше на фотографиях. Об этом она узнала накануне вечером, проходя мимо столика с компанией Василь Семеныча, уже совершенно оправившегося и шумевшего на всю столовую о том, как они завтра утопят всех конкурентов в реке. Даша почему-то думала, что нога у него будет сломана, и ощутила разочарование, увидев, что он всего лишь прихрамывает. Обругав себя за кровожадность, она поискала глазами итальянцев и заметила их около бассейна: как ни в чем не бывало девушка и ее спутник болтали с исключительно красивым турком и его русской женой, на которых Даша и Алина обратили внимание еще день назад.

– Смотри-ка, – сказала тогда Алина. – Интересно, что их связывает? Кроме ее состояния, конечно.

Подозрения о корыстном интересе красавца-турка были вызваны непрезентабельной, как выразилась Алина, внешностью его жены. Молодая спокойная женщина не была красавицей. Ее коротко подстриженные темные волосы вились, как у молодого барашка. Лицо, на котором выделялись внимательные темные глаза, опущенные длинными ресницами, было бы очень хорошо, если бы не тяжеловатая нижняя челюсть.

Муж был выше ее на голову, сложен, как Аполлон, и так же красив. Голос у него был с низкими, тягучими нотами, от которых, как заметила Даша, млела добрая половина туристов, лежавших на пляже. Он был не

только красив, но и обаятелен, и Даша никак не могла понять, почему такой типаж не вызывает у нее ни малейших эмоций.

– Ты просто лишена вкуса! – усмехнулась Алина, узнав об этом. – Тебе по душе невнятные типы вроде бледного юриста, который шатается за тобой по пляжу. Уверю тебя, что в постели он так же невыносимо скучен, как и в общении, уж поверь моему опыту. В отличие вот от этого экземпляра... – И она прищурилась на турка, наклонившегося к своей жене, чтобы поцеловать ее. – Давай спорить, что до конца отдыха он наставит ей аккуратные рожки с какой-нибудь смазливой Сонечкой.

Даша покраснела и ничего не ответила. Сейчас, глядя на необычную пару, ей очень хотелось, чтобы Алина оказалась тысячу раз не права и красавец-турок был безумно влюблен в свою русскую жену.

А на следующее утро она увидела обоих в автобусе, увозившем туристов на рафтинг. Подъем был ранний, в семь часов, и Даша постаралась надвинуть кепку поглубже на лоб, надеясь, что ее припухшие глаза будут не так заметны Максиму. Однако, к ее разочарованию и облегчению одновременно, он издали кивнул ей, а в автобусе уселся через несколько рядов. Алина бросила взгляд в его сторону и, не ответив на приветствие, уселась рядом с Дашей. Лева и Маша, сопровождавшие группу во всех поездках, вошли в автобус последними, двери закрылись, заработал кондиционер, и автобус тронулся, направляясь в горы.

Через полтора часа Даша горько жалела, что согласилась на экскурсию. За время поездки по горной дороге ее укачало так, как не укачивало даже в детстве в страшных вонючих «Икарусах», которые она ненавидела всей душой. Крутясь на очередном серпантине, автобус покачивался из стороны в сторону, и даже прекрасный вид из окна на звонкую речку, прыгавшую между лесных склонов по каменистому дну, не мог отвлечь Дашу от мысленных проклятий в адрес Левы и Маши, обещавших «незабываемую сорокаминутную прогулку по живописным горам». Судя по внешнему виду многих пассажиров, они полностью разделяли ее мнение.

– Мы подъезжаем к рафтинг-базе «Отдых-класса»! – сообщила наконец Маша, когда Даша начала уже подумывать о том, не попросить ли у кого-нибудь пакетик. – Пожалуйста, оставьте свои сумки в салоне: автобус будет закрыт, можете о них не беспокоиться.

Под громким названием «рафтинг-база» скрывался большой деревянный навес, под которым выстроились в три ряда столики и длинные скамьи. На берегу речки были свалены плоты, маленькие лодочки и весла. Неподалеку белело небольшое бетонное сооружение, которое Маша

представила как раздевалку.

– Итак! – громко объявила гид. – Идите в раздевалку, оставайтесь в купальниках, на ногах – босоножки. Мужчины! Привязывайте свои сланцы к ногам веревочками, чтобы их не смыло. Да, и не забудьте намазаться кремом, рафтинг продолжается полтора часа, можно обгореть.

Даша заметила, что при слове «крем» лицо Женечки, стоявшей неподалеку, исказилось, и она бросила на Алину взгляд, который никак нельзя было назвать дружелюбным. Галдящей толпой все направились к раздевалке, которая на самом деле оказалась обычной стеной к которой по всей ее длине были пристроены перпендикулярные перегородки.

– И как прикажете переодеваться, если здесь даже шторок нет? – возмутилась Алина. – Нет, это невозможно. Уж о такой-то ерунде можно было бы позаботиться!

С этими словами она решительно направилась к Маше, которая под деревянным навесом, в стороне от остальной группы, что-то показывала Алле. Алина, собираясь переодеваться, успела скинуть босоножки и теперь, двигаясь быстро и бесшумно, подошла к Маше и Алле настолько неожиданно, что те вздрогнули.

– Господи, Алина! – услышала Даша Машин голос. – Ну разве можно так людей пугать! Что вы подкрадываетесь, как рысь?

Даша не стала слушать, как скандалит Алина. Она попросила темноволосую жену красавца-турка, стоявшую рядом, закрыть ее сарафаном и быстро переоделась в купальник.

Через двадцать минут, когда на каждого был надет спасательный жилет ярко-желтого цвета, проворные турки рассадили туристов по плотам. Выяснилось, что на каждом плоту помещается восемь человек, а на корме сидит инструктор и управляет его движением. Всем остальным полагалось дружно махать веслами, отталкиваться от камней и от берега, а также кричать, когда плот попадает в водоворот или начнет прыгать по порогам.

Сначала Даше показалось, что ничего сложного в предстоящем сплаве нет, но, ступив в воду, взвизгнула и пулей вылетела на берег.

– Какая вода-то ледяная! – изумилась она.

– А вы как думали, – раздался сзади голос Никиты. – Речушка-то – горная, а не абы какая! Представляете, что будет, если плот перевернется?

– О, это будет просто незабываемо! Надеюсь, меня спасет прекрасный Мустафа! – тягучий, как мед, голос Аллы прозвучал неожиданно громко.

Удивленная Даша подумала, что она первый раз слышит, чтобы Алла так разговаривала. По-видимому, в предвкушении сплава она была в необычайно хорошем настроении, и обычные ее медлительность и

отстраненность уступили место оживлению.

– Борька! – крикнула она, смеясь. – Пойдем вон на ту лодку. У нее совершенно изумительный апельсиновый цвет!

Муж ее что-то пробурчал себе под нос. Что именно, Даша не расслышала, но могла догадаться: из десятка плотов, покачивающихся около берега, только один, самый сдутый, был не оранжевым, а синим.

Когда под руководством инструктора по имени Ариф они расселись, оказалось, что грести Даше не придется – она и Алина заняли «детские», как выразился Ариф, места, позади всех гребцов. Зато Алла, проявив активность, настояла на том, чтобы ей доверили грести наравне с мужчинами. В результате Борис, Никита, Алла и непонятно как оказавшаяся вместе с ними Женечка получили весла, которыми должны были не столько грести, сколько отталкиваться от камней на порогах. На плоту оставалось два свободных места, и Даша втайне надеялась, что к ним присоединится Максим, стоявший на камнях босиком и кого-то высматривающий. Даша уже собиралась окликнуть его, как вдруг увидела, что он радостно машет рукой. Невольно повернувшись в ту же сторону, она заметила бегущую к нему темноволосую девушку лет двадцати трех в небрежно накинутой прямо на купальник мужской рубашке. Память услужливо подсказала ей, что девушка часто оказывалась в столовой за одним столиком с Максимом, но Даша не обращала на это внимания. Настроение у Даши стало стремительно падать, но она еще зачем-то повернулась к инструктору и сказала:

– Ариф, вон там еще двое наших, может, и их возьмем?

Бросив быстрый взгляд в сторону Максима, инструктор ответил по-русски:

– Нет, не возьмем. Они на двойке пойдут.

И на Дашин недоуменный взгляд пояснил:

– Вон на тех лодках. В них двое сидят, если грести умеют. Сами, без инструктора.

Посмотрев влево, Даша увидела небольшие лодочки-байдарки, в которые действительно рассаживались по двое. Максим и его спутница пошли к одной из них. Даша отвернулась. Настроение ее было безнадежно испорчено.

Но через полчаса она забыла почти обо всем. Плот летел вниз по реке, и брызги на порогах окатывали ее с головы до ног. На особенно крутых порогах их плот подпрыгивал так, что сердце замирало, ухало куда-то вниз, и она со всеми остальными радостно кричала: «Тонем! Тонем!» Белозубый Ариф при приближении других плотов начинал отчаянно понукать: «Греби-

обгоняй! Гребни-обгоняй!», – команда дружно налегала на весла, и плот проходил очередной порог первым. Безудержно яркое солнце, лесистые склоны по берегам рек, огромные коричневые валуны, напоминавшие каких-то застывших животных, сверкающая и словно живая вода – все было так хорошо, что Даша остро чувствовала: это «хорошо» нельзя нарушать другими мыслями. И, взлетая на очередном пороге, она опять весело кричала хором с Алиной: «Тонем! Тонем!», – а на лице высохли мельчайшие брызги речной воды, словно кто-то невидимый проводил по нему прохладной рукой.

Больше всех из их команды веселилась Алла, и Даша только удивлялась, как настолько экспрессивная женщина ухитрилась казаться такой сдержанной в отеле. Она смеялась, шутила с инструктором, кричала какую-то ерунду, и кулон с темным камнем, казалось, отсвечивал в ее кошачьих глазах.

– Ариф, я устала! – закапризничала она, когда они проплыли около сорока минут. – Я кушать хочу!

– Через десять минут привал будем делать, – улыбнулся инструктор. – Там и покушаете, и искупаетесь как следует.

Действительно, очень скоро течение стало слабее, а когда они завернули за поворот, глазам их открылась большая поляна, на которой стояли экскурсионные автобусы, и турки раскладывали что-то соблазнительно пахнущее на переносных столах. Радостные крики с других плотов показали, что и на них путешественники проголодались и оценили ароматы, несущиеся с берега. Дружный взмах веслами – и плот зашуршал по дну. Даша неловко перевалилась через борт и оказалась почти по пояс в воде. Но почему-то сейчас она не казалась такой обжигающе холодной. Даша опустила руки в воду и с удовольствием провела по горящим плечам. Сожгла все-таки, подумала она грустно, Максим увидит облезлую. Потом вспомнила, что Максиму нет никакого дела до ее плеч, и медленно пошла к берегу, а за ее спиной шуршали днищами прибывающие плоты. Где-то среди них была и лодка Максима, но Даша не стала оборачиваться.

* * *

Когда радостная, смеющаяся, расслабленная толпа туристов насладились куриными шашлыками и жареной картошкой, которую Даша съела всю, несмотря на ворчание Алины («Это вредно. Тебя разнесет, как

Рене Зельвегер!»), кто-то предложил купаться. И тут выяснилось, что ожидаемое купание должно состояться вовсе не здесь. Минутах в десяти ходьбы, как объяснили гиды, есть большая заводь, окруженная невысокими скалами, но с одним пологим берегом.

– Вообще-то можно и со скал попрыгать, – заметил обгоревший на рафтинге Лева. – Там очень глубоко, о дно удариться нельзя. Да вы сами посмотрите, как турки будут прыгать, они в этом деле собаку съели.

– Уж точно! – согласилась беленькая Маша, одетая, в отличие от него, в длинную плотную майку, оставлявшую открытыми только загорелые короткие ножки. – Я вот плавать не умею, только завидую с берега.

По камням и пыльной дороге пошли к заводу. Идти, конечно, было не десять минут, а все пятнадцать, но зато в результате они оказались в чудесном месте, полностью оправдавшем все Дашины ожидания. Темная, манящая к себе вода была очень холодной, но после пути по жаре она принесла облегчение. Даша с удовольствием искупалась, посмотрела, как ныряет Алина, и заодно познакомилась с женой красавца-турка, которую, как выяснилось, звали Инной.

– Мы на рафтинге уже не первый раз, – сказала ей Инна, когда обе они, запыхавшиеся после плавания, сидели на теплых валунах. – Что еще делать? Не на экскурсии же ездить, раз я здесь уже шесть лет живу.

– Вам нравится? – с искренним интересом спросила Даша.

– Конечно, – кивнула женщина, не задумываясь. – Я родилась в Воронеже, семья у меня была, честно признаюсь, бедная... Я из тех, кто в детстве слаще морковки ничего не пробовал. Выросла, устроилась работать в туристическую фирму, приехала в Турцию... да так и осталась. Не сразу, конечно. Я человек осторожный, с оглядкой все делаю, – рассмеялась она. – Супруг меня долго очаровывал, заманивал под венец, но в конце концов заманил. И, знаете, Даша, я ни разу не пожалела, что уехала из России. Здесь у меня спокойная жизнь, обеспеченная. Я занимаюсь тем, что мне нравится, а все разговоры о притеснении женщин в мусульманских странах для меня просто смешны. Как-то меня пока никто не притеснял. И даже, представьте, не пытался.

Только Даша собралась спросить, чем занимается Инна, как та поднялась на ноги.

– Посмотрите, сейчас инструкторы будут в воду прыгать. Красивое зрелище, по-моему.

Даша снизу смотрела, как несколько турок, в том числе Ариф, забрались на одну из скал, окружавших заводь. Белые, почти отвесные стены поднимались, как прикинул подошедший к ним Никита, метров на

восемь над водой, и Даше показалось, что не такие уж они и высокие.

– А вы наверх заберитесь, – улыбнулась Инна, – и я посмотрю, что вы оттуда скажете.

В это время на фоне неба нарисовалась фигура одного из ныряльщиков. Было видно, что он отошел на несколько шагов, разбежался и прыгнул, но не «солдатиком», как была уверена Даша, а «ласточкой», вниз головой. Все дружно ахнули. Почти без всплеска тук ушел под воду и через несколько секунд, показавшихся Даше очень долгими, вынырнул, отфыркиваясь, на поверхность. Толпа туристов выдохнула, и раздались дружные аплодисменты. Следом за ним прыгнул второй, почти на то же место, третий, и наконец двое гидов другой группы, держась за руки, с невысокого обрыва шмякнулись в воду так, что на камни полетели брызги.

После этого развлечение приобрело массовый характер: все, кто умел нырять, забрались на скалы и принялись прыгать под руководством инструкторов, следивших за тем, чтобы никого не ушибли. Даша с Алиной тоже поднялись наверх, и тут Даша поняла, почему Инна посоветовала ей посмотреть сверху. Высота, снизу казавшаяся не такой уж и большой, отсюда пугала и затягивала, а черная заводь стала совсем маленькой.

– Ни за что не прыгну! – передернула плечами Алина. – Да и тебе не советую.

Даша прыгать и не собиралась. Увидев Максима с каким-то крупным бородатым мужиком на обрыве напротив, она отошла подальше и села прямо на траву в тени большого камня. Максим несколько раз оглянулся, поискал кого-то глазами и, не найдя, стал разговаривать с бородатым.

Несколько раз они нырнули, потом бородатого, которого, как выяснилось, звали Володей, отозвали в сторону, а Максим увидел Дашу и пошел к ней.

– Куда вы спрятались? – улыбнулся он. – Я вас на обеде высматривал, а вы как сквозь землю провалились.

– Да я там же была, где и вся группа. Наверное, плохо искали! – не удержалась Даша и мысленно отругала себя.

Удивленно взглянув на нее, он начал рассказывать про сплав на двойке, но тут к ним подлетела Алина.

– Даш, пойдем, я тебе кое-что покажу! – воскликнула она и схватила Дашу за руку.

– Секунду! – остановил ее Максим. – Вообще-то мы с Дашей разговариваем...

– Разговариваете? – прищурилась Алина. – Неужели? По-моему, у вас тут разговор в режиме монолога, и вы мою подружку порядком утомили.

– Ваша подруга, – огрызнулся Максим, – достаточно взрослая, чтобы самой решать, утомил я ее или нет. А что, для вас правила вежливости вообще не писаны?

– Знаешь что... – начала было Алина, но тут Даша решила, что пора перестать играть роль декорации.

– Алин, – примиряюще заговорила она, – ты погоди, я сейчас договорю и подойду к тебе. Хорошо? То, что ты хотела показать, не испарится?

Алина покачала головой и пошла к обрыву. Словно тотчас забыв о ней, Максим уморительно рассказал, как у него уплыло весло и пришлось прыгать за ним, потому что они никак не могли управиться с лодкой. Несколько раз Даша искренне расхохоталась, хотя перед глазами у нее стояли Максим и темноволосая девушка, смеющиеся вдвоем в лодке, и эта картинка отбивала всякое желание веселиться.

– Ну ладно, – закончил он наконец, – пора к Володе, что-то он мне активно семафорит. Присоединяйтесь!

– Конечно, – кивнула Даша, твердо зная, что присоединиться не будет. – Вот только Алину найду...

Она пошла по тропинке вдоль скал, высматривая пепельные волосы с серебристым оттенком, когда сзади ее окликнула Инна:

– Дашенька, вы не подругу свою ищете?

– Да. А вы ее видели?

– Вон она, – показала вниз Инна, – видите, рядом с блондинкой...

Блондинкой оказалась Алла, и Даша решила не вмешиваться в разговор. Она осталась стоять рядом с Инной и смотреть, как смуглые купальщики забираются по обрыву и снова ныряют в воду. Кто-то принес яркий небольшой мячик, и теперь задачей нырявшего было оказаться в воде как можно ближе к мячу.

Громкий бас Володи раздался совсем рядом, и Даша обернулась:

– Макс, пойдем окунемся! Покажешь класс!

– Да нет, Володь, я отплавался на сегодня, – раздраженно махнул рукой Максим. – Даже ногу свело, сил нет.

– Переплавал, наверное, – отозвался сочувственно Володя. – Вода-то ледяная. Ну, сиди на берегу. – С этими словами он разбежался, ласточкой прыгнул с обрыва и вынырнул прямо около мяча.

– Смотрите! – воскликнула Инна. – Даша, правда здорово? Даша! Вы о чем так задумались? – Она потрясла стоявшую рядом девушку за локоть. – Даша, да проснитесь же, что с вами?

Даша глядела на нее невидящими глазами. «А я на сегодня уже

накупался, – звучало у нее в голове, – вон, даже ногу свело».

– Он на сегодня уже накупался, – проговорила она, по-прежнему без всякого выражения глядя на Инну. – У него даже ногу свело.

– Ну и что? – недоуменно переспросила Инна. – Он ваш хороший друг? Поэтому вы так расстроились? Да он завтра уже будет в море плескаться вместе с вами. Пойдемте поближе, посмотрим, кто лучше всех ныряет.

Инна перешла ближе к краю, а Даша так и осталась стоять на месте. «Я на сегодня уже накупался, – звучал в ушах хриловатый голос утонувшего аниматора, – даже ногу свело». Она отчетливо видела, как он задирает штанину, демонстрируя ей крепкую, как гриб-боровик, ногу с синими прожилками, видными даже в темноте.

Он не мог пойти купаться снова, подумала Даша, а волной его смыть не могло, потому что волны были не настолько сильные. Он не мог пойти купаться... Он же прекрасно плавал, развлекал туристов в бассейне, он знал, что нельзя лезть в воду, если ногу свело. «А он и не купался, – сказал кто-то спокойно в ее голове. – Его столкнули в воду. Или сделали еще что-нибудь, чтобы он утонул». Но зачем?

– Что – зачем? Ты чего стоишь, как сомнамбула, и сама с собой разговариваешь? На тебя уже люди косятся.

Даша обернулась и увидела рядом Алину, подошедшую опять совершенно бесшумно.

– Алина, мне нужно с тобой поговорить, – выдохнула она и схватила ее за руку.

– Поговорим, когда в отель приедем. Пора уже собираться, дальше плывем.

– Нет, сейчас! – почти выкрикнула Даша.

Алина приподняла брови, но позволила отвести себя подальше, за большие серые валуны, где Даша и пересказала ей свой разговор с Николаем накануне его смерти.

– Ты понимаешь?! – закончила она. – Это же значит, что он никак не мог сам утонуть. И что мне теперь делать?

Алина молча смотрела на нее и, казалось, что-то решала. На секунду у Даши возникло неприятное ощущение, что ее рассматривают под микроскопом. Что-то странное отразилось в голубовато-серых глазах, и Алина спокойно, почти отстраненно произнесла:

– Ничего не делай.

– Как ничего? – не поняла Даша. – В каком смысле?

– В прямом. Что ты можешь реально предпринять? Подумай сама.

Единственный шаг – обратиться в местную полицию. Во-первых, они поднимут тебя на смех. И будут правы, потому что одна-единственная фраза – вовсе не доказательство того, что он и в самом деле не пошел купаться. Может быть, он был пьяный, а...

– Аниматорам нельзя выпивать! – перебила Даша. – Ты же сама слышала, что Никита рассказывал.

– А во-вторых, – продолжала Алина, словно не слыша ее, – ты ничего своим заявлением не добьешься, а вот себе наживешь кучу проблем на мягкое, извини, место. В турецкой полиции к таким энтузиастам, как ты, относятся не очень хорошо. А вот кто относится совсем плохо, так это хозяева отелей. Ты представляешь, что начнется, если какой-нибудь тупой полицейский вздумает проверить то, что ты говоришь? Хотя я и не могу себе представить, как он все проделает? Репутация отеля будет испорчена, а если твоим словам не найдут подтверждения, а его и не могут найти, то хозяин отеля будет иметь полное основание вчинить тебе иск за моральный ущерб. Можешь поверить мне на слово, как человеку, бывшему замужем за юристом. Подумай, Даша, тебе такое надо?

Растерявшаяся Даша стояла молча.

– Да, и последнее, – помолчав, добавила Алина. – Скорее всего, ты или не так поняла аниматора, или просто он сам по глупости полез в море. Последнее представляется мне наиболее вероятным. В общем, выкинь всякую ерунду из головы и шагай к реке.

Взглянув на Алину широко раскрытыми глазами, Даша пошла по горячим камням в сторону стоянки. Она ничего не понимала. Ничего.

* * *

Окончание спуска по реке оказалось совсем не таким веселым, как начало. Уставшая группа гребла без прежнего воодушевления, и никто особо не прислушивался к командам Арифа, пытавшегося состязаться с другими плотами. Пороги стали меньше, и от прыжков с них уже не захватывало дух. Алина и Даша сидели молча, Борис сжег себе всю спину, пока нырял с обрыва, и сидел хмурый, Женечке напекло голову, а Никита натер ногу и страдальчески морщился, задевая ею о борт плота. Единственным, кто оставался в столь же приподнятом настроении, что и в начале их плавания, была Алла, однако ее веселость начала раздражать Дашу. Ей чудилось что-то неестественное в громких криках женщины, в смехе, которым она встречала любую незамысловатую шутку инструктора.

По-видимому, так казалось не ей одной, потому что через некоторое время Никита попросил:

– Ал, давай помолчим немножко, а? Смотри, пейзаж какой, располагающий...

– К тишине, – пришел ему на помощь Борис.

– К какой еще тишине? – расхохоталась Алла, тряхнув белыми волосами. – Сейчас здесь будет очень шумно, потому что мы будем купаться!

– Да мы уже накупались, хватит с нас, – бросила Алина, глядя в сторону.

– С вас, может, и хватит, а я хочу почувствовать себя карасем. Или щукой! Эй, Ариф, здесь щуки водятся?

Инструктор всматривался вперед и ничего не ответил.

– Арии-и-иф! – позвала его Алла. – Ау!

– Так, – обернулся ко всем тот, – мы сейчас подплываем к последнему, самому большому порогу. Жилеты на всех застегнуты? – Он пристально осмотрел каждого. – Хорошо. Если не справимся и начнем переворачиваться, держитесь за борта, поняли? Приготовились.

Тон его был серьезен, и Никита с Борисом крепче перехватили весла. Алла по-прежнему беззаботно что-то напевала, глядя в воду.

Даше показалось, что плот поплыл быстрее. Их вынесло из-за поворота, и впереди она увидела два огромных валуна прямо посреди реки, а между ними узкий проход, в котором пенилась и шумела вода.

– Ой, настоящие Сцилла и Харибда! – ахнула она. – Мы же точно перевернемся!

– Ничего, вон спасатели! – отозвался Ариф, и Даша заметила каких-то людей на берегу.

Понять, шутит инструктор или говорит серьезно, она не успела, потому что плот, подпрыгивая, стремительно понесся к порогу, и она вцепилась в борт, думая, как бы не выпасть. Внезапно плот наклонился влево и какое-то мгновение стоял неподвижно, но оттолкнувшийся веслом Борис спас ситуацию. До порога оставалось несколько десятков метров, когда Алла неожиданно бросила свое весло на дно лодки и встала в полный рост.

– Эй, ты что! – заорали хором Ариф и Борис. – Гребь давай!

– Перевернемся же на...! – не выдержал и Никита. – С ума сошла?!

Расхохотавшаяся Алла ничего не ответила. Раскинув руки в разные стороны, она выпрямилась, и Даше сзади было видно, как сильно треплет ветер ее короткие белые волосы. Брызги летели со всех сторон, камни

неслись прямо на них.

– Ложись на дно, твою мать! – рявкнул Ариф и схватил Аллу за руку.

Та выдернула ее с такой силой, что Ариф пошатнулся. Плот накренился на правый борт, Алина и Женечка завизжали, а Даша только раскрыла глаза: ей показалось, что огромный черный камень справа стал в два раза больше и надвигается прямо на нее. Под крики на берегу плот развернуло боком, и он с приглушенным хлопком врезался в валун. Даша, не удержавшись, вывалилась за борт, ее перевернуло, и она упала лицом в ледяную воду, за секунду до падения успев увидеть, как Аллу выбрасывает прямо на камень и она, ударившись виском, сползает в пенящийся водоворот.

* * *

Закутанная в плед, хотя солнце палило так, что даже глазам было жарко, Даша сидела под деревом и смотрела на небольшую поляну в двадцати метрах от себя. Там Алла уже пришла в сознание после каких-то манипуляций, которые проделал с ее запястьем врач, оказавшийся в одном из уже приплывших плотов. Сейчас она сидела, опираясь на бледного Бориса, и растерянно озиралась вокруг, а невысокий полноватый врач прижимал что-то белое к ее правому виску. После того, как их плот опрокинулся, все выбрались из воды самостоятельно, кроме Женечки, которой помог Ариф, и Аллы, которую без сознания вытащили на песок Борис и парни с берега, действительно оказавшиеся спасателями.

– Это, оказывается, самый сложный порог, – сообщила Алина. – Вот они и дежурят тут на всякий случай.

Даша промолчала. Ей до сих пор было холодно. И почему-то не хотелось смотреть на оживленную Алину. Она наблюдала за тем, как врач подержал руку у Аллы на пульсе, о чем-то спросил ее и поднялся. Вид у него был хмурый.

– Надеюсь, она не помирает, – заметила Алина без всякого участия. – Пойду, проявлю сочувствие и заботу о ближнем.

Она встала и пошла, но не к Алле, как ожидала Даша, а к доктору. Догнав неторопливо идущего толстяка, Алина взяла его под руку и начала о чем-то расспрашивать. Даша смотрела, как доктор сначала покачал головой, а потом начал что-то экспрессивно объяснять удивленной Алине. Поговорив несколько минут, та вернулась к Даше и присела возле нее на корточки.

– Что он говорит? – поинтересовалась Даша.

– Говорит, что сотрясение мозга, хотя степень он, конечно, определить не может. Но я поняла, что ей повезло: у нее волосы густые, они смягчили удар. Ну и, конечно, она руки успела выставить, а то могли бы мы сейчас соскрести с Харибды то ничтожное количество мозгов, которое имеется у этой курицы.

От такой фантазии Дашу передернуло.

– Пойдем в автобус, вон он подъехал, – сказала она, глядя на дорогу.

Около Аллы толпились люди, кто-то рассматривал кровоподтек на виске, кто-то любопытствовал у окружающих, что произошло. На несколько минут Аллу заслонили, а когда народ постепенно рассосался, она уже поднялась и, нетвердо ступая, шла к автобусу. Громко обсуждая происшедшее, вся группа расселась по местам, и тут выяснилось, что еще нет Бориса.

– Да он же только что около автобуса стоял, Алле помогал, – удивился Лева. – И когда он успел смыться?

Через несколько минут запыхавшийся Борис поднялся по ступенькам. По его красному лицу градом катил пот.

– Черт, часы уронил! – пропыхтел он. – Еле нашел в траве там, где Алка лежала. Ты как вообще? – обратился он к бледной жене.

– Да нормально, – махнула рукой Алла. – Садись, поехали наконец!

По дороге довольный Борис вертел свои часы, а Даша пыталась понять, что насторожило ее в облике Аллы. Что-то было не так. Ну конечно, говорила она самой себе, человек чуть голову не размозжил, а ты какие-то странности выискиваешь. Она задержала взгляд на часах Бориса, которые он вертел так и сяк, как довольная сорока. Часы блестели, переливались, и в конце концов солнечный зайчик попал Даше в глаз. Та зажмурилась, все мысли вылетели у нее из головы, и через мгновение она поняла, что именно было не так. Не обращая внимания на удивленную Алину, она встала и пошла к сидевшей перед ней Алле. Женщина подняла на нее безразличный взгляд, безразличие сменилось недоумением. Не успевшие уснуть пассажиры с интересом смотрели на взлохмаченную сероглазую девушку, которая стояла возле одного из кресел, глядя на блондинку с кровоподтеком на виске. Борис перевел взгляд на Дашу. Алла открыла рот, чтобы осведомиться, что ей нужно, но не успела. В тишине, нарушаемой только шуршанием кондиционера, Даша заинтересованно спросила:

– Алла, а где твой кулон?

Глава 6

Борис орал, уже не сдерживаясь:

– Я тебе тысячу раз говорил, чтобы ты его снимала! Ты о чем вообще думаешь, а? Мало того, что мы из-за тебя чуть не потонули все к чертовой матери, так ты еще и булыжник свой посеяла!

– Я тебе уже объясняла, – голос Аллы больше напоминал шипение, – что посеять его нигде не могла. Там такой замок, что он сам расстегнуться не может! Мне носить его на себе безопаснее, чем оставлять в отеле.

– Ага, безопаснее! – саркастически рассмеялся Борис. – Вот и доносились!

В холле отеля, кроме них, на кожаных диванах остались сидеть Алина, Даша, Никита и Маша слевой. Алина, как она сказала Даше, решила составить компанию Никите в семейных дразгах, а Даша осталась просто потому, что осталась. «А я дерусь просто потому, что дерусь», – вспомнила она слова Портоса и улыбнулась, хотя ситуация была совсем не веселая.

– Вы, конечно, можете попробовать вернуться и поискать его, – предложила Маша. – Но я не думаю...

– Да какое поискать! Где мы его найдем? – бушевал Борис. – Надо же быть такой растяпой!

– Так, заканчиваем базар! – прозвучал неожиданно резкий голос Никиты. – Лева, надо полицию вызывать.

– Полицию?! – оторопел тот. – Да вы что, ребята, какая полиция?

Маша недоуменно переводила взгляд с одного на другого.

– Никита, мы, конечно, понимаем, что дорогая вещь потерялась, и красивая очень, – осторожно начала она. – Но полиция-то что может сделать?

– Полиция может найти вора, – зло ответил тот.

– Кого?! – в один голос ахнули Даша и Лева.

– Кого слышали. Ты не забывай, кто тот кулон покупал, – обернулся он к брату. – Алка все верно говорит. Цепочка сама расстегнуться не могла, замок очень хитрый, французский. Это первое. И второе – вы посмотрите на ее шею, – кивнул он головой на Аллу, и все повернулись к ней. – Видите? Вон полоса какая. Либо она зацепилась за что-то, либо кто-то сдернул цепочку, пока она без сознания была. Цепляться ей было не за что, кустов в воде нет, одни камни. На дно она не опускалась – мы же все в жилетах спасательных были. Так что одно получается, как ни крути: пока

Алка в отключке лежала, какая-то сволота за цепочку дернула в суматохе. Что не так уж сложно было сделать, цепочка-то тонкая...

– Я все-таки не совсем понял, зачем нужна полиция... – неуверенно начал Лева.

– Ты что, совсем не въезжаешь, что ли? – Тон у Никиты был грубым, и Лева нахмурился. – Полиция обыщет всех, кто около Аллы тусовался, вот и все дела. А народу там было не так уж и много, максимум человек пятнадцать.

– Да неужели вы думаете, – не выдержала Маша, тряхнув светлыми волосами, – что даже если кулон украли, то вор его не спрячет где-нибудь? И уж конечно, не у себя в номере.

– А где? – вопросом на вопрос ответил Никита. – Вот если бы вы были вором, вы бы где его спрятали?

– Ну, не знаю... В земле бы где-нибудь зарыла, а потом откопала. Или вон в клумбе, среди цветов. Можно еще на берегу, в камнях. Правда, там все ходят и могут найти...

– А вы не думаете, что человек, роющийся в клумбе, привлечет к себе внимание? – вступила в разговор Алина.

– Точно! – поддержал ее Никита. – Народу в отеле – тьма, все у всех на виду. Начнут опрашивать туристов, и обязательно кто-нибудь вспомнит: «Ах да, русская Маша копалась в земле, наверное, червяков искала». Да, и кроме того, любой человек может наткнуться на ваш... – он усмехнулся, – скажем так, тайник.

– Ну ладно, – нехотя признала Маша, – днем, может, и сложновато спрятать, но уж ночью-то меня никто не увидит!

– Вот поэтому я и говорю, чтобы вы не сидели столбами, а топали и звонили в полицию. Или я сам позвоню! – с легкой угрозой добавил Никита, видя, что гиды неуверенно переглядываются.

Через десять минут мрачные Маша и Лева вернулись и сообщили, что полиция приедет приблизительно через час.

– А чего мы тут сидим? – поднялась Алла. – Пойдемте хоть на море, что ли...

– Пошли, – встал и Борис, – только лучше не на море, а к бассейну. Что-то я после такого расстройств не очень хочу с волнами бороться.

Держась поодаль друг от друга, все вышли из отеля. Даше не хотелось оставаться с ними, и она собралась было идти на берег, но тут увидела на краю бассейна Инну с ее турком и решила немного поболтать. Она уже шла к ним, когда ее перехватили красные от возбуждения Женечка и Сонечка.

– Ой, ну как там Аллочка? У нее синяк такой ужасный! Хорошо, что

все обошлось, но вообще-то борта у плотов такие низкие... А что вы сейчас хотите делать? Пойдемте в волейбол играть!

– Нет, скоро полиция приедет, – устало сказала Даша. – Они будут всех опрашивать, поэтому мы далеко не уходим.

Чирикание оборвалось, как будто воробью наступили на горло и он скончался, не успев издать предсмертного писка. Женечка с Сонечкой молча смотрели на Дашу. Наконец Женечка деловито спросила:

– Зачем полиция?

– Ну, они считают, что кулон украли и вор сейчас в отеле. Наверное, всех обыскивать будут, или что-то в таком роде... Вообще-то я не знаю, вы лучше у них спросите, – кивнула Даша в сторону компании, гревшейся под «розанами».

Женечка и Сонечка переглянулись и пошли к Алле. Даша постояла еще немного на месте, и вдруг у нее появилось ощущение, что она не одна. То есть, конечно, она и была не одна, вокруг сновали отдыхающие, но дело было не в них. Даше казалось, что ее разговор с Женечкой и Сонечкой слушал кто-то еще. Она огляделась. Инна плавала в бассейне, а ее муж сидел на краю, недалеко от Даши, и бултыхал ногами. Пара немецких пенсионеров прохаживалась по дорожке из гравия. Какой-то мужик потягивался на лежаке, прикрыв лицо кепкой с надписью «ITALY». Василь Семеныч, по своему обыкновению, торчал около бара, но было непонятно, мог он слышать их разговор или нет. С неопределенным чувством Даша пошла обратно, подумав, что ей очень не нравится все происходящее.

Когда она подошла к «своим», Борис что-то объяснял Сонечке, Никита кокетничал с Алиной, но как-то не очень естественно, Алла задумчиво изучала окружающих.

– Да вы посмотрите! – горячился Борис. – Можно нырять как угодно, главное – угол наклона тела, понимаете?

– Опять ты о своем, – небрежно бросил в его сторону Никита. – Делишься познаниями или готовишь смену?

– Да ну тебя, ни черта ты не понимаешь!

– Ну, во всяком случае, я понимаю, – вмешалась Алина, – что не только наклон важен при нырянии. Ведь еще имеет значение, как вы голову держите и руки.

– Да вы профаны все! – махнул рукой в ее сторону Борис, и Алина вздернула брови. – Я вот сейчас вам покажу, что руки совершенно ни при чем.

Он показал крепко сжатые кулаки и ухмыльнулся:

– Спорим, что красиво нырну?

И, не дожидаясь ответа, неуклюже встал и пошел к бассейну. Даша, глядя на него, каждый раз удивлялась, как такой полный мужчина, довольно неловкий на суше, в воде становится почти грациозным. Алина говорила ей, что когда-то давно Борис серьезно занимался плаванием, но с тех пор совершенно забросил спорт и перестал следить за собой. Наверное, подумала Даша, с плаванием так же, как со способностью кататься на велосипеде: уж если ты научился, то она остается с тобой на всю жизнь. Тем временем Борис забрался на небольшую вышку, помахал им по-прежнему сжатыми руками и прыгнул.

Обычно ныряющий практически бесшумно, в чем Даша могла убедиться еще на рафтинге, на этот раз он поднял кучу брызг. Так мог бы упасть в воду небольшой бегемот. Двух женщин, загоровших на самом краю бассейна, окатило водой, и они возмущенно что-то затараторили на немецком. Сквозь прозрачную воду Даша видела, что Борис нырнул на самое дно и плывет там, похожий на крупную волосатую рыбину. Он пересек почти весь бассейн, прежде чем подняться на поверхность, и его появление было встречено всеобщим смехом.

– Угол тела, угол тела... – передразнила его Сонечка, накручивая на палец светлую вьющуюся прядь. – Ну вы и плюхнулись!

– Да, высший класс, – согласилась Алина.

– Ладно вам! – отдувался Борис. – Ну не получилось один раз, бывает. Я вам сейчас еще раз покажу.

– Нет уж, не стоит, – бросила Алла, – а то ты и так существенно подмочил нашу репутацию у тех представительных дам.

Она показала на немок, с осуждением глядящих на Бориса.

– Ничего, переживут, – мотнул он мокрой головой. – Ну, не хотите, как хотите. Все равно я был прав. Эй, смотрите-ка, они не по нашу душу?

Все обернулись к отелю и увидели быстро идущего Леву, рядом с которым семенил турок в форменной одежде.

– Это полицейский? – спросила Даша, не имевшая ни малейшего понятия о том, как положено выглядеть турецким полицейским.

– Нет, почтальон! – фыркнула Алла. – Ну конечно, полицейский, просто в меру несолидный.

– А ты чего ожидала? – пробурчал Борис. – Взвод с автоматами? Радуйся, что хоть такого прислали.

Через двадцать минут выяснилось, что радоваться нечему. Усевшись в мрачном номере, выделенном менеджером, полицейский равнодушно заговорил, а Маша слевой переводили. Из их совместного тархтения получалось, что никто никакой кражей заниматься не собирается. Выяснив

на месте, что потенциальными преступниками могут быть двадцать человек, полицейский усмехнулся и повторил аргументы гидов, приведенные ими часом ранее: скорее всего, украшение просто потерялось, а если даже и нет, то искать преступника бессмысленно – он уже тысячу раз успел спрятать драгоценность. И вообще, как они себе представляют обыск российских туристов? Может ведь получиться форменный скандал!

– Скандал его беспокоит, как же... – заметила Алина. – Просто не хочет заниматься этим делом. Да и вообще никаким не хочет!

– Может быть, вы предпримете хоть что-нибудь? – поинтересовался язвительно Борис. – А не ограничитесь одной аргументацией, не очень для нас убедительной.

Нет, предпринимать полицейский ничего не собирался. Посмотрев на Алину, он сказал, что даме лучше заниматься своими делами – экскурсиями, купанием и чем-нибудь подобным, вместо того чтобы судить о том, в чем она ничего не смыслит. Именно так перевела Маша последнюю фразу турка, после чего стало ясно, что тот довольно неплохо понимает русский.

– Экскурсиями? – переспросила бледная от ярости Алина. – Ах, экскурсиями! Скажи-ка, Лева, – обратилась она к гиду, – это ведь, так сказать, неформальный визит? Ну, то есть никаких документов не оформлялось, просто он приехал объяснить, почему полиция не будет ничего расследовать. Правильно?

– В общем-то, да, – согласился Лева.

Все остальные заинтересованно смотрели на Алину, не понимая, куда она клонит.

– В таком случае, господин полицейский, – совершенно сиреневым голосом произнесла Алина, – к завтрашнему дню готовьтесь получить заявление о краже, а также жалобу на ваши действия. Уверяю вас, что моего знания английского, а также трех лет жизни с мужем-юристом вполне хватит, чтобы составить заявление, которое даже вашим полицейским придется принять.

– Ого! – восхитился Никита, первым сообразивший, о чем она говорит. – Вот это по делу. В свою очередь, – улыбнулся он Алине, – я готов оплатить ваши услуги.

– Вопрос моего гонорара мы согласуем позже, – кивнула она совершенно серьезно. – А пока, господин полицейский, вы не хотите изменить своего решения и что-нибудь сделать, пока ночь не наступила?

Тот покачал головой, о чем-то сказал гидам и вышел, не попрощавшись.

– Алин, ты в самом деле можешь такую штуковину составить? – удивилась Даша.

– Да, Алина, вы действительно напишете такое заявление? – присоединилась к ней Алла.

– Почему бы и нет? В следующий раз будут знать, как хамить.

– Похоже, Алина, он вас задел за живое, – без улыбки заметила Маша.

– А с вами, Маша, я как раз хотела поговорить, – проигнорировав ее реплику, сказала Алина. – Хочу обсудить некоторые вопросы, касающиеся экскурсий. Откровенно сказать, рафтингом я не совсем довольна.

– Ну, пойдете, – пожала плечами Маша, – обсудим, что вы хотели.

Выйдя из номера, все разошлись кто куда. Алина, Маша и Лева уселись за столиком в кафе, и Даша, посмотрев на их напряженные лица, решила не дожидаться окончания разговора. По-видимому, он предстоял не из приятных для представителей принимающей стороны. Борис с Аллой пошли к себе в номер, Никита направился к бару и потащил было за собой и Дашу, но она, сославшись на то, что хотела посмотреть волейбол, ушла в сторону моря. Не дойдя до волейбольной площадки, с которой раздавались громкие голоса, среди которых она узнала и голос Максима, Даша повернула и медленно побрела по берегу в сторону соседнего отеля. Здание было недостроенным и, по-видимому, заброшенным: во всяком случае, никаких строительных работ здесь не велось. Даша уходила по берегу все дальше от своего пляжа, голоса людей становились тише, тише и наконец почти стихли, заглушаемые криками чаек и шумом моря. Даша опустила на гальку и задумалась.

Ей казалось, что между утонувшим Николаем и пропажей кулона Аллы есть что-то общее. Совершенно непонятно, что могло бы объединять два столь разных события, но ощущение не проходило. Даша немного поразмыслила на эту тему, но мысли были неприятными, и она постаралась отогнать их. «Да, детектив из меня не получился бы, – грустно усмехнулась она. – Детектив должен быть таким... возбужденным, азартным, что ли, должен стремиться найти преступника и покарать. А я что? Шарахаюсь от собственной тени и наживаю паранойю». Ей вспомнилось, как ей казалось, будто кто-то слушал ее разговор с Сонечкой и Женечкой около бассейна, и она твердо решила больше не выдумывать всякой ерунды. Да, напомнил ей внутренний голос, на удивление серьезный в этот раз, но ведь аниматор не купался. Его... Даша гнала от себя противное, страшное слово, но оно возвращалось, как бумеранг. Его утопили. Да, утопили. А ей даже Алина не поверила. «Ну все, хватит! – приказала она себе рассерженно. – Так точно можно паранойю нажать. Мама еще в Москве говорила, что у меня нервы

расшатаны, и была совершенно права. На расшатанные нервы и наложился несчастный случай с аниматором. Больше ничего не выдумывай!»

Даша устала сидеть на камнях у себя под ногами, и ей совершенно некстати вспомнилось, что точно так же она рассматривала серые и черные камешки в горшке на столе у генерального директора их фирмы, когда он вызвал ее к себе и сообщил о том, что она уволена. Даша поморщилась. Сообщил – слабо сказано: «проорал» было бы гораздо точнее. Так вот, в горшке на столе у него рос какой-то совершенно экзотический цветок, названия которого Даша, конечно же, не знала. Она вообще в комнатных растениях не разбиралась, не считая любимого розана. Цветок имел какой-то сакральный смысл, что-то там этакое символизировал, по словам дарителей, и директор поставил его на свой необъятный стол, на котором хватило бы места на небольшую оранжерею. Тогда, два месяца назад, она стояла перед ним, потому что он даже не предложил ей присесть, и внимательно разглядывала серые и черные камешки в горшке.

– Нет, вы вообще что себе позволяете?! Вы понимаете, где ваше место в фирме?! Нет, где БЫЛО ваше место в фирме, потому что работать у меня вы больше не будете, даже не надейтесь!

Даша не надеялась. Обычно за дверью генерального было шумно, но сейчас все как будто вымерло, словно офис был совершенно пуст. Даша не обольщалась на этот счет, прекрасно понимая, что как только выйдет, сразу же будет окружена толпой любопытствующих. Просто сейчас все прислушивались, желая узнать, как же Главный прочистит мозги идиотке, составившей такой разгромный отзыв на «Стандарты оценки квалификации переводчиков». И ведь знала, с кем связывается, но все равно написала. Ладно бы ее мысли, изложенные зачем-то на бумаге, остались между теми пятью сотрудницами, которые сидели в одной с Дашей комнате и вместе хохотали над ее остроумными замечаниями, так нет же: кто-то доброжелательный разослал Дашины комментарии по всем сотрудникам, и то, что все думали про себя, обрело явственную форму. Форму документальную, почти официальную.

– Кто вам вообще позволил высказывать свое мнение, я вас спрашиваю?!

Вопрос директора был, по-видимому, риторическим, но Даша ответила, не отрывая взгляда от камней под цветком:

– Вадим Викторович, вы же сами просили всех переводчиков написать свои отзывы на предложения Светланы Андреевны, поскольку сама она иностранных языков не знает и может допустить некоторые неточности.

– Да, я просил написать отзывы! – рявкнул директор. – А вы... вы что

написали? И не смейте меня перебивать! Вы что, полагаете, если вы неплохо тексты переводите, мне и взять на ваше место будет некого?

Даша хотела что-то ответить, но передумала. Ей было противно. «Ну зачем же ты, милый, передо мной так распинаешься, если все равно я уже уволена?» – подумала она. «Да он не перед тобой распинается, – подсказал внутренний голос, – а перед теми, кто слушает за дверью». Все, все передадут двадцатилетней Светочке, автору бреда, раскритикованного Дашей, и будет у них с Вадимом Викторовичем полная гармония в отношениях. Камешки в горшке с растением, призванным открывать чакры и стабилизировать энергетические контуры, матово отсвечивали и просто просились в руки. Даше всегда в детстве больше нравилось играть с такими вот камешками, чем с песком.

– Вадим Викторович, я могу быть свободна? – спросила она, перебив шефа на полуслове.

Тот опешил, но быстро пришел в себя:

– Нет, моя дорогая, вы будете слушать, пока я вам все не выскажу! Потому что я здесь решаю, кто и сколько будет меня слушать, а не какая-то там... которая никто, ничто и звать ее никак!

После этих его слов спокойная Даша выкинула такое, о чем потом сотрудники фирмы еще долго шептались по углам. Глядя директору прямо в глаза, она опустила руку в горшок с уродливым растением, зачерпнула оттуда горсть камешков и медленно, с наслаждением, рассыпала их по поверхности стола. Изумленный Главный смотрел, как на документы сыплется земля вперемешку с камнями, а Даша все перетирала камешки в правой ладони, словно на ощупь чувствуя их матовость.

– Ну, правильно, наорал на девчонку, она и съехала слегка! – заметила потом, узнав об этом, главбухша, напоминавшая продавщицу в пивном ларьке, злоупотреблявшую собственной продукцией.

Рассыпав почти все, Даша внимательно посмотрела на серо-зеленого уродца в горшке и аккуратно отломила верхний листочек.

– Маме покажу, – объяснила она потерявшему дар речи шефу. – А то она никак из моего описания не поймет, что за чудо-юдо у вас растет.

Затем повернулась и вышла из кабинета.

Вечером плачущую Дашу успокаивала мама.

– Господи, Дашка, да ладно тебе! – говорила она, аккуратно переворачивая лопаткой тоненькие блинчики. – Ты что, другое место не найдешь, что ли?

– Мам, ты у меня просто инопланетянин какой-то, – всхлинула Даша. – Знаешь, сколько переводчиков безработных место ищет? Да пол-

Москвы!

– Но ты ведь не поэтому ревешь, – проницательно заметила мама, шмякая на сковородку новую порцию теста. – Ты ревешь потому, что тебя обидели. Ну и наплюй на них сто раз! Директор твой скотина редкостная, я тебе давно говорила. А вот про коллег своих ты преувеличиваешь, вовсе они не радовались твоему увольнению, я же многих знаю.

– Да ты просто не видела, как они потом на меня смотрели. И никто даже толком не попрощался!

Она собралась было опять зареветь, но мама ловко сунула ей в рот ложку варенья.

– Дашка, это ты у меня инопланетянин, ей-богу! А что ж они должны были делать, на шею тебе кидаться? Да у вас обстановка в фирме хуже, чем в эсэс, все друг за другом следят, и каждый за свое место обеими руками держится. Ты же не маленькая, должна понимать такие вещи. На вот тебе блинчики, лопай. С работой ты разберешься, а те девчонки, с которыми ты дружила, тебе позвонят. Не сегодня, так завтра позвонят. И знаешь, что я думаю? – продолжала мама, задумчиво глядя на тарелку с блинчиками, от которых поднимался пар. – Тебе нужна смена обстановки. Езжай-ка ты отдохнуть туда, где не очень дорого, в Египет там какой-нибудь. Нет, в Египте жара страшная сейчас, а вот Турция – очень даже неплохая страна. Пощипываешь с турками, глядишь, оживешь слегка. А то ты похожа на ежика в тумане – бледная, и колючки в разные стороны.

Слегка ошеломленная Даша жевала блинчик, не зная, что ответить.

– Вот и договорились! – подытожила мама удовлетворенно.

Глава 7

Анжелика Пронина была ориентирована на ребенка. Это было ее собственное выражение, которое ей очень нравилось. Произнесенное вслух, оно рождало у нее ассоциацию: она стоит на носу корабля и плывет по лазурным волнам к острову, который чуть виднеется вдали, ветер треплет ее волосы, дельфины выныривают из воды, а с берега ей машет рукой прекрасный маленький мальчик, ее сын. Чудное видение и было внутренним образом слов «ориентирована на ребенка». Анжелика часто повторяла его, объясняя, почему она так и не защитила диссертацию.

– Видишь ли, Света, я полностью ориентирована на Бореньку, – говорила она подруге, ласково глядя пухлого мальчика по голове. – Его нужно водить на дополнительные занятия, с ним нужно читать по вечерам, в общем, тратить кучу времени. Правда, все это мне в радость, но о диссертации пришлось на время забыть. Может, когда Боря в школу пойдет...

Света кивала и восхищалась правильным поведением Анжелики. А то вот есть матери, которые сбегут ребенка на бабушек-дедушек – и ну карьерой заниматься. Спрашивается, зачем они его рожали?

И Анжелика, и ее муж, Аркадий, действительно души не чаяли в Борисе, который рос спокойным, не плаксивым, в меру резвым ребенком. В меру резвым – это было самое главное, потому что Анжелика Сергеевна терпеть не могла шумных детей, а уж Аркадий и подавно. Нет, ребенок должен быть таким, чтобы его не было ни видно, ни слышно, и их собственный Боренька полностью отвечал родительскому требованию.

Только мать Анжелики, Вера Семеновна, отказывалась признавать спокойное Борино поведение за достоинство.

– Что ты с сыном делаешь, а? – регулярно выговаривала она дочери, приезжая в гости. – Туда не ходи, сюда не ходи, это в руки не бери, то в ротик не тяни. «Боренька, положи камушек, он может на ножку упасть и пальчик ушибить», – очень точно передразнивала мать капризный тон Анжелики. – У тебя не мальчишка растет, а не пойми что! Мальчик должен бегать, плавать, лазать, все ронять...

– Пусть другие бегают и все роняют, – защищалась Анжелика, – а мой будет уравновешенный.

– Да где ты тут уравновешенность видишь? – взывала к ней Вера Семеновна.

Но Анжелика и слышать ничего не хотела о том, чтобы что-то изменить в Борином характере. У нее был самый лучший, самый правильный мальчик на свете.

А поскольку одного лучшего мальчика ей было вполне достаточно, то внеплановая беременность повергла Анжелику Сергеевну в ужас. Аборт оказалось делать поздно, а о том, чтобы рожать, и речи быть не могло. В конце концов она собиралась через пару лет плотно засесть за диссертацию! Да и нельзя было бросать преподавательскую деятельность в институте, где она работала, – на ее место метила куча завистников.

Аркадий, узнав о перспективе повторного отцовства, настроился решительно.

– Делай справку – и марш на аборт! Куда только смотрела, корова! – упрекнул он супругу. – Образованная женщина в наше время вообще не может забеременеть без своего желания. Вся медицина на вас работает, столько врачей стараются...

Но Анжелика Сергеевна в грубой форме посоветовала мужу не нести ахинею и подумать, что же им делать дальше. Связи у них обоих были исключительно в преподавательской среде, и как покупаются справки с показаниями к аборту на таком позднем сроке, они не знали.

– Ладно, поговорю с Иницкой, – решила в конце концов Анжелика. – Она, конечно, ужасно противная баба, но опытная. Что-нибудь подскажет.

Но разговаривать с противной Иницкой не пришлось – в дело вмешалась Вера Семеновна. Услышав, что дочь беременна, она предложила, не задумываясь:

– Рожай, а ребенка я у тебя возьму. Аборт делать поздно, ребенок вам с Аркадием лишний. А я его воспитывать буду, вам на выходные отдавать.

– Да что ты, мама, не по-человечески как-то... – растерялась Анжелика.

– Почему же не по-человечески? – удивилась Вера Семеновна. – Ты ж не в детский дом собираешься его пихнуть, а к родной матери пристроить. Уж если я тебя воспитала, то и ребенка твоего как-нибудь смогу.

– А как же ты с работой? – вопросительно протянула Анжелика Сергеевна, и Вера Семеновна рассмеялась, поняв, что вопрос решен.

– Как-нибудь договорюсь, – весело ответила она. – Переводы можно и дома делать, так что об этом пусть твоя голова не болит.

Никита Пронин только в школе начал задумываться, почему все дети живут с родителями, а он – с бабушкой. До тех пор его картина мира была проста и понятна: есть он и бабушка, а есть папа с мамой и Борькой. Иногда он приезжал к родителям на выходные, иногда у них с бабушкой

оставался Борька, но такое случалось редко. Пара дней, от силы – три, и все возвращалось на свои места к полному удовлетворению сторон. Живому, подвижному, любознательному Никите было скучно у родителей, которые все запрещали и ничего не предлагали взамен. То есть, конечно, предлагали – например, поиграть в настольные игры. Но они совершенно не интересовали Никиту. Из вежливости мальчик сидел за каким-нибудь развивающим лото или домино, послушно бросал кубики вслед за Борькой, но через пять минут ему так надоедало, что он выскакивал из-за стола, сшибая кубики, стул и коробку. Анжелика тяжело вздыхала, Аркадий тер виски, а вечно полусонный Борька плелся за младшим братом играть в прятки или гонять по квартире маленький резиновый мячик. Когда Никита наконец уезжал к бабушке, вся семья Прониных вздыхала с облегчением.

А Никита радовался тому, что возвращается в свою квартиру, где можно висеть на турнике, качаться на канате и даже прыгать с каната на тахту. Бабушка кормила его супом с гренками, расспрашивала о маме с папой, и по тому, как выразительно она закатывала глаза в некоторых местах его рассказа, Никита понимал, что бабушке тоже было бы скучно в доме его родителей.

– Баб, а почему мы так живем? – спросил он как-то раз, вернувшись из школы. В тот день училка объявила о родительском собрании, и Никита первый раз задумался, что родительское собрание потому и назвали родительским, что приходить на него должны именно мамы и папы, а не бабушки.

– Ты имеешь в виду, почему живем отдельно? – уточнила бабушка.

Никита кивнул.

– Потому что так лучше для всех нас, – ответила Вера Семеновна. – Конечно, большинство людей считают, что дети должны жить со своими родителями. Но вот я считаю, что дети должны жить с теми, с кем хотят. Если бы ты выбирал, с кем тебе поселиться, кого бы ты выбрал?

– Тебя, конечно, – пожал плечами Никита.

– Вот видишь. Ты сам и ответил на свой вопрос.

Бабушка вышла, а Никита обдумал услышанное. У него было чувство, что бабушка в чем-то перехитрила его, чего-то недоговорила, но где – он никак не мог понять. В самом деле, он выбрал бы жить с бабушкой. Разве тут могут быть вопросы? Но что-то неясное все равно осталось.

Решив, что попозже он расспросит бабушку еще раз, Никита побежал гонять мяч с дворовыми мальчишками.

Институт Никита так и не закончил, вылетев из него за неуспеваемость. Когда он вернулся из армии, его старший брат заканчивал

аспирантуру и собирался защищать диссертацию с каким-то невыговариваемым названием. Родители всячески помогали сыну, так что Борька шел по проторенной дорожке. Мать хотела привести Бориса в пример младшему сыну, но Никита только фыркнул: образование он ни в грош не ставил и был уверен, что всего можно добиться и без идиотских «корочек». Анжелика попыталась прочитать сыну наставление на тему, как важно в современном мире быть образованным, но Никита только отмахнулся от нее.

– Да ладно тебе, – сказал он. – Бабушка правильно говорит: мужику нужны не эти ваши... диссертации, а воля и удача. Первого больше, второго меньше.

– Ну-ну... – неопределенно высказалась Анжелика, подразумевая про себя, что с таким мировоззрением Никите ничего в жизни не добиться.

Откровенно говоря, и она, и Аркадий в глубине души злорадствовали, когда младшего сына отчислили из института. Это свидетельствовало о полном бабушкином фиаско, особенно на фоне успехов Бориса. Но вернувшийся Никита развил бурную деятельность и для начала устроился работать водителем такси. В таксопарк его устроил невесть откуда взявшийся знакомый, с которым они, по выражению Никиты, «скорефанились» в армии.

– Он у тебя выражается, как уголовник! – закатывала глаза Анжелика Сергеевна, разговаривая с матерью. – Скорефанились... Подумать только!

– Пусть выражается как хочет, зато деньги зарабатывает, – парировала Вера Семеновна. – А твой Борька как был воблой, так воблой и остался.

– Да Борис уже практически защитился! – возмущалась Анжелика.

– Значит, станет защитившейся воблой.

Такими ссорами неизменно заканчивалась любая их встреча. В конце концов Никита и Борис стали для Анжелики и Веры Семеновны чем-то вроде скаковых лошадей, на которых поставлено очень многое, хотя, конечно, ни первая, ни вторая никогда бы не признались в этом самим себе.

Борис благополучно защитился, устроился работать в тот же институт, где преподавали Пронины-старшие, и карьера его обещала идти по той же дороге, по которой шли родители. Это полностью устраивало и Анжелику, и Аркадия, видевших в сыне интеллигента, продолжателя семейной традиции. Никита работал в таксопарке, заводил знакомства с какими-то странным личностями, которых Аркадий именовал деклассированными, и регулярно ночевал неизвестно где, очень радуя бабушку.

«Настоящий мужик будет, – думала Вера Семеновна. – В молодости перебесится, побегаёт по бабам, а потом остепенится. Лишь бы не окрутил

его кто раньше времени».

Начавшаяся перестройка застала семейство Прониных врасплох. Мир вокруг завертелся с какой-то удивительной скоростью, и изменения, происходившие в нем, были непонятными, страшными. Институт, где работали Анжелика, Аркадий и Борис, стал разваливаться на глазах, преподавательский состав разбежался, а зарплата, которой со всеми надбавками раньше вполне хватало на жизнь, превратилась в пустые бумажки. К тому же нагрянувший кризис съел их сбережения, и Анжелика с мужем с оторопью озирались вокруг, ощущая себя пришельцами, окруженными враждебными племенами. Многие из их коллег как-то общались с этими племенами, создавали непонятные ТОО, уезжали по обмену в другие страны, но ни Анжелика, ни Аркадий не были способны на подобное. «Мы же не торгаши!» – возмутился Аркадий, когда ему предложили заняться репетиторской деятельностью. А Борис был слишком ленив и инертен, чтобы самому добиваться чего-либо.

Зато Никита чувствовал себя как рыба в воде. Перед ним открывались возможности, которых он давно ждал, и Никита постарался не упустить их. Он пробовал себя во всем, что только подворачивалось под руку, но пару раз попав в очень неприятные ситуации, со временем стал осторожнее. Никита понял, насколько важны в любом деле верные люди, и стал присматриваться к Борису, влачившему полунищее существование вместе с родителями. В конце концов на родного брата можно было положиться, а это Никита стал ценить не меньше, чем хватку и способность делать деньги.

Четыре года спустя он был совладельцем небольшой, но успешной мебельной фирмы, которая специализировалась на изготовлении детской мебели под заказ. Бизнес развивался успешно. Еще через год Никита выкупил долю партнера и стал единоличным собственником.

Должность Бориса, работавшего на Никиту, гордо называлась «директор по маркетингу», однако на деле все идеи по развитию бизнеса исходили от его заместителя, а Борис лишь контролировал процесс. Для него было унижительно получать оклад в пять раз меньше, чем у собственного заместителя, но тут Никита оказался категоричен: хорошо оплачиваются только ценные сотрудники. Он выделил брату хорошую служебную машину, но кормить его за счет фирмы не собирался, о чем прямо и сказал еще в начале совместной работы.

Вера Семеновна к тому времени умерла, и Борис переехал в ее квартиру, поскольку себе Никита купил другую – просторную, с высокими потолками и окнами, выходящими на парк. После смерти бабушки он стал

чаще навещать родителей, и Анжелика с Аркадием очень радовались его визитам – в том числе и потому, что каждый раз получали от младшего сына деньги, позволявшие им не думать о том, где раздобыть средства на жизнь.

Никита относился к матери и отцу уважительно, понимая, что не отдай они его бабушке, он сам, Никита Пронин, мало на что годился бы. А вот Борис отца с матерью искренне презирал и при каждом удобном случае напоминал, как они чуть не искалечили ему жизнь, запихав в ненавистный институт и заставив заниматься нелюбимым делом. Он и диссертацию-то не хотел защищать, но они настояли на своем, как всегда! После ухода старшего сына Анжелика Сергеевна частенько плакала, вспоминая, каким чудесным, послушным мальчиком он был когда-то. С портрета на комодке на нее смотрела Вера Семеновна, и Анжелике казалось, что во взгляде матери мелькает ехидная усмешка.

* * *

С самого утра Алина что-то писала. На вопрос Даши она ответила, что не бросает слов на ветер и собирается составить грамотное заявление, как вчера и пообещала. Правда, добавила Алина, теперь это практически бесполезно, поскольку вор, если только действительно имела место кража, наверняка успел перепрятать камень, и искать его смысла уже нет.

Даша перед зеркалом сушила свою шевелюру феном под неодобрительным взглядом Алины.

– Ну что я сделаю, если они расческой не укладываются как надо! – оправдывалась она, пытаясь изобразить хотя бы подобие аккуратной, как у Алины, прически.

– Укладываются, если средствами для укладки пользоваться, – отрезала та. – Если хочешь, возьми мое.

Даше не хотелось. В маленькой стеклянной баночке, стоявшей на Алининой тумбочке, находилось вещество, напоминавшее ей посиневшую от ужаса медузу, причем не только по внешнему виду, но и по консистенции. Когда-то Даша прочитала, что во времена Людовика XIV был в ходу цвет, обозначаемый как «цвет тела испуганной нимфы», причем, как она смутно припоминала, за впечатляющим образом скрывался всего лишь оттенок серого. Даше представлялась бедная, голая, посеревшая от страха нимфа, дрожащая почему-то на дубу. Так же живо Даша воображала и улепетывающую изо всех сил от рыбаков медузу, пытающуюся

мимикрировать под цвет моря, которую все-таки ловят и сажают в баночку, а потом ею намазывают волосы, чтобы они хорошо лежали. Она вообще не любила что-либо постороннее на волосах.

– Алин, а Алин... – позвала Даша, чтобы увести разговор от вопросов укладки. – Слушай, неужели камень в кулоне настолько ценный, чтобы из-за него такой шум поднимать? Кстати, как он называется?

– Черный опал, – ответила Алина, продолжая писать. – Я удивляюсь, до чего ты нелюбопытная! – Она отложила ручку и обернулась к Даше. – Спрашиваешь, как камень называется, только после того, как его украли. Я вот сразу на него обратила внимание.

– Да я тоже обратила, просто спрашивать было как-то неудобно. Так он дорогой?

– Я поняла со слов Никиты, что украшение стоит что-то около сорока тысяч долларов.

– Сколько?! – ахнула Даша. – Так дорого?

– Кстати, не очень дорого. Обычно черные опалы стоят дороже, но, по моему, то ли камень не очень чистый, то ли еще там что-то не так. Никита говорил, но я не запомнила. А он про камень много знает, поскольку сам же его и покупал где-то в Европе ей в подарок на свадьбу.

– Славный подарок, – вздохнула Даша. – Хорошо, когда у твоего жениха есть такой щедрый младший брат, правда?

– Не уверена, – непонятно отозвалась Алина. – Кстати, младший брат, по моему, решил, что полностью покорила меня своим обаянием. Все-таки до чего смешна самовлюбленность мужчин!

– Он же тебе нравился, – робко сказала Даша.

– Уверяю тебя, не настолько, чтобы я им всерьез заинтересовалась, – фыркнула Алина. – Ладно, Даш, не мешай гонорар отрабатывать, иди позавтракай.

– А ты?

– А я не пойду. Вон банан съем, и хватит.

– Ладно, я тебе что-нибудь вкусенькое принесу. Постой! – спохватилась Даша. – Так ты и впрямь деньги получишь за составление заявления?

Алина обернулась к Даше и прищурилась:

– А ты думаешь, я стала бы вступать в конфликт с хозяином отеля, не говоря уж про местную полицию, бесплатно?

– Ну, не знаю. Вчера же ты это предложила просто так, правда?

– Вчера – да, а сегодня вполне могла бы и передумать. Я ж тебе говорю, смысла-то теперь никакого нет, камень наверняка хорошо спрятан.

Но если Никите взбрело в голову деньги на ветер выкидывать, то я только рада, раз ветер в мою сторону. Все, все! – замахала она руками в сторону Даши, собиравшейся еще о чем-то спросить. – Иди наконец, а то я до обеда не закончу, совсем английский забыла.

Завтракая в одиночестве, Даша незаметно разглядывала окружающих и пыталась представить, кто из них мог бы оказаться вором. К примеру, вон та седая дама с колоссальным количеством бижутерии. Неважно, что ее не было на рафтинге, ведь мог быть сообщник. Боже мой, вздохнула Даша, так обвешивать себя украшениями могут только русские, у нас сорока – любимая национальная птица. В этот момент к даме подкатился низенький лысый старичок, и парочка начала быстро обсуждать что-то по-немецки, поглядывая в сторону столов с фруктами. Даша рассмеялась.

– Я вижу, у вас хорошее настроение с утра. Доброе утро! – раздался голос Максима, и Даша тут же пожалела, что не воспользовалась Алининым гелем для укладки. Да и подкраситься бы не мешало.

– Да я тут играю сама с собой, – улыбнулась она. – Присаживайтесь.

Незаметно рассматривая сидящего напротив нее Максима, Даша пыталась представить, как он мог бы выглядеть в офисе. Наверное, не очень хорошо, решила она. Свободный стиль идет большинству мужчин, а вот носить костюм с такой же легкостью умеют немногие. Хотя к светлым волосам, наверное, очень идет темное...

– Ну что? Как я вам сегодня? – иронично поинтересовался у нее Максим, прервав Дашины размышления. Она покраснела и ответила невпопад:

– Я просто про Алину задумалась, как она там заявление пишет.

– Какое заявление?

– Ну, по поводу вчерашней пропажи.

Даша коротко рассказала, к каким выводам пришел Никита, и про столкновение с полицейским тоже, умолчав лишь о том, что Алина работает за обещанный гонорар. Объяснила, что если написать заявление, то тогда полиция вынуждена будет расследовать дело, вот Алина и пишет, причем сразу на английском.

– Я что-то не понял, при чем здесь английский, – нахмурился Максим. – Заявление-то она пишет в турецкую полицию, или сразу в Страсбургский суд?

– В полицию, конечно, – кивнула Даша.

– А почему в турецкой полиции должны принимать заявление на английском языке? Вообще-то государственный язык здесь, насколько мне известно, турецкий.

Даша задумалась. Действительно, почему они решили написать заявление на английском?

– Не знаю... – неуверенно сказала она. – Вообще-то это Алина предложила, а все остальные как-то дружно поддержали.

– Ну, так ерунду полную предложила ваша Алина. К тому же какой смысл в расследовании теперь? Впрочем, если вам так уж хочется поднять большую бучу и здорово подпортить настроение соотечественникам, обратитесь к гидам нашим... как их там... к Маше и Леве. Кто-то из них совершенно точно знает турецкий, и не только разговорный. Напишут они вам ваше заявление, вот и все дела. А что там писать-то? Перевести с русского обстоятельства кражи, и больше ничего.

Максим говорил рассерженно, и Даша удивилась:

– Что вдруг вас так задело? И при чем здесь «подпортить настроение»?

– Да при том, что если все-таки заведут дело, в чем я, правда, сильно сомневаюсь даже при наличии заявления, то здесь будут проводить обыск, причем у каждого. Вы себе представляете, как проводится обыск? Потные вонючие турки перетрясут все ваши вещи, будут лапать ваше нижнее белье, а потом еще и вас саму, не дай бог.

Увидев гримасу на Дашином лице, он добавил:

– Не подумайте, что я вас пугаю, просто на что же другое вы рассчитывали? Ладно, я вам дал ценный совет, можете им воспользоваться совершенно бесплатно: обратитесь к гидам, они все напишут. А когда закончите фигней заниматься, приходите на волейбольную площадку, хоть поболаете за меня.

Даша хотела было ответить, что за него есть кому болеть, но Максим поднялся, с усмешкой поклонился и быстро пошел к корпусу.

Посидев над остывшим кофе, Даша пришла к выводу, что все они сваяли большого дурака, и пока не начали валять еще большего, следует направить ход дела в указанное Максимом русло. К тому же, говорила себе Даша, он ведь юрист, значит, у него должен быть аналитический склад ума. Для Даши с ее гуманитарным образованием и вечной тройкой по математике, которую преподаватель ставил исключительно из жалости к ней, аналитический склад ума означал принадлежность к какому-то высшему, недоступному классу. «Я – питекантроп, – подумала Даша. – Пойду обрадую еще одного такого же». Взяв для Алины большое красное яблоко, она торопливо вышла из столовой.

Алина сидела, склонившись над своей тумбочкой, и что-то вычеркивала в блокноте. Прикрыв за собой дверь, Даша подбросила яблоко, и оно упало на кровать.

– Слушай, Алин, Максим говорит, что мы полной ерундой занимаемся. Алина резко обернулась, и Даша поняла, что вступительная фраза была выбрана неудачно.

– То есть не совсем ерундой, а...

– Какой Максим? – металлическим голосом спросила Алина. – Твой белобрысый юрист? Знаете что... – Она встала, и Даша даже попятилась, увидев выражение ее лица. – Проваливайте-ка вы со своим юристом на все четыре стороны! Ты меня поняла?

Даша схватила пляжное полотенце, лежавшее с краю на тумбочке, и попыталась у себя за спиной открыть захлопнувшуюся дверь. Та, как назло, не поддавалась.

– Мне еще вашего мнения не хватало, твоего и какого-то безграмотного самоучки! Ты вообще хоть что-нибудь понимаешь в законах, а? Ты кто? Ты переводчик, вот и переводи на здоровье. И не смей лезть в мои дела, последний раз тебе говорю!

Алина сделала несколько шагов к Даше, и та, внезапно перепугавшись, дернула ручку с такой силой, что дверь распахнулась. Даша вылетела в коридор, а вслед ей раздался полный ненависти голос:

– И заberi свое яблоко к чертовой матери!

Из-за двери вылетело яблоко, упало на лестницу, треснуло, и куски покатались вниз по ступенькам. Самый большой кусок докатился до нижней и остался лежать посередине, словно приглашая полюбоваться, какие в нем ровные, аккуратные косточки. Даша уселась рядом, подняла его и, абсолютно не думая, откусила. Похрустев яблоком, она встала, аккуратно собрала остальные куски и внезапно сообразила, что делает. Выплевывать яблоко было уже поздно. А сладкое-то какое... Жалко, что грязное. На большом пальце налипла кожура. Даша внимательно посмотрела на нее, стряхнула и только тут заметила, что руки у нее дрожат.

Через час Даша лежала на лежаке и смотрела волейбол. На берегу моря она пришла в себя, нервная дрожь исчезла, и, подумав, она решила, что Алина просто приняла свое задание слишком близко к сердцу. «Наверное, у нее ничего не получалось, – думала Даша, – а тут еще я со своими предложениями. Вот она и рассердилась».

Однако время от времени ей вспоминался Алинин крик, холодный взгляд, та ненависть, которой ее окатило словно из ведра, и Даше становилось не по себе. Она старалась выкинуть происшествие из головы, глядя, как оказавшиеся неожиданно спортивными Сонечка и Женечка зарабатывают очередное очко и радостно визжат, подпрыгивая на песке. Почему-то сегодня все те, кто обычно собирался у бассейна, решили

перебазироваться на море, и Даша видела в некотором отдалении толстого Бориса и крепкого Никиту, то уходившего к бару, то возвращавшегося с какими-то напитками в руках, и красавца-мужа Инны, болтавшего с парнями на надувном банане, и даже всю компанию Василь Семеныча, обычно выползавшую из номеров только ближе к ночи. Только Аллы нигде не было видно.

– Прошу угощаться! – присел рядом с ней Никита и протянул стакан яблочного сока. – А где несравненная Алина?

– Несравненная Алина занимается вашим заявлением, – сухо вато ответила Даша.

– И много ей еще осталось?

– Понятия не имею.

– Ну что ж, – оживился Никита, – нельзя же бросать ее одну сражаться с дегрями английского. Джентльмен на то и джентльмен, чтобы... Ты что же делаешь, поганец?

Даша поняла, что последнее относилось не к ней. Проследив за вскочившим Никитой, она увидела около его лежака малыша с лопаткой, который увлеченно засыпал песком Никитин сотовый телефон. Прогнав малолетнего вредителя, Никита помахал Даше рукой и крикнул:

– Пойду окажу посильную помощь! – и бодро зашагал по дорожке.

Даша хмыкнула и принялась играть с камешками. За этим сосредоточенным занятием и застал ее Максим.

– Медитируете? – поинтересовался он, запыхавшись после игры. – Спасибо, что пришли, а то ни одного знакомого лица. Еще и Володька какой-то монастырь уехал осматривать.

Тут уж Даша не сдержалась.

– А ваша подруга? – безразлично поинтересовалась она.

– Какая подруга?

– Которая с вами в двойке плыла. На рафтинге, – напомнила Даша Максиму, недоуменно смотрящему на нее.

– На рафтинге? Что за подруга? Со мной Володька плыл... А, понял! Вы со мной Аню видели, Володину девушку. Только ее в лодке не было, она на пятом плоту шла, вместе с подругами. Посмотрела, на чем ее любимый поплывет, и убежала. А вы, значит, подумали, что мы вместе сплавились? – Он неожиданно внимательно глянул на Дашу.

– Ну да, мне показалось, вы с ней в лодку садились, – ответила Даша, стараясь не покраснеть. Мысли об Алине вылетели у нее из головы окончательно, но тут она опять увидела Никиту среди загорающих и удивилась: – Что, так быстро?

– Что быстро? – не понял Максим.

– Да нет, ничего. Просто одного знакомого увидела. – Даше почему-то не хотелось рассказывать про Алину. К тому же она подозревала, что Максиму тема уже надоела. – Пойдемте искупаемся.

С наслаждением окунувшись в море, она проплыла немного под водой и вынырнула почти у пирса. Время подходило к полудню, и солнце палило нещадно. Надо было кепку надеть, подумала Даша, хотя в кепке особо не поныряешь.

Максим подплыл к ней размашистыми гребками, и Даша удивилась тому, насколько он хорошо плавает.

– Вы плаванием занимались? – спросила она.

– Да немного совсем, в юности еще. Просто стараюсь время от времени в бассейн заглядывать, чтобы совсем в своей фирме не зачахнуть. А вы чем занимаетесь в свободное время? Слушайте, – спохватился он, – я ведь даже не знаю, кем вы работаете!

– Никем, – вздохнула Даша, перевернувшись на спину и бултыхая в воде ногами, – но вообще-то переводчиком.

– А-а, то есть с разными интересными людьми встречаетесь?

– Ну, не совсем, – Даша вспомнила своего бывшего директора, – скорее с разными интересными документами. Понимаете, я тексты перевожу, в фирме одной московской. Точнее, переводила.

– Почему в прошедшем времени?

– Да потому что я больше там не работаю! – Она хотела было пожаловаться, но спохватилась, что ее тяготы никому, кроме нее и мамы, неинтересны. – Все, я к берегу, устала, – призналась Даша.

– Ну а я еще побултыхаюсь.

Даша вылезла из воды, растерлась полотенцем и начала высматривать Максима, однако на поверхности воды торчало множество голов, и распознать, которая из них нужная, не представлялось никакой возможности. Настроение у нее стало очень хорошее, и теперь она разрешила себе подумать про Алину. Сидит там одна... даже Никита заскочил и убежал обратно.

Станным образом мысли о работе и Алине смешались у Даши в голове. Она представила себе Алину, на которую пытается накричать Вадим Викторович. Вот что бы тогда было? Мысленно она увидела, как Алина садится на ее место в кабинете и начинает сосредоточенно изучать какой-то текст. У нее на лице появляется удивленное выражение, и она оборачивается прямо к Даше. Тут Дашу внезапно осенило, она даже хлопнула себя по лбу: «Господи! Я же идиотка! Вот почему Алина на меня

так раскричалась: она надеялась, что я ей помогу, ведь я профессиональный переводчик».

Теперь Даша не могла понять, как ей раньше это в голову не пришло. Ладно, решила она, лучше поздно, чем никогда. Судя по тому, что Алина все не идет, она застряла со своим заявлением. Ну и пусть они занимаются бестолковым делом, зато теперь Даша хоть как-нибудь поможет, и они забудут о своей совершенно нелепой стычке. «Никакой стычки не было, – язвительно сказал внутренний голос. – Просто на тебя наорали, вот и все». Даша велела ему заткнуться, подхватила полотенце и, сунув ноги в босоножки, отправилась в номер.

Дверь оказалась открытой. Даша постучалась на всякий случай и зашла внутрь. К ее удивлению, Алины в комнате не было. На тумбочке были аккуратно сложены несколько листиков, вырванных из блокнота, на кровати валялись сам блокнот и карандаш.

Наверное, к бассейну ушла, решила Даша, и ей стало не по себе: значит, Алина не захотела с ней вместе загорать и мира не предвидится. Даша ненавидела такие ситуации. Она вышла на балкон, повесила полотенце и кивнула итальянке, проходившей внизу. Девушка улыбнулась в ответ и остановилась около лотка со всякими пустяками, который ежедневно притаскивал к отелю старый морщинистый турок, похоже, сам же их и делавший. Минутой позже к ней присоединился ее парень, обнял ее, и парочка пошла куда-то в сторону остановки.

Даша с грустью посмотрела вслед, подумав, что и она хочет отдохнуть вот так же, а не обдумывать, как лучше помириться с Алиной. Может быть, извиниться? Но за что? И как?

Вздыхнув, Даша решила пойти обратно загорать, раз уж все равно ничего не придумала. Отодвинула балконную дверь и тут увидела свое отражение в стекле: хоть и нечеткое, оно тем не менее отражало то, что Даше совершенно не хотелось видеть. «И вот с такой головой я хожу?! – ужаснулась Даша. – Все, с сегодняшнего дня начинаю пользоваться медузой или чем-нибудь еще».

Она пыталась пригладить волосы расческой, но в сражении с мокрой гривой расческа потеряла два зуба и бесславно отступила. Рассматривая выпавшие зубья, Даша решила высушиться феном. «Заодно избегу ворчания Алины, раз ее нет», – подумала она.

Даша подошла к своей тумбочке, но фена в ней не обнаружила. Удивленная, она посмотрела на Алинину – там лежали только исписанные листочки. Обежав взглядом кровать и стулья, увидела, что фена вообще нет в комнате. Что за ерунда? Неужели она его в ванной забыла?

Даша открыла дверь в ванную и остановилась. В грязно-белой ванне по грудь в воде лежала раздетая Алина с закрытыми глазами, и, если бы не что-то постороннее, Даша решила бы, что она просто уснула, принимая ванну. Но что-то было. Фен. Фен, лежавший у Алины на животе. Черный провод, как змея, изгибался по кафельному краю и уползал в сторону. Проследив за ним взглядом, Даша увидела, что он заползал в розетку и прятался там.

Надо убрать его оттуда, подумала она, и разбудить Алину. Скоро обед. Что вообще за манера ронять фены в воду?

Даша сделала шаг в сторону розетки и остановилась. Прекрасные Алинины волосы, ставшие темными, мокрым слипшимся комком бултыхались в воде около ее лица и казались совершенно живыми. Даша не могла отвести от них глаза. Она постояла неподвижно несколько секунд, потом попятилась к розетке и вслепую выдернула провод. Она боялась поворачиваться к Алине спиной. Рука ее разжалась, и шнур со стуком упал на пол. Даше показалось, что от звука Алина дернулась, и некоторое время она не могла сдвинуться с места, словно окоченев. Обнаженное загорелое тело с белыми пятнами от купальника лежало расслабленно, а на кончиках пальцев правой руки Даша увидела сморщенную кожицу, «гусиные лапки». Эта сморщенная кожица вывела ее из ступора. «Некрасиво, – мелькнуло у нее в голове, – надо сказать, чтобы руки высушили».

Она спиной вперед вышла из ванной и так же, не поворачиваясь, добралась до входной двери. Стены почему-то то съезжались, то разъезжались, и было очень холодно. Даша спустилась вниз по лестнице, удивляясь, почему качаются ступеньки, и в самом низу столкнулась слевой, поднимавшимся ей навстречу.

– Лева, – сказала она, пошатываясь, – там Алину убили.

Шершавая стена начала падать прямо на нее, и Даша потеряла сознание.

Глава 8

– Расскажите еще раз, как вы обнаружили тело, – молодой турок напротив нее говорил по-русски почти без акцента.

«Я должна сдерживаться».

– Я уже рассказала вам два раза. Я зашла в комнату, поискала фен, пошла за ним в ванную и увидела...

– Что вы увидели в ванной?

– Тело Алины, – с трудом выговорила Даша.

– Как оно лежало?

«Я должна сдерживаться».

– Я уже рассказала вам, как оно лежало. Я не трогала в комнате ничего.

– Неужели? А провод?

– Да, я выдернула провод из розетки. Я просто забыла.

– Может быть, вы еще что-нибудь забыли?

«Я должна сдерживаться...»

В той же комнате, в которой накануне они разговаривали с полицейским о краже кулона с опалом, сегодня собралось гораздо больше представителей турецких правоохранительных органов. Два полицейских, сменяя друг друга, словно сговорившись, задавали Даше одинаковые вопросы, не глядя на нее, а молодой переводчик, наоборот, не сводил глаз с ее бледного лица. Время от времени в комнату заходили еще какие-то люди, сообщали о чем-то полицейским, а один раз Даша увидела за дверью взволнованное лицо хозяина отеля. Ее спрашивали всего около часа, но ей казалось, что прошло не меньше пяти. Она не понимала, зачем нужно задавать одни и те же вопросы по многу раз, но, когда она пыталась возмутиться, полицейский, весь заросший волосами так, что они торчали даже из носа, посоветовал ей отвечать на все вопросы в прекрасной комнате отеля, пока ее не отвезли в полицию за отказ предоставлять информацию правоохранительным органам.

– Уверяю вас, – журчал голос переводчика, – что в нашем участке вам понравится гораздо меньше.

Разговаривая, турок-полицейский морщил нос так, что черные жесткие волосы шевелились. Дашу затошнило.

– Мне надо в туалет, – сказала она, еле сдерживаясь.

– Подождите, – безразлично ответил переводчик, даже не переведя ее

слова.

– Мне надо в туалет. Мне плохо, – повторила она.

На нее не обратили ни малейшего внимания. Только переводчик смотрел с любопытством, словно ожидая, на сколько еще хватит эту глупую русскую туристку.

Даша почувствовала, что больше не сможет сдерживаться. «Не смей! – приказала она себе. – Не смей!» Она и сама не могла бы объяснить, что именно не смей, но от мысленного приказа словно появились силы.

– Я последний раз говорю вам: мне нужно в туалет! – Даша встала со стула и решительно пошла к двери. Стоявший у порога турок в форме преградил ей путь, но за Дашиной спиной полицейский что-то сказал, окружающие расхохотались, и охранник, ухмыляясь, отодвинулся в сторону. Отодвинулся ровно настолько, чтобы Даше пришлось вплотную протискиваться между ним и дверью.

«Если я его сейчас не заставлю отойти, они будут издеваться надо мной все время, – поняла Даша. – Я для них просто развлечение. Нужно заставить его отойти».

Она подняла голову, посмотрела прямо в большие черные глаза навывкате, по белкам которых пробегала красная сеточка, и тихо, но внятно произнесла:

– Подвинься.

Охранник не отреагировал.

– Подвинься! – приказала Даша, всей душой ненавидя это наглое, здоровое животное. Руки у нее задрожали, и она изо всей силы сжала их в кулаки. Сзади выжидающе молчали, и она спиной ощущала на себе взгляды.

– Если ты сейчас же не подвинешься, я скажу своему мужу, и он тебя убьет.

Даша понимала, что угроза абсолютно бессмысленна. Более глупую фразу сложно было придумать. Господи, он же не понимает по-русски! Охранник стоял, не двигаясь, но внезапно Даша услышала голос переводчика. Он коротко сказал что-то, и охранник, не глядя на нее, отодвинулся от двери. Стараясь идти медленно и спокойно, Даша прошла мимо него, по коридору добрела до туалета и так же медленно открыла дверь. Она не успела добежать до унитаза, и ее стошнило прямо на голубой с цветочками кафельный пол.

Она долго умывалась, полоскала рот, и все равно во рту оставался отвратительный привкус. Умывшись, Даша бросила взгляд в зеркало, и ей

показалось, что на нее смотрит кто-то другой. Бледные губы этого существа были крепко сжаты и почти неразличимы, вокруг темно-серых глаз залегли сиреневатые тени, а само лицо приобрело оттенок, близкий к серому. Цвет тела испуганной нимфы, вспомнила Даша. В дверь бесцеремонно постучали, и она поняла, что таким ненавязчивым образом ей предлагают продолжить беседу.

Когда Даша вернулась, в номере прибавился еще один человек – хозяин отеля. Он сидел на том стуле, который прежде занимала Даша, и, улыбаясь, что-то втолковывал полицейским. Те слушали очень внимательно, порой переглядываясь и бросая короткие реплики. Переводчик кивком предложил Даше усесться на кровать, но она осталась стоять, внимательно глядя на деловитых турок. Почувствовав ее взгляд, хозяин обернулся и замолчал. Через несколько секунд, все еще глядя на Дашу, он произнес что-то, обращаясь к переводчику, и тот послушно повторил по-русски:

– Мне жаль, что с вашей подругой произошел несчастный случай. Девушка, вас переселят в другой номер. Вы хотите жить одна?

Даша не сразу поняла, о чем он говорит, и переводчику пришлось раздраженно повторить последнюю фразу.

– Одна? – переспросила она. – Да, я хочу жить одна.

И тут Даша сообразила, что ей не понравилось.

– Какой несчастный случай? – удивилась она, перейдя на английский. – Вам разве не сказали? Алину убили.

Лицо хозяина окаменело. Он повернулся к полицейским, о чем-то спокойно спросил и, не дожидаясь ответа, вышел. Дашу усадили на стул.

– Что за глупость вы говорите об убийстве? – Оба полицейских задали вопрос почти одновременно. Даша почему-то была уверена, что они сказали не «глупость», а гораздо резче, но переводчик предпочел смягчить вопрос. – Ваша подруга уронила фен в ванну и поэтому умерла. Вы что, не понимаете, что говорите?

– Это вы не понимаете, что говорите! Алина не могла уронить фен в ванну, ее убили! – крикнула Даша.

– Перестаньте кричать, – бросил один из полицейских, – здесь вам не Советский Союз.

От этого «Советского Союза» Даша сначала опешила, а потом начала смеяться. Она хохотала так заразительно, что даже на лице охранника мелькнула легкая улыбка. Просмеявшись, Даша вытерла выступившие слезы и довольно спокойно сказала:

– Алину убили. Во-первых, она никогда не пользовалась феном. Я это

точно знаю, она и меня ругала, когда я волосы им сушила. Во-вторых, она никогда бы не стала принимать ванну в номере, потому что она очень брезгливая. Она даже полотенцами вашими голову вытирать не могла, потому что считала, что они грязные. В-третьих, зачем она вообще полезла в ванну днем? В отеле два бассейна, и море в двух шагах. Так что не нужно говорить мне про несчастный случай.

Переводчик протарахтел, и в комнате наступила тишина. Теперь полицейские внимательно рассматривали Дашу, а переводчик отвел глаза в сторону окна, завешенного жутко пыльной и, как только сейчас заметила Даша, дырявой шторой.

– Кому и зачем нужно было убивать вашу подругу? – наконец ехидно поинтересовался волосатый турок.

– Мы не подруги. Мы познакомились незадолго до отъезда.

– Неужели? – удивился второй полицейский. – Вы едете отдыхать, останавливаетесь в одном номере, и вы почти незнакомы? Так бывает?

В голосе его звучал неприкрытый сарказм.

– Представьте, бывает, и не так уж редко, – сдержанно ответила Даша. – Мне нужно было отдохнуть, одна я боялась ехать, а подруг у меня нет. С работы меня уволили. Я нашла в Интернете сайт, на котором люди искали себе попутчика для отдыха, и так познакомилась с Алиной. Потом мы встретились, решили, что подходим друг другу, и поехали вместе. Мы не подруги.

Даша вспомнила, как дождливым летним днем она сидела в маленькой уютной кофейне и ждала Алину. По переписке она знала, как та должна выглядеть. «Я высокая, светловолосая», – написала Алина. Даше казалось, что в зал войдет полноватая девушка с русыми волосами, не выглядящая на свои тридцать два года. О том, что Алина занимается дизайном интерьеров, она узнала позже и решила, что профессия очень подходит Алине. «Я тоже хотела бы заниматься дизайном интерьеров, – подумала она тогда. – Такое тонкое, стильное слово – „дизайн“, очень модное и куда актуальнее, чем скучное „переводчик технических текстов“, например. Хотя, впрочем, как раз технические-то тексты я и не могу переводить».

Да, тогда она вовсе не знала профессию Алины, а то нарисованный ею мысленно портрет был бы гораздо ближе к истине. Поэтому когда в кофейню, чуть встряхивая длинный серо-зеленый зонтик-трость, вошла высокая элегантная женщина с удивительными серебристыми волосами, Даша загляделась на нее, но ей даже в голову не пришло, что она – та самая Алина, над шутками которой она смеялась за компьютером.

– Здравствуйте, вы – Даша. – Женщина, подойдя в ее столику, не

спрашивала, а констатировала. Когда потом Даша пыталась узнать, как Алина очень молниеносно вычислила ее из пяти девушек, сидевших в кофейне, та только отшучивалась. – Я Алина. Значит, с вами мы и поедem в солнечную Турцию. Тогда перейдем сразу на «ты», ладно?

– Конечно, – кивнула Даша, думая, как ей повезло: с ней поедет такая красивая, уверенная в себе женщина. О том, что у такой уверенности есть и обратные стороны, она еще не догадывалась.

Переводчик что-то спрашивал, но Даша так задумалась, что не сразу услышала вопрос.

– Я говорю, вы... – Он замялся, подыскивая слово. – Вы лесбиянки?

– Господи, да нет же! – повысила голос Даша. – Никакие мы не лесбиянки! Я же только что вам все объяснила.

– А почему вы не поехали со своим мужем? – прищурился волосатый полицейский.

Даша слегка покраснела.

– Потому что я не замужем, – призналась она, стараясь не глядеть на охранника.

Волосатый поцокал языком и начал что-то говорить напарнику. Даша вслушивалась в незнакомые слова, но ничего не понимала. Наконец волосатый замолчал и перевел тяжелый взгляд на Дашу.

– Она что, сама легла в ванну, а потом туда бросили фен? – спросил он. – И зачем, по-вашему, это нужно было делать?

– Я не знаю! Господи, ну ведь вы же полицейские, а не я, – растерянно сказала Даша. – Обыщите комнату, найдите отпечатки или что там положено находить, я не знаю... Опросите отдыхающих, может быть, кто-то видел людей, входивших в наш номер...

С каждым словом на нее наваливалась все большая усталость. Внезапно она вспомнила про заявление, которое писала Алина, и встрепенулась:

– Она переводила на английский заявление про вчерашнюю кражу. Вот, наверное, в чем дело!

Видя недоверчивые взгляды полицейских, Даша начала быстро и сбивчиво рассказывать о пропаже кулона, но ее грубо перебили.

– Перестаньте пылить нам мозги! – заявил переводчик, и Даша не сразу сообразила, что имеется в виду «пудрить». – При чем тут ваши украшения? Какими глупостями вы, русские, тут занимаетесь, нас не касается. Фен упал в воду. Произошел несчастный случай.

– Никакого несчастного случая не было, – устало произнесла она, – и вы сами прекрасно это знаете. Просто вы не хотите заниматься

расследованием убийства.

Даша помолчала, пытаясь собраться с мыслями.

– Наверное, ее ударили, как-нибудь оглушили, а потом раздели и положили в ванну, – подумала она вслух. – На голове должен был остаться след от удара. Просто тело нужно осмотреть как следует! Ну хоть что-нибудь вы можете сделать?

Полицейский наконец поднялся со своего стула и не торопясь подошел к Даше. Он наклонился к ней очень близко, и на какую-то долю секунды ей показалось, что он сейчас ее ударит. На Дашу пахнуло резким запахом пота, и бросились в глаза несколько черных волосков на его рубашке. Она так испугалась, что от страха стала храброй.

– Не подходите ко мне так близко, – прошипела она прямо ему в лицо, – мне не нравится, как от вас пахнет!

Переводчик сидел молча, но турок, обернувшись к нему, что-то спросил, и тот нехотя ответил. «Перевел все-таки», – поняла Даша. Усмехнувшись, волосатый что-то негромко произнес.

– Если вы так настаиваете на том, что вашу подругу убили, – услышала она голос переводчика, – то единственный, кто мог совершить убийство, – это вы. Подумайте как следует: стоит ли вам настаивать на своей версии или лучше оставшуюся неделю провести на море?

Волосатый пошел к дверям, но обернулся и, глядя в упор на Дашу, процедил что-то. Переводчик перевел его слова, когда дверь за полицейским уже закрылась:

– А что касается запаха, то кое-кто через два часа будет пахнуть гораздо хуже.

* * *

Измотанную, уставшую Дашу отправили из номера, и она осталась в холле, без сил упав на один из тех самых кожаных диванов, на которых неделей раньше их группа выясняла отношения с гидами. Она поднялась, походила, потом села на один диван, на второй, потом опять вернулась на первый, и парень за стойкой уже стал странно на нее поглядывать. Но Даше было абсолютно все равно. Она видела, как мимо нее в ту комнату, где остался один из полицейских с переводчиком, проходит кто-то из их группы, кажется, Маша... Потом она вспоминала, что ее о чем-то расспрашивала участливая полная женщина с кудряшками вокруг круглого лица. Но все люди казались Даше теньями. Может быть, потому, что в холле

стоял полумрак, может быть, потому, что она устала так, как не уставала никогда в жизни, может быть, потому, что в углу стояла Алина и смотрела на нее. Серебристые волосы слегка светились в темноте. Даша в который раз удивлялась их необычному цвету, про который сразу было понятно, что он свой собственный, не от краски. Даше тоже хотелось бы иметь такие волосы. Она собиралась подойти к Алине, чтобы сказать ей, какие у нее прекрасные волосы, но тут вспомнила, что Алина умерла. Это было очень странно: Алина, красивая, изящная, высокомерная Алина умерла... Она лежала в ванне, в которую никогда в жизни не легла бы по доброй воле, а по ней полз черный провод. Даша вспомнила, как выдерживала его из розетки, и к ее горлу опять подкатила тошнота.

Она подошла к парню за стойкой и попросила воды. Тот принес ей стакан какого-то сока, но она так и не поняла какого. Когда вернулась обратно на свои диваны, тошнота исчезла. Алина тоже ушла из угла, однако Даша постоянно видела ее высокую фигуру боковым зрением, и куда бы она ни поворачивала голову, справа и чуть сбоку высокая Алина зачем-то отряхивала изящный зонтик-трость, и отсвечивали серебром ее удивительные волосы.

Даша открыла глаза, оттого что кто-то тряс ее за плечо. Она очнулась и сразу поглядела по сторонам. Алина исчезла. Прямо перед ней стояла молодая девушка, приходившая убирать их номер, и что-то неразборчиво говорила.

– Что, что случилось? – прошептала Даша и тут сообразила, что заснула, а пока спала, кто-то принес ей под голову подушку и накрыл большим мохнатым пледом с изображением тигров. Именно тигры почему-то и привели ее в себя. Она вслушалась в лopotание девушки и поняла, что та пытается говорить по-русски.

– Вьечи, забрать вьечи, ваш комнат! – объясняла ей уборщица, и Даша наконец поняла, что ее просят забрать вещи из их с Алиной номера. Мысль о том, что придется туда возвращаться, испугала ее так, что у нее задрожали руки, но выбора не было, и она покорно пошла за девушкой.

В номере оказалось грязно. На полу остались какие-то мокрые следы, вещи были вынуты из шкафчика и брошены на кровать, Алинин чемодан, лежавший под стулом, был раскрыт. К облегчению Даши, горничная осталась в номере, пока она собирала вещи, – зашла в ванную и чем-то там шумела. Выйдя оттуда, она положила на кровать все тюбики и баночки, которые они с Алиной расставили на маленькой полочке и по краям в ванной, и Даша с изумлением посмотрела на нее. Девушка без улыбки махнула рукой на кровать, предлагая Даше выбрать то, что принадлежало

ей, и отвернулась. Дашу охватило такое чувство признательности, что она чуть не расплакалась, но сдержалась, сказала «Спасибо большое» и начала складывать свою косметику и шампуни в сумку. Распихав все за пять минут, Даша вышла из комнаты, и девушка закрыла дверь.

– Что с Алиниными вещами будет? – тихо спросила Даша, но девушка или не поняла вопроса, или не захотела отвечать.

Когда они уже спустились по лестнице, Даша внезапно остановилась и жестами объяснила, что хочет вернуться. На сей раз горничная не стала подниматься с ней, а просто протянула ключи. Даша одна зашла в номер, прошла на балкон и сняла с веревки свое любимое полотенце с китайским ежиком. Уже выходя, она заметила на Алининой кровати небольшой блокнотик, в котором та писала текст заявления. Вырванные из него странички так и лежали на тумбочке. Даша подошла к кровати, посмотрела на блокнот, осторожно взяла его и спрятала в полотенце. Это было последнее, что делала Алина перед смертью, и Даша не хотела, чтобы блокнот выкинули. Станным образом ерундовская вещица имела ценность в ее глазах, потому что была единственным, что осталось у нее от Алины.

Девушка провела ее обратно в холл, где Даше выдали ключи от нового, одноместного номера. Он располагался в главном корпусе, а не в том, где они жили с Алиной, и это успокоило Дашу. Она не могла себе представить, как ходила бы каждый день по той самой лестнице, на которой так качались перила, когда она спускалась навстречу Леве.

Крохотная комната выходила окнами на море, и Даша, поблагодарив горничную, уселась у окна. Только сейчас она заметила, что солнце уже садится. «Сколько же времени?» – удивилась Даша, но часов в номере не было, маленький телевизор на стене, как выяснилось, не работал, а ее собственные маленькие часики, лежавшие в кармашке сумки, почему-то остановились. Даша расстроилась. Одно было ясно – ужин она уже пропустила. При мысли о еде она вдруг почувствовала голод. Ее сумеречное состояние уступило место растерянности. Было совершенно непонятно, что делать дальше. Отдохнуть как раньше? Вроде бы дико. Уехать домой? Даша не знала, осуществимо ли это. Продолжать добиваться каких-то действий от полиции? Но она уже убедилась: совершенно бесполезно. Кроме того, даже если бы и была какая-то польза, Даша ни за что не согласилась бы еще раз разговаривать с полицейским, у которого шевелились в носу длинные черные щупальца волос.

Со звенящей головой Даша улеглась в кровать, не раздеваясь, накрылась своим любимым полотенцем и почти сразу провалилась в сон. Проспав две минуты, она резко проснулась, вскочила, закрыла входную

дверь изнутри на ключ и только тогда уснула окончательно.

Глава 9

Солнце ярко светило в окно, которое Даша вчера не задернула шторой. Открыв глаза, она некоторое время лежала неподвижно, глядя, как танцуют в солнечном луче пылинки и оседают на тумбочку, стул, на маленький телевизор, и без того покрытые толстым слоем пыли. «Меня так быстро переселили, – подумала она, – что даже толком не убрались здесь. Хорошо, если белье сменили».

Тут она почувствовала, что лежит вовсе не на простыне, а на покрывале, а вместо одеяла укрывается полотенцем. Даша поднялась, чувствуя себя совершенно разбитой, и стала думать, что делать дальше. Как ни крути, нужно позвонить маме.

Еле доковыляв до стойки с улыбчивой девушкой, Даша ткнула пальцем в телефон...

– Алло! Мам, это я!

– Дашка, привет, я так и думала, что ты позвонишь. Даже за мукой в магазин не пошла. У тебя все в порядке? – голос ее стал серьезным.

– Да, мам, все хорошо, – машинально ответила не проснувшаяся толком Даша, но тут же спохватилась: – Господи, мам, нет, конечно, все очень плохо. Алина умерла!

В трубке повисло секундное молчание, потом мама спокойно спросила:

– Что случилось?

– У нее фен в ванну упал, когда она мылась! – всхлипнув, сказала Даша, которая потом так и не могла объяснить, почему она не сказала маме то, в чем сама была абсолютно уверена.

– Господи! – вздохнула мама. – Ужас какой! Дашенька, я понимаю, что ты расстроена совершенно, но, пожалуйста, не делай никаких глупостей вроде обмена билета. Хорошо? Тебе осталось еще неделю отдыхать, вот и отдыхай. Тебе же необязательно веселиться на полную катушку, правда?

– Мам, я хочу вернуться... – простионала Даша.

– Забудь и думать! – отрезали в трубке. – Чтоб сидела на море и восстанавливала пошатнувшееся здоровье, понятно?! Все, Дашка, я тебя обнимаю, у меня компот убегает. Жду через неделю!

Раздались короткие гудки, и Даша нажала отбой. Мама ее обладала феноменальной способностью чувствовать, у кого из членов их небольшой семьи случаются неприятности. Единственный раз был исключением: когда

они с мамой были в деревне, а папа остался в городе, потому что немного прихворнул, мама встрепелась и позвонила домой уже тогда, когда в больнице над ним стояли врачи и констатировали остановку сердца. После этого мама несколько лет не могла ездить в их чудесное Бабушкино, и Даша навещала туда одна. Но постепенно все вернулось на свои места, и стало так же, как раньше, только без папы. То есть все стало по-другому, потому что без папы.

Даша вернулась в номер, подкрасилась и побрела в столовую, смутно представляя, что завтрак уже закончился. Но, к ее удивлению, к широким стеклянным дверям еще подтягивались проголодавшиеся отдыхающие, значит, времени было не больше девяти.

– Даша! – окликнули сзади. Она обернулась и увидела встрепанного Максима – с красными глазами и точно такими же кругами под ними, как у нее самой. – Даша, я тебя все утро ждал около корпуса. Ты как здесь очутилась?

– Я в главном теперь, – показала Даша, – вон мое окно, на втором этаже.

– Ну конечно! – поморщился он. – Я идиот! Я спросил твой номер на ресепшене, но до меня не дошло, что он в главном корпусе, а не в том, где вы раньше жили. Вот я и сидел, как дурак, ждал внизу, пока ты проснешься.

Удивленная Даша смотрела на него, но никаких объяснений Максим давать явно не собирался.

– Пойдем позавтракаем. – Он взял ее за руку и отвел за дальний столик.

С неожиданным для самой себя аппетитом поедая булки с медом и запивая их кофе, Даша сообщила ему то, что он и так знал. При солнечном свете все казалось гораздо проще, и теперь она решила, что мама была совершенно права, вполне можно пожить в отеле еще неделю. Когда она рассказывала, как ее расспрашивали полицейские, Максим нахмурился и спросил:

– Неужели тебя вообще ни о чем не спрашивали?

– Я же говорю, нет, только о том, как я ее нашла. А потом я сказала им, что ее убили, а им просто не хочется дело расследовать, и они быстренько беседу свернули.

– Ты им сказала, что ее убили? – Глаза его расширились от удивления. – Почему?

– Потому что ее убили, – отложив булку в сторону и глядя прямо на него, негромко сказала Даша. – А ты что, сам не понимаешь? А, ну да, ты

же не знаешь ничего...

И она объяснила, что для Алины было совершенно невозможно ни сушить волосы феном, ни принимать ванну в номере.

– Да зачем ей вообще было принимать ванну, если она могла купаться пойти? – задумчиво повторил Максим Дашины слова, сказанные ею накануне вечером.

– Вот и я то же самое говорила полиции, но меня даже не слушали, – подхватила Даша, обрадованная тем, что они думают одинаково. – Теперь ты понимаешь? Ерунда полная, что фен упал в ванну. Просто так думать очень удобно, и убийца хотел, чтобы именно так все и решило. А то, что Алина очень брезгливая и очень следит за волосами, никто не знал, кроме меня. Она же не кричала на весь отель: «Я не сушу волосы феном!»

Максим помолчал немного, потом спросил:

– Ну и кому могло понадобиться ее убивать?

Даша быстро взглянула на него и так же быстро опустила глаза.

– Не знаю, – тихо произнесла она, – и не хочу знать. Понимаешь, я вообще не хочу об этом думать. Я не следователь, не сыщик, не героиня Дарьи Донцовой. Я знаю, что Алину убили, но не хочу даже думать над тем, кто это сделал и по какой причине.

– Но почему? – недоуменно спросил Максим.

– Потому что мне страшно! – шепотом выкрикнула она ему в лицо. – Понимаешь? Мне страшно! Я боюсь убийц. А потом, ты только представь: вдруг я узнаю, кто это сделал... Нет, ты представь, что, например, сейчас за завтраком я пойму, кто ее убил. И что я буду тогда делать?

Он озадаченно посмотрел на нее и неуверенно предложил:

– Пойдешь в полицию? Да, глупости говорю, – махнул он рукой, заметив выражение ее лица. – Ну что ж, в твоих словах есть большой резон. Просто, знаешь, это во мне такое мальчишество, что ли, сидит и толкает: надо узнать, кто убил, самому вычислить. Я в детстве во все подвалы темные лазил, надеялся, что либо клад найду, либо труп.

– А я в детстве подвалов боялась до дрожи, – покачала головой Даша. – Потому что там темно, а я темноты до сих пор боюсь. И еще: помнишь, раньше почту опускали в ящики с дырочками, в них палец мог спокойно пролезть... Так вот у нас в подъезде все именно так газеты доставали – не ключом отпирали, а пальцем через дырочку их приподнимали и сверху вытаскивали. А я, когда была маленькая, фильм страшный с подружками посмотрела, «Зубастики», и потом палец туда боялась засовывать – мне казалось, что кто-нибудь страшный там сидит и может меня укусить за него. Вот ты смеешься, – обиделась она, – а меня

мама знаешь как ругала, потому что из всего нашего подъезда одна она с ключами ковырялась – у нее у самой-то пальцы в дырочку не пролезали.

– Какая ты, оказывается, впечатлительная... – Он уже без улыбки посмотрел на нее. – Учту на будущее.

На какое будущее, хотела спросить Даша, и на чье будущее, но он уже поднимался и протягивал ей руку:

– Пойдем. Переодевайся и приходи к морю, хорошо? Я около волейбольной площадки буду.

– Ладно, только еще одну чашку кофе выпью и приду, – кивнула Даша.

Помешивая ложечкой сахар в ароматном кофе, она задумалась над тем, что сказал ей Максим. Как ни гнала она от себя эти мысли, было ясно одно: Алину убил кто-то из тех, с кем они общались во время отдыха, потому что больше просто некому. Ну почему же некому, возразила она сама себе. Допустим, ее захотел изнасиловать какой-нибудь турок из обслуживающего персонала, который Алина так презирала. Они стали бороться, он ее случайно убил, а потом вот так содеянное замаскировал. «Ну-ну...» – сказал внутренний голос. Да, чушь полная получается, призналась Даша. А где следы драки? И вообще, насильник в отеле – это как-то очень фантастично. Ну хорошо. А если кто-то забрался в номер, хотел украсть драгоценности, наткнулся на Алину, убил, замаскировал. «И много у вас драгоценностей?» – ехидно осведомился внутренний голос. Немного, признала Даша, но преступник мог этого и не знать. «Вообще-то у входа в отель какая-никакая охрана стоит», – напомнил внутренний голос. Ну, охрана, что ж, что охрана, возразила Даша. А то мы не знаем, как мимо охраны проходят. «Что, знаете?» – удивился вредный внутренний голос, и Даша промолчала. Как воры проходят мимо охраны, она знала только из фильмов, поставленных по романам Сидни Шелдона. Да и какой вор, в самом деле? Алина писала свое заявление, сидя в комнате. Что он, слепой был, что ли?

Ладно, тогда вот как. Хозяин отеля боялся, что ее заявление примут в полиции и расследование отразится на репутации его заведения, а потому пришел предложить ей денег, Алина отказалась, и он ее убил. Дальше понятно – замаскировал. Пока маскировал, дверь мог и закрыть, потому что он хозяин, и у него все дубликаты ключей наверняка имеются. «Мы делаем успехи, – констатировал внутренний голос. – Хотя хозяин, сам... Сомнительно. И конечно, убийство для репутации его отеля куда предпочтительнее, чем кража». Даша и сама понимала, что здесь сплошные натяжки. А потом, представить себе Алину, отказывавшуюся от денег, предлагаемых турком, было как-то... Неубедительно. Да, совсем

неубедительно.

Вот и получается, что убил кто-то из тех, кого они обе знали. Но, господи, зачем?!

– Ой, Дашенька, как вы плохо выглядите, какой кошмар! – прервал ее мысли птичий треск. С участливыми лицами к ней подходили Женечка и Сонечка. – Вы, бедная, такой ужас пережили!

Они уселись за ее столик, и следующие десять минут Даша была вынуждена слушать, какой ужас она пережила, и как у Сонечки дядя нашел какое-то тело, и как оно выглядело, и как дядя испугался. «Сейчас скажут, что нужно осторожнее феноми пользоваться», – подумала она.

– Вот эта техника бытовая, ей ведь нужно осторожно пользоваться, – хлопала ресницами Женечка. – Она такая опасная, а мы и не знаем... Даже если и не фен, мало ли что еще может в ванну упасть!

– Например, холодильник, – кивнула Даша.

Наступило короткое молчание, а потом Сонечка произнесла:

– Очень хорошо, что смерть вашей подруги не очень отразилась на вашем чувстве юмора. Ладно, Женечка, пойдем, не будем мешать Дашеньке.

Они попрощались и зацокали к выходу. Удивленная Даша смотрела им вслед, ощущая себя хозяином попугая, у которого питомец заговорил сложноподчиненными предложениями. С одной стороны, здорово, с другой – очень настораживало. Из всех разговоров с двумя сойками, как она привыкла их мысленно называть, Даша вынесла твердое убеждение: умные фразы они не способны произносить по определению. Может быть, какой-то нервный центр у них в голове работал не так, может быть, наблюдался повышенный уровень глупости от природы, но сказать то, что услышала она напоследок, могла бы скорее Алина. Никак не Сонечка.

Допив наконец остывший кофе, Даша пошла переодеваться и в холле натолкнулась на свою группу в неполном составе. Ее окружили Борис, Никита, Алла с синяком зеленоватого цвета на виске, Маша слевой, бородатый Володя, еще какие-то люди, которых она не помнила по именам. С серьезными лицами они принялись наперебой выражать ей соболезнование. Даша молча кивала, а сама думала про себя: «Странно, неужели они все так уверены, что произошел несчастный случай? Хотя, конечно, фен в ванне, почему же они должны думать что-то другое...»

– Да, а что с телом будет? – повернулась она к Леве.

– Его в Россию отправят, – замямившись немного, сказал он. – У Алины какой-то родственник дальний, он получит и, как мне сказали, организует похороны.

– Честно говоря, отправкой не мы занимались, – вступила Маша, – а наше начальство, поэтому мы не совсем в курсе.

– Ну и хорошо, – задумчиво произнесла Даша, не вдумываясь в свои слова, – да, просто замечательно.

Она боялась, что Алину похоронят в Турции. Ей казалось, что это было бы совершенно неправильно, что хоронить должны обязательно в России, в Питере. Однако заметив недоуменные взгляды окружающих, Даша догадалась, что сказала что-то не то.

– Извините.

Она выбралась из толпы и пошла к лестнице, краем уха услышав, как после недолгого молчания Лева начал говорить что-то про аквапарк, и тут же ему начали предлагать наиболее подходящий для поездки день. Все правильно, подумала Даша, люди же отдыхают. Зачем им лицемерить перед самими собой? Потом вспомнила, как ухаживал за Алиной Никита, и подумала, что уж он-то мог бы выказать побольше скорби.

В номере было невыносимо жарко, потому что солнце било в окно, а она забыла включить кондиционер. Ну и ладно, подумала Даша, все равно купаться ухажу.

* * *

На море было тихо. Отдыхающие еще только подтягивались после завтрака, молодые турки раскладывали на берегу надувные бананы, какие-то плотики, веревки, и их смех разносился по берегу. Легкий ветер с моря не взметал, как обычно, Дашины волосы, а только слегка ерошил, ласково поглаживая по голове. Как хорошо, подумала Даша, удивляясь самой себе. Как все-таки хорошо на море! Особенно если нет людей. «Особенно если никого не убивают», – некстати встрял внутренний голос.

Она огляделась, но Максима нигде не было видно. Постояв некоторое время в растерянности, Даша оттащила один лежак подальше к камням и уселась на краешке, прикрыв голову кепкой.

– А, вот ты где! – подошел он, запыхавшись.

– Ты же сказал, что на берегу будешь, – укоризненно заметила Даша.

– Да, понимаешь, нужно тут было кое-что сделать... Извини, не успел до твоего прихода обернуться.

– Слушай, – подняла она на него удивленные глаза, – а когда мы с тобой успели перейти на «ты»?

– А вот после того, как Алина умерла, и перешли, – ответил Максим. –

Ты возражаешь?

Она молча помотала головой, пересыпая мелкие камушки из одной руки в другую. Алина так и не уходила ни из их мыслей, ни из их разговоров.

Максим стащил шорты, и Даша заметила, что вены на его загорелых ногах почти не видны. «Эй, ты что? При чем тут вены?» – одернула она себя. И вдруг вспомнила, при чем.

– Максим... – хрипло произнесла она.

Он дернулся и обернулся к ней.

– Максим, ты еще вот о чем не знаешь...

Торопясь и перебивая сама себя, Даша начала рассказывать про утонувшего аниматора, и про свой разговор с ним, и про куст «розана», за которым она стояла, когда он проходил мимо с какой-то женщиной. Максим слушал, не говоря ни слова, и внимательно смотрел на нее. А когда она закончила, спросил:

– Ты кому-нибудь еще то же самое рассказывала? Полиции рассказала? Они вопрос точно так же замяли, как и с Алиной?

– Да нет, – отозвалась Даша, – я только с Алиной об этом разговаривала, и она мне объяснила, что меня ждет.

– Не понял.

– Ну, что это только мои слова, и что хозяин будет меня преследовать в судебном порядке.

– Что?! Какой хозяин? В каком порядке?

– Ну как какой? Отеля, конечно. Ведь если бы я не доказала, что аниматора действительно убили, то хозяин понес бы ущерб, по-моему, моральный, и мог бы с меня его взыскать. А доказать я ничего бы не смогла, потому что Николай действительно мог, как Алина и говорила, сначала сказать одно, а потом сделать совершенно другое. Понимаешь?

Максим покачал головой и, помолчав, произнес:

– Даша, я не хочу тебя обижать, но ты говоришь полную чушь. Конечно, то, что ты слышала, действительно не доказывает, что парня убили. Хотя я его видел и не думаю, что он выпивал. По-моему, он очень за работу держался. Но вот по поводу какого-то иска, морального вреда, который тебе хозяин может предъявить... Подумай сама, при чем здесь ты? Разве ты нанесла бы вред репутации отеля? Скорее уж убийца, если он был. И даже если бы ничего из того, о чем ты говоришь, не было доказано, твои слова всего лишь правдивые показания, данные полиции, и к отелю они не имеют никакого отношения. Ты же не собиралась давать интервью в газетах о том, что здешнее побережье кишмя кишит убийцами, а особенно

в нашем отеле. Кстати, должен тебе сказать, что даже в таком случае доказать какой-то там вред, особенно моральный, было бы очень трудно. Правда, я ориентируюсь в основном на наше законодательство, но почти не сомневаюсь, что турецкое в данном вопросе принципиально не отличается.

– А ты уверен, что прав? – спросила Даша, смущаясь. – Не обижайся, просто ты же вроде занимаешься корпоративным правом? А тут совсем другое дело.

К ее облегчению, Максим не обиделся.

– Не хочу хвастаться, но я довольно хороший юрист, – усмехнулся он. – Понимаешь, меня в свое время взяли в ту контору, в которой я сейчас тружусь, по протекции одного приятеля. Он почему-то был уверен, что я талантливый и совершенно напрасно прозябаю в какой-то мелкой фирмочке, окучивая потенциальных приобретателей спутниковых тарелок. Так вот, он поговорил с управляющим корпорации, рассказал ему, что я там по совместительству еще и юридическими вопросами занимаюсь, поскольку у директора просто денег нет, чтобы еще и юриста нанять. В общем, меня взяли. С испытательным сроком, конечно, но я его благополучно прошел. А ведь у меня даже юридического образования до сих пор нет – времени не хватает, чтобы «корочки» получить. Так вот, я там пахал как лошадь, желая доказать, что они во мне не ошиблись, и чтобы приятеля своего не подставить. Я два года подряд ничего, кроме юридической литературы, не читал в принципе. Даже газет! Мне все новости сестренка рассказывала. Любой вопрос, с которым ко мне обращались, я дотошно прорабатывал, ночами над справочниками сидел, пока не понимал: я все понял и любому могу объяснить. А потом мне уже никому ничего доказывать не нужно было, но я все равно продолжал – по инерции, потому что втянулся уже. Так что ошибаться я, Даша, могу, конечно, но только не в этом вопросе.

– Значит, Алина в этом совершенно не разбиралась, – задумчиво сказала Даша.

– Ну да, – кивнул Максим. – Или, наоборот, разбиралась.

– В смысле?

– Понимаешь, меня очень удивляет, что Алина была против твоего обращения в полицию. Мало того, такие аргументы привела, что я не сомневаюсь: она не искренне ошибалась, а тебя хотела ввести в заблуждение. Сама же прекрасно все понимала.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Даша.

– Интуитивная уверенность.

– Да ты же ее совсем не знал!

– Ладно, хватит об Алине, – помолчав, ответил Максим. – Вон наши собрались мячик покидать, пойду к ним. Ты присоединишься?

Даша отказалась и осталась сидеть на лежаке. Мысль о том, что Алина ей врала, оказалась очень неприятной. Но для чего, не могла она понять, для чего врала?

Посидев немного, Даша решила не забивать себе голову, а просто позагорать. Она сначала легла на спину, но солнце слишком припекало, и Даша перевернулась на бок. Слева от нее пожилая немка, обвешанная бижутерией, которую Даша несколько дней назад приняла за русскую, читала книжку необычного формата – не намного больше сигаретной коробки, но при этом очень толстую. Странно, подумала Даша, у нас такого еще не начали издавать. Она прикрыла глаза, но книжка в яркой обложке не выходила у нее из головы. То есть не книжка, а... Блокнот! Алинин блокнот, который Даша сунула в свое полотенце, а потом куда-то положила совершенно машинально... Куда же?

Даша начала рыться в пляжном пакете, который всегда таскала с собой, к неудовольствию Алины, считавшей, что с пакетами ходят только старушки на рынок, а приличная дама должна носить на пляж особую пляжную сумку. Даша бы и носила, но беда в том, что такой изумительной пляжной сумки, как у Алины, – вместительной, на широкой ручке через плечо, с крупными красно-золотыми рыбками, изгибавшимися на прозрачном пластике, – такой сумки у нее не было. Когда они ходили загорать вместе с Алиной, она складывала свое, как выражалась Алина, барахло к ней в сумку, а когда шла одна, брала этот самый пакет красивого зеленого цвета с надписью «Гленфилд». И вот теперь роясь в нем, Даша никак не могла вспомнить, сунула она сюда блокнот или нет.

Вот он! Даша выпрямилась, с удовлетворением рассматривая вишневую кожаную обложку. Даже такая ерунда, как обложка блокнота, была у Алины не из заменителя, а из натуральной кожи. Что же там Алина писала про заявление...

Листая блокнот, Даша наткнулась на несколько деловых записей (кто-то кому-то должен был позвонить), на несколько явно в спешке записанных телефонов, на какой-то непонятный рецепт, начинавшийся словами «Взять восемь трюфелей, чернику и триста двадцать граммов утиной печени», на какие-то наброски... Заявления не было. Удивленная Даша закрыла блокнот и ушла в пространство. Она совершенно точно помнила, что, когда она вошла после завтрака в комнату, Алина писала что-то именно в блокноте. Не могла же она записывать рецепт с трюфелями!

Подумав, Даша опять открыла вишневую книжку и пролиставала еще

раз, гораздо медленнее, вглядываясь в каждую страницу. Может быть, у Алины был свой шифр? Например, трюфели означают полицейских. А что, очень даже похоже, решила Даша, в жизни своей не видевшая трюфелей. И все же, если серьезно, куда могли деться записи?

Обложка книжки была прочной, увесистой, сделанной на совесть. Такая точно не развалится, подумала Даша. Стоп! А зачем она такая толстая? Даша торопливо раскрыла блокнотик на первой странице, и в глаза ей сразу бросились несколько листочков, вложенных под обложку. Могла бы и сразу догадаться, обругала себя Даша, видела же, что Алина вырывала листики. Достав странички, исписанные мелким почерком, она аккуратно разложила их на колене и начала неторопливо просматривать.

Русские и английские слова шли сначала вперемешку, каким-то бессмысленным текстом, но потом Алина, видимо, поняла, что так ничего не выходит, и стала описывать обстоятельства кражи на русском. Она писала с сокращениями, и Даша с трудом разбирала слова. Потом Алина начала переводить текст, искусственно усложненный какими-то юридическими оборотами, на английский. Перевод был плохой. Даша только вздохнула при мысли о том, что работу, над которой Алина корпела все утро, она сама бы могла шутя сделать за полчаса. Просмотрев странички, которых оказалось всего шесть, Даша не нашла в них ничего, привлекающего внимание. Кроме...

Красивая буква «Н» была выписана на середине четвертой страницы, как раз там, где перевод особенно не удавался Алине, и она заменяла сложные предложения на более простые. Видимо, устав, она начала вырисовывать на полях эту изящную букву, обведя ее несколько раз и снабдив необходимым количеством завитушек. Почему «Н»? Неожиданно в Дашиной памяти ожило воспоминание о том, как шестнадцатилетней девчонкой она выписывала на песке тонким прутиком имя мальчика, в которого была без памяти влюблена, а потом стирала все буквы, кроме первой, чтобы никто не догадался. Звали мальчика Андреем, и она красиво выписывала заглавное «А». Мама долго потом натыкалась на букву, написанную в самых неожиданных местах – на обороте клеенки, на квитанции за электричество, на поздравительной открытке.

Даша опустила руку с листочком. Алина могла быть необыкновенной, нетипичной, нестандартной, какой угодно! Но в одном Даша была твердо уверена: буква «Н» была первой буквой имени «Никита».

Глава 10

Алла Добель рассматривала свое отражение в зеркале. Синяк, оставленный Маратом, уже прошел, и одновременно с его исчезновением закончились и последние деньги. Конечно, в портмоне лежали пятнадцать-двадцать тысяч, но... Просто смешные деньги! Их Алле хватило бы в лучшем случае на неделю, а затем...

Обдумывая это самое «затем», Алла подкрасилась, выпила чашку зеленого чая, выкурила, морщась, вонючую сигарету из пачки, забытой сволочью Маратом, и уселась на подоконник, рассматривая стоящие внизу иномарки. Почки на деревьях еще не превратились в листья, и густые ветви не мешали ей разглядывать машины с четвертого этажа. «Может, спуститься вниз, дожидаться хозяина вон той черной тачки? – усмехнулась она про себя. – Не худший вариант в моем положении».

Из подъезда вышел широкоплечий молодой мужчина в футболке и джинсах, пискнула сигнализация машины, и Алла, прищурившись, подумала, что дурацкая идея вполне может стать очередным проектом. Собственно, почему бы и нет? Вопрос только в том, как...

Додумывать мысль о том, как поизящней познакомиться с владельцем черного автомобиля, ей не пришлось: по ступенькам подъезда спустилась молодая женщина, а за ней, перепрыгивая через ступеньки, – две девчонки-двойняшки лет пяти. Мужик посадил всех троих в машину и неторопливо отъехал от дома. Алла зло фыркнула. Как же, проект! Молодой папаша для ее проекта никак не годился. Да и с женатыми она больше связываться не собиралась. Все это, как показал богатый опыт Аллы, временно, а значит, несерьезно. В ее возрасте уже нельзя позволять себе тратить драгоценные месяцы на очередного состоятельного друга, который рано или поздно все равно отчалит от Аллы, несмотря на всю ее привлекательность.

С последним, Маратом, Алла решилась на дерзкий шаг и была совершенно уверена, что он увенчается успехом. Жена Марата, бессловесная азербайджанка, привезенная им из неведомого глухого села, сидела дома и рожала Марату детей. Она наплодила то ли четыре штуки, то ли пять – Алла точно не помнила, – раздалась в ширину, подурнела лицом и целыми днями только и делала, что нянькалась со своими отпрысками. И это называется женщина? Ясно, что на ее фоне холеная Алла смотрелась, как голливудская звезда рядом с уборщицей городского рынка. И было совершенно непонятно, почему Марат не бросает свою курицу и не

предлагает Алле сердце, а главное – руку со всем, что держит в ней. Или хотя бы с половиной всего.

Алла точно знала, что жену Марат не любит и вообще старается видеть как можно реже. Та была сварлива, глуповата, а в последние годы стала еще и криклива. Повышать голос на мужа она, конечно, не могла, но кричала на детей, и дома у Марата вечно стояла ругань. Алла все просчитала и решила, что Марату не хватает только последней капли для того, чтобы сбросить наконец семейную обузу и уйти к прекрасной ласковой любовнице. Не мудрствуя лукаво, Алла позвонила Марату домой и сообщила его жене, что ждет ребенка от ее мужа. Заодно рассказала, что они встречаются довольно давно, преувеличив срок всего на полгода. Жена выслушала ее, пробормотала что-то на своем диком наречии и положила трубку.

А вечером приехал Марат. Войдя, он с порога врезал Алле так, что она отлетела к стене, забрал свою куртку, сумку и вышел, бросив на прощание:

– Чтобы я больше тебя не видел и не слышал, сука.

Теперь Алла сидела на подоконнике и изучала чужие машины, попутно думая о том, что пора делать стрижку, маникюр, да и солярий посетить не мешало бы, не говоря уже о массажисте. Значит, нужны деньги, а они не могли появиться без проекта. Алла рассмотрела свой круг общения и отвергла как бесперспективный. Нет, ловить крупную рыбу нужно на стороне, следовательно, предстояло выйти на люди.

Поразмышляв еще немного, Алла подвинула к себе телефон и набрала номер.

– Марина? – заговорила она своим немного тягучим голосом. – Привет, это Алла. Помнишь, ты говорила про какую-то скучную тусовку, на которую вы с Валерой собирались пойти вдвоем? Сделай одолжение, захвати меня с собой. Хочу развеяться.

Бориса она заметила в самом конце вечеринки, когда уже начала думать, что зря притащилась сюда с дурой Мариной и ее занудным бородатым Валерой. Алла знала, как обратить на себя внимание, и Борис быстро подошел познакомиться. Через полчаса разговора она знала, что нашла то, что нужно, – крупная фирма, квартира в центре, хорошая машина. А кроме того, у нового знакомого огромное преимущество – рыхлый мямля был неженат. Просто удивительно, что никто еще не отхватил себе такое сокровище, и Алла понимала, что нельзя терять времени. Поэтому она отказалась дать ему свой телефон, а затем, не забыв познакомить Бориса с Мариной, исчезла с тусовки, как Золушка, только вместо башмачка оставила на столе золотистый шарфик.

Разумеется, он перезвонил на следующий день, подвез шарфик и пригласил Аллу на ужин. Дальше события полностью развивались по ее сценарию, и только знакомство с родителями Бориса могло внести ноту диссонанса в чудную мелодию их бескорыстных отношений. Но и с родителями, к удивлению Аллы, все прошло гладко: Анжелика Сергеевна больше рассказывала о маленьком Бореньке, чем расспрашивала Аллу, хотя у той была заготовлена очень приличная и правдоподобная легенда о первом неудачном замужестве. Алле пришлось просмотреть два альбома с фотографиями, и только тогда она заметила, что у Бориса есть младший брат, очень похожий на самого Бориса.

– Он сейчас в Германии, – отмахнулся Борис. – Потом познакомитесь, когда приедет. Никита у нас такой активный, что успеет тебе надоест тысячу раз.

– А он кто? – заинтересованно спросила Алла.

– Да со мной работает, разве я тебе не говорил? – удивился Борис. – По правде говоря, у него должность большая, а серьезных дел не очень много. Так – бегаёт, суетится. Он с детства был такой.

Алла понимающе усмехнулась и кивнула. С младшим братом Бориса ей все было ясно.

Свадьбу отпраздновали в середине июля, и Алла настояла на том, чтобы все прошло скромно, без излишних трат и глупого пафоса. Родители Бориса понимающе кивали, а сам Борис обнимал будущую жену и прилипал к ее щеке влажными губами. Он вообще весь был какой-то влажный, постоянно потеющий, с пятнами на рубашке и капельками пота под линией темных волос. Ему нравилось прижиматься к прохладной Алле, а она после встреч с ним всегда торопилась принять душ, чтобы смыть запах чужого пота.

В начале августа вернулся из Германии Никита, и Борис решил познакомить жену и брата в ресторане. Они приехали чуть раньше назначенного времени, и скучающая Алла от нечего делать разглядывала завитушки лепнины на потолке: Борис всегда выбирал на редкость безвкусные заведения. Сам Борис чавкал салатом, попутно рассказывая что-то о делах своих друзей. Час назад они купили Алле элегантный костюм гранатового цвета, дорогой и удобный, поэтому Алла была настроена снисходительно к его болтовне.

Никиту она узнала сразу и в первую секунду мысленно вздохнула: не хватало еще терпеть второго Бориса. Сходство было удивительным. Но Никита, быстро обшарив зал взглядом, двинулся к ним, ловко лавируя между тесно поставленными столиками, и сходство словно растворилось в

его движениях, улыбке, прищуре глаз. Подойдя, он обнялся с братом, потом повернулся к Алле и секунд пять молча смотрел на нее.

– Хорошо, что я угадал, – сказал он наконец.

– Ты про что? – осведомился Борис, сядя на место и придвигая к себе салат.

– Вот про это.

Никита сел, достал из сумки маленькую коробочку и протянул Алле. Удивленная Алла откинула крышку и увидела на белом бархате большой темный камень. Она взяла его в руки, и в глубине камня сверкнула искра, отразившаяся от светильника.

– Точь-в-точь под цвет глаз твоей супруги, – с улыбкой сказал Никита, повернувшись к брату. – Борька, извиняй, тебе подарок на свадьбу не привез.

– Да уж, от тебя дождешься, – неуклюже пошутил Борис. – Алка, ты чего молчишь? Не нравится?

– Очень нравится, – медленно сказала Алла, проводя пальцем по поверхности камня. – Спасибо вам, Никита. Но это слишком дорогой подарок.

– Да ладно тебе стесняться, у него, поди, в кармане таких еще пять штук припасено, – захохотал Борис. Алла без улыбки взглянула на него, и он быстро притих. – Ладно, Никит, давай заказывай, чего будешь.

Они поужинали, потом вместе прогулялись по городу, потом заехали в какой-то ночной клуб... Никита шутил и галантно ухаживал за Аллой. Домой они вернулись только к пяти утра. Никита на прощание поцеловал руку Алле, потрепал по плечу Бориса, велел ему с утра не опаздывать, и сел в такси. Алла проводила взглядом отъехавшую машину и в самом мрачном расположении духа поднялась в квартиру. Борис тут же уснул на диване, даже не раздеваясь, а она уселась за стол, достала из ящика крошечную коробочку, быстро и ловко насыпала белую дорожку на руку и старательно втянула порошок носом. Потом долго вертела в пальцах темный камень с красивым названием «черный опал».

Алла Добель, в замужестве взявшая фамилию Пронина, очень редко ругала саму себя. Но, рассматривая подарок младшего брата своего мужа, она назвала себя безмозглой дурой, потому что со всей очевидностью поняла, что сделала ставку не на ту лошадь.

Никита загорал около бассейна, наблюдая за визжащими девушками, которых обливали водой из водяного пистолета два веселых аниматора. Подойдя к нему, Даша уселась рядом и без всякого предисловия спросила:

– Мне показалось или тебя смерть Алины не очень расстроила?

Никита поднял голову и с изумлением посмотрел на нее.

– Я что-то подзабыл, когда мы успели на «ты» перейти? – В его голосе появился незнакомый ей холодок.

– С тех пор как Алина умерла, – ответила она, вспомнив ответ Максима. – Ты, однако, не похож на убитого горем, хотя мне казалось, что она тебе нравилась.

– Нравилась, – медленно ответил Никита, – очень. Я даже предложил ей погостить у меня в деревенском доме, я там как раз недавно ремонт закончил. Она согласилась.

– Тогда почему ты был такой... – она пыталась подобрать слово, – равнодушный тогда, в холле?

Никита задумчиво смотрел на нее, прикидывая, стоит отвечать или нет. Наконец он откинулся на спинку лежака и с закрытыми глазами произнес:

– Видишь ли, Даша, я очень не люблю все эти игры между мужчиной и женщиной. Игры хороши в бизнесе. Или в средней школе, но я уже давно вышел из того возраста. Тогда, утром, я пошел к Алине, потому что хотел заняться с ней сексом. Да я был уверен, что она специально осталась в номере, чтобы меня дожидаться! – Голос его зазвучал раздраженно. – Все ритуальные танцы вокруг нее я уже сплясал, она ясно дала понять, что они ей нравятся. И тут – такое динамо! Ты знаешь, что такое динамо? – обернулся он к Даше.

– Примерно представляю, – кивнула она. – Алина тебе отказала.

– Ну, в общем, да, – он поморщился. – Пыталась сказать, что ей сейчас не до меня, что она должна выполнить работу... Короче, сплошные отмазки. Я стал настаивать, а она повела себя очень некрасиво. Что-то говорила о том, что она мне ничего не должна, а наоборот, что это я что-то там ей должен... В общем, разозлила меня, и я ушел. А уж потом, когда узнал, что она умерла, осталось просто раздражение. Ты не думай, что я совершенно черствый человек, но особой скорби я действительно не испытывал, а притворяться не люблю.

– Тебе ее не жалко? – негромко спросила Даша.

– Жалко. Но она для меня была совершенно чужим человеком, от которого, как выяснилось, я не мог ничего ожидать. То есть близким бы она для меня никогда и не стала. Поэтому я ее жалею, как любую молодую красивую женщину, умершую так нелепо, но вырывать волосы и посыпать

голову пеплом не буду. Я ответил на твой вопрос? Если да, то извини, меня ждут.

Никита поднялся и пошел к бару, около которого стояла какая-то женщина. Приглядевшись, Даша узнала Аллу.

Задумчиво бредя по аллее к берегу, Даша думала о том, что только что услышала. Да, она получила ответ на свой вопрос, и на секунду ей стало до слез жалко Алину. Она ему была не нужна, подумала Даша. Ему интересен только он сам и то отражение, которое он видит в других. Неожиданно она вспомнила о пропавшем камне и остановилась.

Алина, переводящая свое бестолковое заявление, представилась ей в другом свете – не влюбленной девчонкой, обводящей первую букву имени прекрасного мальчика, а здравомыслящей женщиной. Она писала дурацкое заявление и в какую-то минуту просто должна была задуматься над тем, кто же на самом деле мог украсть камень. Она должна была задуматься искренне, без бравады, без попыток что-то кому-то доказать или кого-то поставить на место. Алина была достаточно умной. Надо попробовать быть такой же...

Кто кричал громче всех о том, что нужно заявить в полицию? Кто приводил убедительные аргументы в пользу этого? Не Алла, как можно было бы ожидать, и не Борис, а Никита – Никита, которому, по идее, должна быть если не безразлична судьба кулона, то уж, во всяком случае, не столь интересна. Ну подумаешь, украли драгоценность у жены брата. И все-таки именно он настаивал на обращении в полицию, именно он схватился за опрометчивое предложение Алины и даже пообещал ей какой-то гонорар. «Вор кричит громче всех», – говорила Дашина бабушка, и была не так уж не права. И если Алина шла в своих размышлениях тем же путем, то буква «Н», выведенная ею, означает вовсе не то, что подумала Даша, а то, что Алина подозревала Никиту. По крайней мере, примеряла его кандидатуру на роль вора.

Тогда все сейчас рассказанное им – выдумка, поняла Даша. Дело было не в том, что Алина не захотела ложиться с ним в постель, а в том, что она сказала ему о своих подозрениях. И тогда он...

Даша остановилась так резко, что пара, шедшая сзади, налетела на нее. Фыркнув, девушка обошла стоявшую столбом Дашу, а парень бросил что-то нелестное в ее адрес. Даша стояла посреди аллеи и пыталась представить, как человек, с которым она только что разговаривала, ударяет Алину по голове, а потом оставляет ее тело в ванне и бросает туда фен. И именно его она только что спрашивала, почему он не скорбит?!

Чья-то рука тяжело опустилась ей на плечо. Даша вскрикнула.

– Ты что? – спросил Максим. – Замечталась? Извини, если напугал. У нас игра давно закончилась, тебя все нет и нет. Хочешь на парашюте за катером полетать? Эй, – всмотрелся он в ее лицо, – да что с тобой?

– Я нашла Алинину книжку, – сказала Даша, – и поговорила с Никитой.

И она рассказала Максиму о своих подозрениях. Тот взял ее за руку и повел к берегу.

– Так, давай-ка мы с тобой присядем, и ты еще раз мне все сначала расскажешь. А то что-то я не понял, при чем здесь мальчик Андрей.

Даша послушно рассказала еще раз. Выслушав, Максим уточнил:

– Ты ведь все утро сидела на берегу, никуда не уходила?

И, получив утвердительный ответ, продолжил:

– Теперь вспомни, кто и когда уходил в корпус, и надолго ли. Возьми и запиши на листочке, хотя бы приблизительно, время. Если этот твой Никита не уходил больше чем на двадцать минут, можешь забыть о нем, потому что провернуть такое убийство за меньшее время невозможно.

Забыв о том, что она не собиралась искать убийцу, Даша начала припоминать. Никита постоянно то уходил, то приходил, но все это происходило достаточно быстро. Он приносил сок, потом играл в пляжный волейбол, потом около одиннадцати ушел к Алине в номер и быстро вернулся. Никита утверждает, что разговаривал с ней. То есть в одиннадцать Алина была еще жива. Сама Даша пришла в номер около часа и нашла ее убитой...

– Я не помню, – пожаловалась она. – Мне казалось, что все постоянно куда-то ходят.

– Постарайся, это не так уж сложно. Представь себе, кто где был на пляже. Может, у тебя зрительная память хорошая?

Даша попыталась вспомнить вчерашнее утро, но оно казалось таким далеким, как будто прошла целая неделя. Да, припомнила она, Никита уходил второй раз, и она не видела, как он возвращался. В ее памяти всплыл толстый Борис, которому Никита протягивал бокал с водой. А где потом был Борис? Она мысленно расставила всех по местам на пляже. Борис лежал недалеко от нее, но она отчетливо помнила, что обратила внимание на две вещи: во-первых, Аллы в тот день на пляже не было, а во-вторых, лежак Бориса долго оставался пустым.

– Они оба уходили надолго, и Борис, и Никита, – уверенно сказала Даша.

– А при чем здесь Борис? – удивился Максим.

– При том, что он тоже мог ее убить, – ответила Даша и тут

сообразила, что говорит. На нее волной нахлынул страх. Все, хватит, она слишком заигралась! А это вовсе не игра. Господи, что она делает?

– Максим, знаешь что, – очень серьезно заговорила Даша, – давай мы с тобой на эту тему больше не будем говорить, хорошо?

– О чем не будем? О Никите?

– Вообще не будем говорить о смерти Алины и о том, кто ее убил. Я тебе уже объяснила почему.

Он попытался что-то сказать, но Даша его остановила:

– Все, прошу тебя, не надо больше!

В ее голосе звучал такой страх, что он замолчал. Даша помолчала немного, потом собрала свои вещи и повернулась к нему:

– Пойду все отнесу, а потом буду в столовой, уже скоро обед, кажется. Тебе место занять?

Он покачал головой.

– Спасибо, я на обед не пойду, есть что-то не хочется. Увидимся вечером.

Даша повернула ключ, зашла в номер и бросила пакет на стул. В комнате было хорошо. Так хорошо, что не хотелось никуда уходить. «Пойду на обед попозже», – решила она, легла на кровать и закрыла глаза. Замечательно, когда есть кондиционер, вот бы ей такой в квартиру... Вспомнив, какая духота стоит в ее маленькой хрущевке в июле, Даша вздохнула и открыла глаза. Кондиционер работал с такой силой, что даже штора на окне слегка шевелилась. Как приятно. После обеда можно будет еще поваляться в прохладе. Даша встала и вспомнила: она не включала кондиционер.

То место на шее, которое ее папа любовно называл загривком, словно обдали холодом. Через несколько секунд холод распространился по всему телу, исключая только голову. Голова была горячая, как будто у Даши резко подскочила температура. «Я не включала кондиционер, – лихорадочно думала она, – я точно помню, что хотела включить его после обеда. Кто-то вошел в мою комнату, что-то здесь делал и включил кондиционер, потому что было невыносимо жарко. Зачем?» Ответ мог быть только один. Нет, ответов могло быть два. Или у нее что-то искали. Искать у нее было нечего. Или у нее кого-то искали. Искать в Дашином номере могли только саму Дашу. «Приходил тот же человек, который убил Алину, – бежали ее мысли почти спокойно. – Он убьет и меня, хотя я и не понимаю зачем. Может быть, это Никита. Какая разница? Мне нужно немедленно уезжать отсюда».

На деревянных ногах она подошла к двери и долго стояла, не двигаясь, боясь открыть ее. В конце концов, обругав себя самыми страшными

словами, которые слышала от дедушки, Даша дернула дверь на себя и выскочила в коридор. Девушка, мывшая пол около соседнего номера, посмотрела на нее с удивлением, и Даша вспомнила ее – та самая горничная, которая помогала ей собирать вещи в их с Алиной номере.

– Простите, – обратилась к ней Даша охрипшим голосом, – вы никого не видели около моего номера?

Та покачала головой, и Даша не поняла, то ли девушка не понимает вопрос, то ли отвечает отрицательно.

– Спасибо, – проговорила она и собиралась уходить, когда та что-то сказала.

– Что? – переспросила Даша, подходя ближе.

– Жарко, в номер жарко, – девушка показывала рукой на Дашину дверь. – Я тебе включить кондишен, но ты потом сама, хорошо? А то очень жарко.

Даша прислонилась к стене, постояла так немного и вернулась в свою комнату. Она чувствовала себя полной идиоткой. Полнее некуда.

* * *

Она немного опоздала на обед, и к большим столам с подогревом уже выстроилась очередь с подносами в руках. Даша пристроилась в хвост, с грустью подумав, что ее любимые баклажаны сейчас разберут и ей ничего не останется. «О чем ты думаешь, а? – поинтересовался внутренний голос. – Алину убили, а ты переживаешь из-за каких-то переперченных баклажанов!» Даша велела внутреннему голосу замолчать, и тут сзади ее позвали:

– Даша! Здравствуйте еще раз! – за ней стояла Инна. – Мы с вами сегодня виделись в холле, но, по-моему, вы меня даже не заметили, так были расстроены. Я вам очень сочувствую, – грустно сказала она, и Даша почувствовала признательность к этой невысокой темноволосой женщине, к которой Алина относилась так надменно.

– А где ваш муж? – поинтересовалась Даша, но тут же сообразила, что вопрос звучит бестактно. – Я хочу сказать, – смутилась она, – вы обычно всегда вместе обедаете.

– Да нет, на самом деле не всегда. Я его иногда лишаю обеда, – улыбнулась Инна. – Понимаете, у него предрасположенность к полноте, как у большинства турецких мужчин, вот я и держу его в черном теле. Ну, конечно, спортом он занимается, плавает помногу. В отличие от меня – я-то

воду не очень люблю.

– Как же так? – поразилась Даша. – А зачем вы тогда на море отдыхать поехали?

– А куда тут, по-вашему, еще поедешь? Халиму здесь нравится, у него куча знакомых. Ну и воздух очень хороший от сосен. Мне, знаете, приятнее просто на скамейке в тени сидеть и воздухом дышать, как какой-нибудь старушке древней, а плавать и загорать – вовсе для меня не обязательно.

Даша вспомнила, как они с Алиной не раз обращали внимание на то, что Инна часто сидит возле их корпуса, рядом с пестрой цветочной клумбой, почти около самой лестницы, и всегда что-нибудь читает. Алина язвила, что больше ей ничего не остается делать, пока муж развлекается с белокурыми туристками.

– Инна, скажите, а вы вчера тоже с утра на море не купались? – осторожно спросила Даша.

– Нет, вчера ветер был очень сильный, а меня продувает моментально, даже на жаре.

– И вы сидели там же, где обычно читаете?

– В смысле, около второго корпуса? Ну да, там место очень тихое и цветами пахнет. А что?

– Вы не помните случайно, кто в номер к Алине заходил? – понизив голос, напряженно спросила Даша.

– Нет, честно говоря, не помню точно. – Инна задумалась. – Хотя постойте... К вам высокий черноволосый мужчина поднимался, как его... Данила... Нет, не Данила, Никита! Они еще скандалить начали, и я ушла – не люблю крика.

– Скандалить?

– Ну да, что-то они там кричали друг другу. Точнее, Алина кричала, а он, мне показалось, оправдывался. Но потом тоже рявкнул что-то и вышел. Я уже уходила, просто слышала, как сильно дверь хлопнула. Я удивилась: мне казалось, они недостаточно близко знакомы, чтобы такие совершенно семейные скандалы друг другу устраивать. Впрочем, давайте не будем сплетничать, – серьезно заметила она. – Вот уже ваша очередь подошла, набирайте.

– А мне не захватите баклажанчиков? – раздался знакомый голос у Даши за спиной.

Они с Инной обернулись – вплотную к ним стоял Никита, постукивая вилкой по подносу, и изучал содержимое закусочного стола. Женщины молчали, тогда он протиснулся мимо Даши, положил на свою тарелку последние три баклажана, подмигнул ей и пошел к столам.

– Вот нахал! – повернулась к Даше Инна. – Как вы думаете, он наш с вами разговор слышал? Нехорошо получилось.

Даша, машинально накладывая в свою тарелку холодную картошку, только кивнула. Ее больше интересовало не то, слышал ли Никита их разговор, а то, что на рукаве его темно-зеленой футболки лежал длинный светлый волос с серебристым отливом.

Картошка оказалась недосоленной, а мясо слишком жестким. Даша разочарованно отодвинула тарелку и прикинула, что бы такое еще съесть. Через два столика спиной к ней сидел Никита и жевал так, что у него даже спина двигалась. «Мои баклажаны жрет, – раздраженно подумала Даша. – Наверняка он и убил Алину. Только убийца может так вырвать еду из-под носа, как человек, лишенный всяких моральных принципов». «Ой, – удивился внутренний голос, – мы шутим на тему убийства?» Даша встрепенулась и прислушалась к себе. Мысль о том, что Алину убили, почему-то не вызвала больше того панического страха, который сопровождал ее последние сутки, и она даже попыталась размышлять, кто еще мог совершить убийство, если не Никита. Все-таки мотив для убийства у него не вырисовывается, призналась она себе. Для ссоры – да, но не для убийства же! Мало ли кому кто отказал! Вот он сам, например, явно сторонился Аллы до последнего времени, так она ж его не убила...

Тут Даша подняла голову и уставилась на куст «розана» за окном. Позвольте, а где все утро была Алла? На море ее точно не было, потому что Даша ее там не видела. Около бассейна... Около бассейна она ее тоже не заметила, а женщина выделялась в толпе, не заметить ее было трудно. Алла очень странная, подумала Даша, невозможно понять, о чем она думает. А ее выкрутасы на рафтинге! И совершенно неуравновешенная, хотя и притворяется спокойной. Но зачем ей могло понадобиться убивать Алину?

«Дело не только в том, зачем, – заметил внутренний голос. – Дело еще в том, что она одна не могла бы затащить тело в ванну». Могла, возразила Даша. Допустим, у нее в руках был пистолет, и она заставила Алину делать то, что ей нужно. Алина легла, вода набралась, и она бросила фен. Могло такое быть? Вряд ли, конечно. Если бы Алина поняла, что ее сейчас будут убивать, да еще и феном, то попыталась бы бороться, может быть, за руку бы ее схватила или еще что-нибудь сделала. А она лежала совершенно спокойно, как будто спала. Так, а может быть, и в самом деле спала? Алла зашла, принесла ей сока, в соке цианистый калий... Или натрий? Неважно, просто в соке был яд! И вот Алина его выпивает, и ее бездыханное тело Алла волочет в ванну...

Не получается. Она не сделала бы этого одна. И потом – зачем?

«А с чего ты взяла, что убийца был один?» – неожиданно спросил внутренний голос. И в тот момент Даша увидела Бориса и Аллу, входивших в столовую. Они сразу подошли к столу Никиты, о чем-то поговорили, рассмеялись и направились к выходу. Не отрывая от них взгляда, Даша наблюдала через стеклянные двери, как они вернулись к бассейну, забрали вещи и двинулись в главный корпус. Да, сегодня же аквапарк, вспомнила она, часть группы едет сегодня, часть – завтра. Значит, их номер будет пустой.

На секунду в ее голове обосновалась дикая мысль обыскать их комнаты, но Даша погнала ее поганой метлой. Даже не говоря о том, что она не смогла бы попасть в их номер, заманчивая перспектива искать неизвестно какие следы ее не очень вдохновляла. Что там может быть? Все улики на месте преступления давно уничтожены, а мотив так просто не найдешь. И потом, ее предложение – чистое безумие. При чем здесь Борис с Аллой? Скорее уж Сонечка с Женечкой, хмыкнула она.

Сонечка... Что-то с ней связано такое, что насторожило ее. Ах да, странная фраза про чувство юмора, несвойственная Сонечке. «А я ведь о них ничего не знаю, – поняла Даша. – Про Никиту знаю, про Бориса тоже, даже про Аллу, если на то пошло, а про них – ничего. Неизвестно даже, из какого они города». Девушки представлялись москвичками, но, судя по их реакции на Алинины слова, это не так. Они кокетничают со всеми напропалую, Женечка пыталась «отбить» у Алины Никиту, но, конечно, ничего не добилась. Что ж она после смерти Алины не вернулась к этому занятию? Вот сидит совершенно свободный, никем не занятый Никита, и даже Аллы около него нет. Где же сойки?

Внезапно Даша почувствовала на себе чей-то взгляд. Ощущение было точно такое же, как у бассейна, когда она сообщала Сонечке и Женечке о приезде полиции после исчезновения опала. На нее кто-то смотрел, и этот взгляд Даше очень не понравился. Она осторожно обернулась, словно выискивая кого-то знакомого, но вокруг сидели люди, которых она видела только мельком, около бассейна, на море или в той же столовой. Кивнула итальянке, пившей сок неподалеку со своим другом, и неожиданно заметила позади нее майку знакомой расцветки. Это же... как его... Шина, Выхлоп... Нет, не то... Бампер! Она вспомнила странное прозвище. Ну да, Бампер с тем злобным парнем, имени которого она ни разу не слышала. Странно, давно их не было видно. Чем они занимаются, интересно? Вдруг они тоже юристы, как и Максим, подумала Даша с улыбкой и вспомнила, как он рассказывал ей о своей работе. О своей работе... Внезапно у нее появилось ощущение, что она пропустила что-то важное в его рассказе,

что-то, чего нельзя было пропускать.

Она попыталась подробно вспомнить, о чем говорил. Про то, как устраивался, как пахал первые несколько лет, еще про что-то... Все не то. Ладно, потом вспомню, решила она, зная, что не вспомнит. И все-таки, кто же на меня смотрел?

Глава 11

Соня Габина была умная, а Женя Ракитина – дура. Об этом знали все ребята и девчонки в классе, потому что у Соньки можно было списать по любому предмету, а Женька даже учебники не всегда приносила с собой. На вопрос учительницы: «Ракитина, ты почему сегодня опять не подготовилась?!» – Женька могла ответить все что угодно, очень забавляя одноклассников.

– У меня корова заболела.

– Учебники из окна улетели.

– Папу срочно вызвали в командировку, и он все мои тетради с собой увез, чтобы президенту Франции показать. Ну чего вы смеетесь, правда!

Учительница сердилась, мальчишки хохотали, Женя Ракитина оставалась с очередной двойкой.

Из класса в класс она перебиралась с большим трудом. Время от времени она удивляла учителей: вдруг махала отчаянно рукой со своей задней парты, желая ответить на какой-нибудь вопрос. И действительно отвечала – свободно, хорошо, победительно оглядывая класс. В журнале появлялась четверка, Женя некоторое время ходила гордая, а потом все возвращалось к прежнему положению.

– Ракитина, почему погодную карту не нарисовала?

– Валентина Игоревна, у нас в квартире был вихрь, он все чернила из ручек высосал. А за что вы мне двойку ставите?...

Так продолжалось до тех пор, пока ее не взяла под свою опеку Соня Габина. Произошло это почти случайно: на химии училка посадила их рядом, поскольку Сонины приятельница Вика Любимова заболела, и Соня внезапно обнаружила, что дура Ракитина вовсе не такая дура, как кажется. Весь урок она весело и зло комментировала манеры девчонок, выходявших отвечать к доске, и Соня только зажимала рот рукой от смеха, чтобы не выгнала из класса свирепая химичка. На перемене она хотела было поболтать с Женькой, но ту словно подменили: взгляд потух, Женя стала какая-то заторможенная и скучная. Потом Соня заметила, что с Женькой так всегда: до двенадцати часов она живая, веселая, а вот после полудня становится странной и начинает нести чепуху.

На следующем уроке была контрольная по русскому, и Соня дала Женьке списать изложение, которое та в жизни бы сама не написала. И не просто дала списать, а помогла по-хорошему, чтобы училка не догадалась,

что Ракитина списывала. Благодарная Женька ходила за Соней хвостом до конца уроков. На следующий день она опять села рядом с Соней, а троечницу Вику Любимову, пытавшуюся занять законное место, не пустила.

Любимова, белобрысая дылда, глуповатая и наглая, обозлилась, но обозлилась не на Ракитину, а на предательницу Габину. На перемене она подошла к маленькой Соне и, глядя на нее сверху, процедила:

– Ты что, Сонечка, в перебежчицы записалась? Сегодня с одной, завтра с другой? Ну и пожалуйста, мне не очень-то и жалко.

Когда прозвенел звонок на урок, она пошла в класс и, проходя мимо Сони, больно толкнула ее в плечо. Соня охнула, схватилась за плечо, быстро-быстро замигала и сквозь набежавшие слезы увидела неизвестно откуда появившийся вихрь. У вихря были черная голова и голос Женьки Ракитиной.

– На, получи, получи! – кричала Женька, отбрасывая здоровенную Любимову к стене и колошматя ее по животу.

Та, растерявшись, даже не пыталась сопротивляться.

– Будешь еще Соньку обижать? Будешь? – яростно бросалась на нее Женька, шипя и скаля зубы. – Горло тебе перегрызу, курва!

Появление учительницы заставило перетрусившую Вику кинуться под ее защиту и наябедничать, но географичка отнеслась к жалобам насмешливо:

– Любимова, что ты мне сказки рассказываешь? Ракитина тебе до пупка еле достает, а ты говоришь – дерется.

– Ну Валентина Игоревна...

– Все, идите в класс и доставайте тетради. Вот дам сейчас контрольную на два урока – быстро забудете про ваши драки!

Выходку Женьки запомнили все, и больше никто не претендовал на место рядом с Соней. Вот еще, с полоумной связываться!

Соня быстро узнала, что на Женьку иногда «находит». Тогда она становится цепкой, злобной, способной прийти в ярость из-за любой ерунды. Мальчишки во дворе избегали связываться с ней, даже те, кто был старше, – видимо, имели опыт стычек с Ракитиной. Однажды в магазине Соня наблюдала, как Женька обозлилась на продавщицу, будто бы неровно разрезавшую батон пополам. На самом деле батон был разрезан ровно на две половинки, но переубедить Женьку Соня не смогла даже потом. А тогда, в магазине, Женька перегнулась через прилавок, схватила тяжеленную доску, на которой резали хлеб, и, размахнувшись, постаралась стукнуть изумленной тетке по пальцам. Правда, ее попытка успехом не

увенчалась, но Соня навсегда запомнила, как она в панике удирала из магазина, утаскивая за собой орущую что-то Женьку. Вслед им кричали продавщицы, хлопали двери, но они удрали далеко и спрятались за мусорными ящиками во дворе дома. Больше Соня не ходила в тот магазин, бегала за продуктами в универсам на соседней улице.

Как-то раз Женька привела ее к себе домой, и Соня была поражена, увидев большую, богато обставленную квартиру. Женька поставила какую-то кассету, и они полтора часа смотрели американские мультфильмы – яркие, красочные, завораживающие. До этой поры Соня не видела американских мультфильмов, и видеомагнитофонов тоже не видела, поэтому у Женьки ей очень понравилось. Может быть, не пригласи ее тогда Ракитина в гости, Сонька плюнула бы на их дружбу, и осталась бы дура Женька опять в одиночестве. А так они продолжали дружить, и в школу ходили вместе, и задания делали у Соньки в квартире, так что Женька стала учиться куда лучше, чем раньше. Пару раз, зайдя за подругой с утра, Соня видела, как та перед выходом торопливо глотает какие-то таблетки, и догадалась, что Женькина живость в первой половине дня связана именно с таблетками. Но спрашивать не решилась – кто знает, как может отреагировать Ракитина...

Женькиного папу – высокого, худого, тоже черноволосого – Соня встретила, выходя из их квартиры после очередного просмотра мультфильмов. Наткнувшись на него, она страшно перепугалась, потому что считала их развлечения запретными. К ее большому удивлению, Ракитин-старший не только не стал ругаться, но и отнесся к Соне внимательно и с уважением, пригласив заходить почаще. В один из ее следующих визитов он отвел Соню в сторону, помолчал пару секунд и веско проговорил:

– Хорошо, что ты с Женькой дружишь. Она у меня странная, сама знаешь. Ты уж не бросай ее, ладно?

И, положив в Сонину ладонь что-то бумажное, шуршащее, ушел в другую комнату. Соня повертела в руках купюру, посмотрела в сторону двери, за которой скрылся Женькин отец, потом туда, где в комнате радостно визжала перед видеомагнитофоном Женька, и кивнула самой себе. Пожалуй, ссориться с Ракитиной не стоило.

С тех пор примерно раз в месяц она получала деньги от Женькиного отца. Суммы не были большими, но для Сони, которой родители подкидывали только мелкие карманные деньги на мороженое, они казались очень значительными. На них можно было купить помаду, или пудру, как у матери, или даже солнечные очки. Свои покупки Соня старательно

припрятывала в домашний тайник, куда родители не заглядывали, а часть денег откладывала, чтобы потом купить что-нибудь по-настоящему большое и взрослое – например, мохеровое платье-свитер. Нужно было только придумать хорошую отмазку для родителей.

Для нее осталось неизвестным, знала сама Женька о деньгах, которые дает отец ее подруге, или нет, но если и знала, то никак этого не показывала. Впрочем, по Женьке никогда нельзя было понять, о чем она думает. В классе по-прежнему считали Ракитину дурой. Только Соня знала, что это не так, но своим знанием благоразумно ни с кем не делилась.

* * *

Вверх-вниз, вверх-вниз! С тугим хлопком оранжевый мяч падал в руки очередного играющего, и тот, подпрыгнув и изогнувшись, посылал его через сетку. Даша сидела неподалеку от площадки и следила за игрой. Вообще-то она была совершенно равнодушна к любому виду спорта, кроме фигурного катания, но сейчас играл Максим, поэтому ей было интересно. Хлоп! Гулко ударив по апельсиновому боку, Сонечка послала мяч почти в дальний угол площадки. Его не отбили, и Максим, повернувшись к ней, что-то с улыбкой произнес. Та рассмеялась, пожала плечами и перешла на другое место. Как она хорошо играет, с завистью подумала Даша, получавшая пятерку на физкультуре только за прыжки в высоту...

От Дашиных попыток метать маленький тряпичный мячик тренер морщился и кричал на весь зал: «Соложенцева, хватит мучить мишень, подойди на десять шагов и попади хотя бы в стену!» Она краснела, ужасно смущалась, но тренер был мужиком не злым и по итогам четверти стабильно ставил ей четверку, хотя единственное, на что она тянула, – это на твердый трояк. Но она так красиво, так неожиданно легко взлетала над планкой, что он был готов простить ей и несчастные мячики, летевшие куда ни попадя, и то, что, бегая на лыжах по маленькому парку недалеко от их школы, Даша единственная умудрилась сломать казенную лыжу, упав в сугроб и зацепившись за корявое дерево. Когда она с несчастным видом протянула ему треснувшую лыжу, ожидая, что физрук сейчас покроет ее ужасной руганью, которую она как-то услышала во время его ссоры с завхозом, он помолчал немного и неожиданно спросил: «Сама-то живая?» И, дождавшись ее кивка, мягко сказал: «Ты иди давай, ваши все в раздевалке давно. „Четыре“ тебе сегодня. В пятницу в высоту будем прыгать, давай не пропускаяй». Даша, уверенная, что сейчас ее отведут к

завучу, а потом еще и вызовут маму с требованием заплатить за лыжи, взглянула на него с таким счастьем в глазах и так быстро, радостно, освобожденно побежала к школе, что он выматерился, не сдержавшись, от мысли о затюканных школой ребяташках, пугающихся любой ерунды. Но зато в пятницу она взлетала над планкой не положенных два раза, а целых пять, отталкиваясь от мата и становясь невесомой на какое-то счастливое мгновение. А приземляясь четко и скоординированно, слышала одобрительный голос тренера: «Отлично, отлично, умница!»

– Отлично, Макс, давай! – ворвался в ее воспоминания бас Володи, и она перевела взгляд на площадку.

Оказывается, вокруг нее собралась толпа зрителей, среди которых спиной к ней стояли Женечка и Алла, почему-то рядом. Странно, подумала Даша, они же друг друга терпеть не могут. Неожиданно полная Женечкина ручка скользнула в сумку на плече Аллы, очень похожую на ту, что носила с собой Алина, только не с рыбками, а с сине-зелеными дельфинами, под цвет купальника, и что-то достала оттуда. Даша, открыв рот, смотрела, как она перекладывает это «что-то» в другую руку и потихоньку начинает пробираться среди отдыхающих. Ничего не заметившая Алла продолжала следить за игрой, а Женечка подошла к лежаку, присела и, порывшись в своей сумке, поднялась уже с пустыми руками. Потом, оглядевшись, вернулась к площадке и, встав с другой стороны, начала подбадривать Сонечку громкими возгласами.

Внимание всех зрителей было привлечено к игре, а, посмотрев на море, Даша увидела, что поблизости от берега никто не купается. Она не выдержала. Поднявшись, медленно пошла по берегу, высматривая что-то у себя под ногами. Время от времени Даша наклонялась, поднимала какой-нибудь камешек и зажимала его в кулаке. Так она дошла до Женечкиного лежака и, наклонившись, взяла ее сумку – синий матерчатый прямоугольник книжного формата с белой полосой на боку. Отойдя с сумкой в глубь берега и спрятавшись за кустом, Даша принялась с самым невинным видом копать внутри, надеясь на то, что если ее кто-нибудь и увидит, то решит, что роется она в собственной сумочке.

В сумке ничего не было. То есть была, конечно, всякая ерунда – упаковка влажных салфеток, расческа, прозрачный блеск для губ, маленький дезодорант в форме ручки, складное зеркальце – и больше ничего. Ничего не понимающая Даша смотрела на этот набор. Она совершенно точно видела, что Женечка оставляла что-то в своей сумке! Ну и где же то, что она взяла у Аллы?

Постаравшись сложить все так же, как было, Даша пошла обратно, и

тут ее ожидал крайне неприятный сюрприз. Игра закончилась. Из-за дерева она видела, как оглядывается по сторонам Максим, стоящий около ее лежака, а Сонечка и Женечка идут к своим местам. Тут Даше стало очень и очень не по себе. Не хватало еще ей оказаться воровкой! И что же теперь делать? Может быть, просто бросить сумку здесь и вернуться как ни в чем не бывало?

Даша вознамерилась так и поступить, но, как назло, мимо нее потянулись к берегу немецкие туристы, приехавшие с очередной экскурсии. Они доброжелательно кивали Даше, и она никак не могла улучшить момент, чтобы куда-нибудь зашвырнуть проклятую сумку. Наконец отдыхающие прошли, и она аккуратно поставила сумочку на скамеечку неподалеку, надеясь, что ее никто не стащит. Красная от стыда, кляня себя за идиотскую выходку, Даша подошла к бару и взяла сок, рассчитывая, что так у ее отсутствия будет хоть какое-то оправдание.

Когда она вернулась, Никита с Борисом рыскали по берегу и заглядывали под лежаки, а полная дама с кудряшками взволнованно говорила подруге:

– Боже мой, называется, цивилизованное место! Сумку нельзя оставить – сразу утащат. Вон, у девушки драгоценности стащили, и деньги, кажется.

– Зачем же она драгоценности на пляж носит? – резонно возражала вторая.

– А как не носить, если в номере вообще двери нараспашку: заходи кто хочешь, бери что хочешь?

Даша бочком прошла мимо них и двинулась к Максиму, вытянув перед собой стакан с соком, как щит. Она еще не решила, рассказать ему про случившееся или лучше не надо, и уже почти решила, что не надо, когда он обернулся к ней:

– О, а ты где ходишь? Это мне? Неожиданная забота... – Он усмехнулся и взял из ее рук стакан с соком.

– Да. Вот, решила, что ты устанешь, – стараясь не покраснеть, выдавила Даша. – Я видела, как вы играли, и мне очень понравилось.

– Понравилось? – прищурился он. – А кто выиграл?

Даша не успела ничего придумать, как увидела бегущего со стороны аллеи смуглого парня с Женечкиной сумочкой в руках.

– А что там такое? – как можно спокойнее спросила она.

– Да у Евгении сумку стащили, но теперь, по-моему, нашли. Она уже весь пляж на уши подняла.

Женечка, замахав руками, кинулась к турку, выхватила у него сумочку

и стала рыться внутри. Даша услышала, как полная дама с кудряшками заметила разочарованно:

– Ну вот, ничего не украли.

– А где нашли-то? – поинтересовалась ее подруга.

– Да на аллее, на скамейке лежала. Сама же ее, поди, там оставила, а потом шуметь: «Украли, украли!»

На Женечку посматривали неодобрительно, и Даше стало совсем неловко.

– Максим, – сказала она, теребя полотенце, – ты позагорай, а я пойду каких-нибудь фруктов куплю на выходе, а то что-то есть захотелось. Тебе принести чего-нибудь?

– Ну, если ты мне принесешь инжир, то я тебе буду очень признателен.

Даша почти бегом пошла к аллее, и на сей раз ее обычная восприимчивость ей изменила. Она не почувствовала, как пристально смотрит ей вслед нахмурившийся Максим и как следит за ее передвижениями прищурившаяся Женечка, нервно теребя «молнию» своей сумочки.

* * *

За ужином Борис громко рассказывал, как они съездили в аквапарк, делая особый упор на то, что горки там оказались не такие уж и большие, кататься не так уж и весело, и вообще развлечений здесь особых нет. Да уж, наверное, в Питере их побольше, хмыкнула Даша. Она завидовала. Ей тоже хотелось поехать в аквапарк и кататься с огромных горок, поднимая тучи брызг, а потом вот так небрежно рассказывать, что ничего в аквапарке особого и нет. Но грустная правда жизни состояла в том, что Даша была крайне ограничена в средствах – ее с мамой небольших сбережений хватило как раз на то, чтобы рассчитаться за тур. А еще нужно было покупать фрукты, и кроме того, обязательно приобрести маме подарок и себе какой-нибудь памятный пустячок. Такой оригинальный, который можно будет носить, а на восхищенные вопросы типа «Ах, откуда такая прелесть?» пожимать плечами: да в Турции купила, по случаю. Зашла в антикварную лавку и купила. Честно говоря, большая редкость у них там, в Турции, а уж про нас и говорить нечего.

«Все, завтра поеду в город, – решила Даша, – и куплю что-нибудь. А то сколько можно в отеле сидеть?»

На следующее утро она встала пораньше, быстренько позавтракала и,

надеясь успеть до жары, пошла на остановку. Большие полосатые автобусы, напоминая ей «Икарусы», к счастью, безвозвратно ушедшие в прошлое, сновали туда-сюда – до Кемера и обратно. Ей казалось, что ехать придется долго, но через двадцать минут она уже выходила на маленькой площади, на которой стояли еще с десятков таких автобусов, возле которых курили и оживленно переговаривались пожилые водители-турки.

С интересом рассматривая город, Даша пошла вниз по пешеходной улице. К ее разочарованию, никакой особой экзотики не наблюдалось. Толпы туристов неспешно прохаживались мимо десятков маленьких магазинчиков и небольших кафе, возле которых на больших досках, напомнивших Даше школу, было вывешено меню на трех языках. Дашу искренне заинтересовали некоторые блюда, названия которых богатая турецкая фантазия в сочетании с незнанием русского языка превратила в нечто сказочное.

– «Пельмень воздушный», – читала Даша. – «Оладышки». «Суп-борч с мясам». «Свинячий хвост».

Она остановилась и взглядела в вывеску. «Свинячий хвост» – было написано на ней, и снизу прибавлено: «Свин свежий». Даша расхохоталась и подумала, что мама ей не поверит. Надо бы сфотографировать, жаль, фотоаппарата нет. Интересно, что они имели в виду?

Она шагнула было на проезжую часть, пересекавшую пешеходную улицу, и в этот момент шестое чувство подсказало ей, что нужно вернуться. Не задумываясь, Даша шагнула назад и, толкнув какую-то женщину, закутанную в платок, замерла на тротуаре. Мама говорила ей, что предчувствиям следует верить, а здесь было никакое не предчувствие, а самый настоящий сигнал опасности. «В чем дело? – спросила Даша сама себя, оглядывая дорогу. – Должно быть, сейчас из-за угла выскочит машина, которая могла бы меня сбить». Она подождала еще немного, но машина не появлялась. Недоуменно осматриваясь вокруг, Даша не видела ни малейшего источника опасности, на который ее внутренний сторож мог так остро отреагировать.

«Так... продолжается история с кондиционером», – помрачнела она, быстро перешла через дорогу и побрела мимо магазинчиков, ощущая, что настроение портится. Стоявшие возле них зазывалы, безошибочным чутьем угадывая в ней русскую, наперебой предлагали украшения, шубы, ковры... Соблазнившись предложением посмотреть прекрасные дешевые соболиные шубы, Даша заглянула в магазинчик и осмотрела товар. Своей шубы у нее никогда не было, и в мехе она не разбиралась абсолютно, но даже

поверхностного взгляда ей хватило, чтобы понять, что перед ней не шубы, а сплошной плач по невинно убиенным персидским кошкам. Впрочем, персидских кошек она не любила.

Даша заходила в магазинчики с какой-то мелочью – дурацкими сувенирами, майками с глупыми надписями, и постепенно у нее стало мельтешить в глазах от одинаковых товаров, от которых ей не было никакого проку. Продавец в одном магазине убеждал ее, что лучший подарок для мамы – кружка с краником, натуралистично выполненным в виде пениса, другой предлагал небольшие ракушки по цене больших изумрудов, и Даша совсем было приуныла. Но тут вспомнила, что в Турции нужно торговаться. Правда, торговаться она не умела, но учиться никогда не поздно.

Под этим лозунгом она и вошла в очередную сувенирную лавку. И сразу же увидела то, что нужно. Полки были уставлены фигурками, мастерски вырезанными из дерева. Здесь были слоники всех размеров, от малыша с чашку до гиганта, на котором можно сидеть; длинношее жирафы с хитрыми мордами; кошки всех видов, свернувшиеся клубками и потягивающиеся; длинноухие зайцы с китайскими профилями; собаки... Среди животных лежали какие-то деревянные головоломки, просто кусочки дерева, небольшие блюдечки. Даша, как зачарованная, ходила по лавке, пока равнодушный старый хозяин, морщинистый, как сушеный финик, листал газету за прилавком. Наконец она остановилась. Прямо перед ней, прищурив глаза, сидела точная копия их кота Морошки, уснувшего вечным кошачьим сном много лет назад и оставившего по себе такую память, какой не всякий человек мог похвастаться.

Кличку свою кот получил за необычный цвет – не рыжий, а какой-то красновато-оранжевый, не очень яркий. «Точно морошка!» – фыркнул, увидев его, папа, и кличка прижилась. Его ласково звали Рошей, а если собирались наказать – то негодем мороженым. Нельзя сказать, что Морошка был очень умен, но он обладал такой ярко выраженной кошачьей индивидуальностью, таким веселым, дружелюбным нравом, что ему впору было бы родиться собакой. Много лет подряд он ездил с ними в Бабушкино, высунув рыжую морду с маленькими беленькими усиками в окно, и кто-нибудь обязательно замечал: «Мороша, тебе и так похвастаться нечем, сейчас сдует всю твою растительность». Морошка всовывал морду обратно, взглядывал прищуренными от ветра золотистыми глазами и, убедившись, что сказано было несерьезно, высовывал обратно. И вот на полке в сувенирной лавочке сидел рыжеватый Морошка, но с турецкой спецификой – толстый, вальяжный и с обилием нарисованных усов. Буду

торговаться до последнего, отчаянно решила Даша и, осторожно подняв Морошку, оказавшегося неожиданно легким, подошла к хозяину.

Тот поднял голову, взглянул на нее и назвал такую цену, что у Даши упало сердце: сторговать кота по цене, впятеро меньше названной, у нее точно не получится. Она стояла, растерянно глядя на кота и думая, что же делать. Но делать было нечего. Она грустно погладила фигурку по гладкой голове и уже собралась поставить его на место, когда старик, пристально смотревший на нее все время, что-то сказал.

– Что, простите? – не поняла Даша.

– Выбери еще что-нибудь, уступлю, – проворчал хозяин и углубился в газету.

Даша недоуменно посмотрела на него, не понимая, что он имеет в виду, но хозяин не обращал на нее никакого внимания, и она послушно подошла к ближайшей полке. На ней между двумя большими кошками лежала маленькая головоломка: несколько отшлифованных кусочков, из которых можно было складывать разные фигурки. По-прежнему недоумевая, Даша взяла головоломку и вернулась к прилавку. Хозяин мельком взглянул на то, что она принесла, и свернул газету.

– Сколько дашь? – он кивнул на игрушку и кота.

Даша достала из сумки кошелек, открыла и пересчитала всю наличность. Предлагать турку стоимость кошачьего хвоста было неудобно, и она только виновато пожала плечами. Хозяин потянул у нее бумажник, глянул внутрь одним глазом, достал все купюры, кроме одной, и протянул ей кошелек обратно.

– Берешь? – спросил он, не пересчитывая купюры.

Не веря своему счастью, Даша отчаянно закивала головой и прижала к себе Морошку. Хозяин усмехнулся, грузно опустился на стул и опять развернул газету. Она выскочила из магазина, забыв даже попросить упаковать кота и головоломку, и вслед ей радостно зазвенел колокольчик на двери.

Быстро возвращаясь обратно на остановку, Даша предвкушала, как изумится мама, когда она предъявит ей турецкий аналог российского кота. И вдруг чутье опять подсказало ей: что-то не в порядке. Даша обернулась, но вокруг безмятежной толпой сновали туристы, продавцы-турки покрикивали от дверей своих магазинчиков, облезлые кошки неторопливо шествовали по клумбам. Все было тихо. «Ну, хватит! – приказала она себе. – Хватит параноидального бреда. Сколько можно, в конце концов, вздрагивать от каждой ерунды и в каждом отдыхающем подозревать потенциального убийцу?!»

Завернув за угол и увидев пыхтящий автобус, Даша прибавила шаг. Морошка, показавшийся сначала совсем легким, теперь оттягивал руку, к тому же держать его было не очень удобно. Попробовала обхватить его за шею, но кот выскользнул, и она побоялась разбить фигурку. Тогда Даша взяла его под толстый живот и покрепче прижала к себе. Головоломку она положила в сумку, которая болталась на боку. Буду складывать осенними вечерами, подумала Даша, и в эту секунду ее толкнули...

Толчок был такой силы, что она не удержала равновесие и влетела прямо в витрину очередного магазина, где были выставлены кальяны и большие разноцветные коробки с чаем. Если бы не кот, она врезалась бы в стекло плечом, а так удар пришелся на выставленный локоть. Стекло молниеносно пошло трещинами и словно взорвалось осколками; раздались крики; Даша упала на брусчатку, сверху на нее посыпались осколки. Она зажмурилась, но успела увидеть заворачивающую за угол женщину, по самые глаза закутанную в платок, – единственную, кто не обернулся на крик и звон разбитой витрины.

* * *

– Представляешь, они с меня даже денег за стекло не взяли! – оживленно рассказывала она Максиму, уплетая рис, тушеный с помидорами и какими-то ароматными травками.

– Еще бы они попробовали! – отозвался тот, косясь на ее забинтованную руку. – Стекло нужно противоударное ставить, во всем цивилизованном мире так и делается. Ты могла бы им иск предъявить. Ты же не специально там грохнулась, правда?

Даша не собиралась никому ничего предъявлять. И вообще была счастлива, что дешево отделалась, о чем и сообщила Максиму. Ей доставило огромное удовольствие видеть его испуганное лицо, когда ее, бледную, но по-прежнему прижимающую к себе кота, довез до отеля какой-то оказавшийся поблизости турок, вознамерившийся, как Даша поняла позже, ее обольстить. Но, увидев подбегающего к машине Максима, махнул рукой, развернулся и уехал.

– Ты уверена, что тебя специально толкнули? – спросил Максим, доедая ужин.

– Угу, – кивнула она. – Понимаешь, я ту женщину видела еще раньше. Уверена, что ее: не так уж много женщин ходит здесь по улице в платках. И потом, я платок запомнила, чисто по-женски, там какая-то вязь была на

темном фоне и несколько морд непонятных – то ли драконы, то ли ящерицы.

Она задумалась. Максим предположил, что ее толкнули случайно, или просто женщина была психически неуравновешенной, но Даше почему-то казалось, что дело вовсе не в том. Она помнила ощущение от взгляда, направленного в спину.

– Даша, а ты уверена, что это была женщина? – внезапно спросил Максим. – Я подумал, что платок и длинное платье – идеальная маскировка для мужика. Может, ты кому-то так сильно насолила?

Даша вспомнила Никиту и задумалась. Она попробовала представить его в женской одежде, и ей удалось, но вот в целом картинка не складывалась.

– Нет, не получается, – покачала она головой. – Та женщина, она шла... как бы тебе объяснить... очень по-женски, у мужчины, по-моему, так не получится. Или он должен быть хорошим актером. В отеле есть актеры?

– Вот только актеров здесь и не хватало. Ладно, хорошо, что все обошлось. Даш, я предлагаю это отпраздновать. Понимаю, – заторопился он, увидев ее лицо, – слово «отпраздновать» не совсем уместно, но в ресторанчик-то местный я могу тебя пригласить, чтобы отметить твое удачное падение? Да и потом, ты же кота купила. А то ты сидишь по вечерам в своем номере, пока все развлекаются, и радости жизни проходят мимо тебя.

– Не проходят, – улыбнулась Даша. – А что за ресторанчик?

– Ну, вот видишь! – рассмеялся Максим. – А ты говоришь, не проходят!

Ресторанчиком оказался небольшой закуток, пристроенный к главному корпусу и увеличенный за счет открытой веранды. Сюда почти не доносился шум от дискотеки, и играла своя музыка – ненавязчивая, не мешающая разговаривать. Они болтали, выпили по два бокала красного вина, правда, слабенького, но Даша все равно слегка опьянела. Голова стала легкой, ей захотелось танцевать.

– Давай потанцуем, – предложила она Максиму. – Музыка такая хорошая...

Из динамиков негромко пел Фрэнк Синатра, а не стандартные веселенькие турецкие напевы, мелькали в ветках огоньки гирлянд, и в ресторанчике было так спокойно, что Даша почувствовала себя весело и легко.

Максим танцевал хорошо, и Даша, которая танцевать почти не умела,

ощутила неловкость.

– Слушай, ты так здорово танцуешь... – сказала она смущенно. – А я в последний раз танцевала медленный танец в десятом классе, на выпускном. И мальчику, который со мной вальсировал, оттоптала все ноги.

Она была уверена, что Максим сейчас рассмеется и скажет что-нибудь необидное. Вместо этого он наклонился к ней и поцеловал – поцеловал крепко, прижимая ее к себе с неожиданной силой. От него пахло смолой и морем.

Когда он отпустил ее, Даша перевела дыхание и хотела что-то сказать, но не успела.

– Простите, это ваш номер сорок девять?

Они с Максимом обернулись и увидели официанта, переминающегося с ноги на ногу.

– Мой, – удивилась Даша. – А что?

– Пожалуйста, подойдите на ресепшен, там что-то случилось.

Взволнованная Даша быстро пошла к холлу, Максим расплатился и догнал ее.

– Что произошло? – подошла она к девушке за стойкой.

– Простите, можно ваш ключ от номера?

– А что произошло? – повторила она.

– Понимаете, горничная пыталась зайти в номер, но с ключом возникли какие-то проблемы. Пожалуйста, дайте ваш ключ.

Даша достала из сумочки ключ и вместе с девушкой поднялась на второй этаж. Около номера стояла пожилая горничная, а рядом незнакомый Даше турок. Когда они попытались открыть дверь ее ключом, стало ясно, что дело не в нем.

– Да у вас скважина забита чем-то, – сказал, присмотревшись, Максим. – При чем здесь ключ?

Все наклонились к дырочке, и тогда стало ясно видно, что ключ не вставляется, потому что вязкая серо-белая масса заполнила всю скважину.

– Кто это сделал? – обернулась к Даше девушка, высоко подняв нарисованные брови.

– Понятия не имею... – растерянно отозвалась та, наблюдая, как горничная пытается выковырять содержимое скважины кончиком ключа.

– Надеюсь, вы не думаете, что она сама запихала туда эту гадость? – вмешался Максим.

Судя по лицу девушки-администратора, именно так она и думала, но промолчала. Некоторое время все стояли молча, глядя на замок, пока горничная не бросила разочарованно несколько слов. Молодой турок куда-

то ушел и вскоре вернулся с небольшой коробкой инструментов.

Минут пять Даша и Максим ждали, пока он прочистит скважину, а потом решили обосноваться в холле. В ресторан возвращаться не хотелось, настроение у Даши было испорчено. «Что за невезение, – думала она, – почему чей-нибудь паршивый отпрыск выбрал именно мою дверь для своего вандализма, причем именно в этот вечер, пожалуй, самый приятный из всех, что я здесь провела?» Хмель вылетел у нее из головы, и Дашу начало клонить в сон. Пока они сидели в холле, Максим развлекал ее рассказами из своей студенческой жизни, но под конец Даша почти не слушала его, дожидаясь только того момента, когда эта подозревающая ее девушка с нарисованными бровями объявит о том, что номер открыт.

– Я смотрю, тебя совсем сморило, – услышала она неожиданно. Максим всмотрелся в нее и покачал головой. – Приляг-ка ты на диванчик, а я тебя разбужу, когда замок починят.

Даше стало неловко, что Максим заметил ее состояние, но она понимала, что сейчас лучше всего так и поступить. Глаза закрывались, ей постоянно хотелось зевать, пару раз она почти провалилась в сон. «Никогда больше не буду столько местного вина пить», – решила Даша. И тут к ним подошла горничная:

– Все в порядке, можно подниматься в номер.

Максим взял ее под руку и повел наверх. Буквально засыпая на ходу, Даша вошла в комнату, получила ключ от горничной, слабо помахала Максиму рукой и повернула защелку. Надо умыться, сказала она себе, нельзя ложиться с косметикой на лице. С этой здоровой мыслью Даша свалилась на кровать и тут же уснула.

Проснулась она оттого, что кто-то колошматил ее по голове. Нужно было встать и прогнать негодяя, но глаза не открывались. «Может, он сам уйдет», – понадеялась Даша и попыталась опять уснуть, но негодяй не прекращал своего занятия. В конце концов глаза пришлось открыть, и тут Даша поняла, что стучат в дверь.

– Сейчас! – крикнула она и заметалась по комнате в поисках одежды.

Одежды нигде не было. Даша заскочила в ванную и, только увидев себя в зеркале, вспомнила, что заснула не раздеваясь. Обругав себя за ранний склероз, торопливо подошла к двери и открыла.

За дверью никого не было.

Даша высунулась из номера, недоуменно осмотрелась, но коридор был совершенно пуст. Правда, рядом находилась лестница... Видимо, кто-то, не дождавшись, спустился по ней и ушел. Кто же мог приходить? Максим знает, что она легла спать, а все остальные отплясывают на танцполе.

Непонятно.

Ну что ж, от ее пробуждения была хоть какая-то польза: Даша старательно смыла макияж и повесила сарафан и кофточку на плечики. Они, конечно, смялись, пока она спала, и Даша придирчиво рассмотрела свою одежду, решив завтра же с утра попросить утюг. Потом свернулась в кровати клубочком и уснула почти так же быстро, как и в первый раз.

БУМ! БУМ! БУМ! В дверь били так, что Даша моментально проснулась и вскочила с постели, не совсем понимая, что происходит. «Пожар?» – мелькнуло у нее в голове, но она тут же поняла, что это опять кто-то стучится. Черт возьми, подумала разозленная до предела Даша, неужели нельзя нормально постучать. Она подошла к двери и, повернув ключ в замке, резко распахнула ее, намереваясь высказать визитеру все, что думает о его манерах.

За дверью никого не было.

Даше стало не по себе. Она опять повернула голову сначала налево, потом направо, как если бы переходила дорогу, но она и так ощущала, что коридор *пустой*. Но тут в двери напротив начал проворачиваться ключ, дверь неторопливо раскрылась, и из номера выглянула пожилая немка в розовой косынке на голове. Эту безобидную даму Даша видела и раньше и всегда приветливо с ней здоровалась. То же самое она сделала и сейчас, но немка посмотрела на нее неодобрительно и, проворчав что-то, хлопнула дверью. Замечательно, поздравила себя Даша, начинаем портить отношения с соседями.

Она вернулась в комнату, уселась на кровать. Если раньше она думала, что балуется какой-то ребенок, оставленный без присмотра, то теперь начала сомневаться. В отеле не так много детей, и все они в основном младше шести лет. Такие малыши не могут бегать ночью по коридору и ломиться в чужие двери. Кстати, сколько времени?

Даша вынула из сумки маленькие часики; они показывали без двадцати двенадцать. Почти полночь. Нет, точно не дети хулиганят, окончательно решила она. Это кто-то взрослый, и он же испортил замок. Замечательно. Утром витрина, теперь вот дверь... Даша окончательно проснулась и хмуро посмотрела в темное окно. Идти никуда не хотелось, спать тоже. Кроме того, у Даши родилось подозрение, что второй визит был вовсе не последним. Почитать что-нибудь? Но все книжки остались в том, прежнем номере, она забыла взять их. И тут взгляд ее упал на блокнот, лежащий в раскрытой сумке на полу.

Не думая, она подняла блокнот, пролистала его и опять вернулась к вырванным страничкам, заложенным под обложку. Просмотрела их в

надежде обнаружить что-нибудь новое, но ничего нового, конечно, не нашла. Аккуратно затолкнув их обратно, Даша захлопнула блокнотик. Стоп, почему она заглядывала под обложку с другой стороны?!

Едва она открыла последнюю страницу записной книжки, как сразу почувствовала под мягкой кожей что-то плотное. Даша приподняла краешек обложки и вытащила из-под нее маленький прозрачный пакетик. Удивилась, но тут же вспомнила покупку Алины: кольцо из белого золота с небольшим голубым камнем. Ну конечно, Алина надела кольцо на палец, а пакетик сунула в блокнот...

Да, но кольца на пальце убитой Алины не было! Она лежала в ванне без всяких украшений, Даша хорошо помнила. Может быть, убийца снял все драгоценности для правдоподобия? Впрочем, Алина могла и сама снять кольцо, и его отсутствие на ее теле ни о чем не говорит.

Интересно, насколько оно было дорогое? Алина вообще, насколько Даша успела заметить, не покупала себе дешевые вещи. И куда делись после смерти Алины все ее украшения, вся одежда, деньги, в конце концов? По логике вещей, их должны были отправить вместе с телом в Санкт-Петербург, но ведь невозможно проверить, доставлены какому-то там дяде украшения или нет. Надо будет спросить у гидов, они все знают, решила Даша, выключила свет и залезла под одеяло.

Полежав немного, начала засыпать, и тут в дверь постучали. Стук был не такой громкий, как в первый раз, но часы показывали уже начало первого, и Даша пришла в ярость. Наверняка сейчас откроет дверь и опять никого не увидит. И она решила спуститься вниз – пожаловаться администратору. В конце концов ее соседка напротив тоже была разбужена безобразным грохотом, пусть принимают меры. Сунув ноги в тапочки, Даша дошла до двери и уже собиралась повернуть ключ, как вдруг поняла: за дверью кто-то есть.

За дверью кто-то есть! Сначала она осознала это неизвестным шестым чувством, тем же самым, что заставляло ее маму звонить родным, когда у них что-то случилось, а потом, прислушавшись, уловила негромкое сопение. Даша стояла и держалась за ручку двери, не понимая, почему не открывает. Видимо, сейчас там стоит кто-то другой, потому что он не убежал... Нужно бы открыть дверь и узнать, что ему или ей понадобилось в первом часу ночи...

«Это тот же самый человек, – отчетливо сказал внутренний голос. – На этот раз он не собирается никуда убегать». «Сейчас открою и узнаю, кто это такой, – пообещала себе Даша, но человек за дверью молча сопел, и ей стало страшно. – Он слышал, как я встала, – поняла она, – и теперь ждет,

когда же я открою. Ерунда, наверное, явился кто-нибудь из служащих отеля».

Мысли промелькнули у нее в голове очень быстро, а в следующую секунду она спросила:

– Кто там?

За дверью молчали.

– Кто там? – повторила Даша, по-прежнему держа ручку, и тут почувствовала, что на нее давят снаружи.

Кто-то, кто стоял за дверью, тихо сопел и пытался открыть дверь. Это было бесполезно, потому что Даша, ложась спать, заперлась изнутри на ключ. Но ей стало так страшно, что она выпустила ручку двери и отступила на пару шагов, не сводя с нее глаз.

Ручка повернулась до упора, дверь толкнули, но она не открылась. Из коридора раздался звук, напоминающий змеиное шипение, от которого Даша похолодела. Несколько секунд она стояла, замерев, и в голове у нее билась мысль, что сейчас тот «кто-то» откроет дверь своим ключом, и ему даже не понадобится ее убивать, потому что она сама умрет от страха. Из номера ей некуда деться. Окно! Даша подскочила к окну, но, уже раздвигая шторы трясущимися руками, вспомнила про телефон в номере.

«Господи, какая же я идиотка, – взывала она мысленно, – быстро вызывай охрану!» Даша схватила трубку, нажала на три клавиши и в тот же момент поняла, что за дверью никого нет.

– Хелло! – раздалось в трубке. Даша подержала ее около уха и осторожно положила на место.

Вызывать охрану было бессмысленно, потому что тот, кто пытался попасть в ее номер, ушел, и ей не нужно даже подходить к двери, чтобы убедиться в этом. Но она все-таки подкралась, прислушалась. За дверью была пустота. И тишина. Не выключая свет, Даша взяла с тумбочки Морошку, вернулась в кровать, прижала фигурку к себе и попыталась уснуть. Было ясно, что сегодня ночью у нее вряд ли это получится. Долгое время она лежала с закрытыми глазами, вздрагивая от каждого звука в коридоре, но, когда сквозь приоткрытые шторы начал пробиваться тусклый свет нового дня, она все-таки провалилась в сон, больше напоминающий забытье.

Глава 12

Бледная и невыспавшаяся, со звенящей головой, Даша сидела на диванчике в холле среди остальных членов их группы и слушала Машу. Та, как назло, сегодня была причесана аккуратнее обычного, и ее русые завитки заставляли Дашу лишней раз вспоминать о том, что у нее самой волосы торчат в разные стороны. Голова болела, под глазами были круги, которые не замазывались никаким тональным кремом, а при воспоминании о прошедшей ночи Даша совершенно переставала слышать гида, погружаясь в противный, липкий страх. Сейчас, при свете дня, он отступал, но Даша прекрасно понимала, что вечером он вернется. Она старалась отгонять от себя эти мысли, но время от времени ей казалось, что за спиной раздается змеиное шипение, и она вздрагивала, уговаривая себя не оборачиваться. За спиной была стена.

Маша объясняла, как будет проходить отъезд, и в очередной раз просила отдыхающих не злоупотреблять накануне местными напитками.

– Встречаемся здесь, в холле, в половине одиннадцатого, поэтому, пожалуйста, соберите вещи заранее, чтобы мы никого не ждали. – Приятный Машин голос несколько успокаивал Дашу. Он напоминал о том, что послезавтра она отсюда уедет и забудет все свои страхи, как ночной кошмар. – Пожалуйста, не задерживайтесь. Дорога, ведущая в аэропорт, сейчас ремонтируется, и если мы выедем позже, то вполне можем попасть в пробку. Так что, если вы не хотите опоздать на собственный рейс и задержать остальных, приходите вовремя.

«Я приду раньше всех, – усмехнулась Даша. – Не исключено даже, что буду всю ночь сидеть в холле на собственных чемоданах под присмотром охранника и администратора. Вот тогда до меня точно никто не доберется».

– Приятно видеть вас улыбающейся.

Даша обернулась на вкрадчивый, тягучий голос и увидела Аллу. Синяк у нее прошел или же был искусно припудрен, и Даша в очередной раз вспомнила о своих мешках под глазами.

– Честно говоря, с нетерпением жду отъезда, – призналась она. – Не могу сказать, что отдых доставляет мне большое удовольствие.

– Я вас понимаю, – кивнула Алла. – Я тоже в этой поездке потеряла гораздо больше, чем приобрела.

Даша вспомнила про пропавший камень. Действительно, что за неудачливая группа, подумалось ей.

– Надеюсь, до нашего отъезда больше не случится ничего плохого, – вымученно улыбнулась она Алле.

Но та уже не слушала. По лестнице спускался Никита, и Даша обратила внимание на то, что он такой же помятый, как и она сама.

Алла сделала шаг навстречу ему, но он поднял на нее глаза и слегка покачал головой. Даша не сводила с него глаз. Алла застыла на месте, потом медленно повернулась к Даше:

– О чем мы говорили?

Покрасневшая Даша так посмотрела на нее, что Алла слегка смутилась:

– Простите, вон муж идет.

В холл входил Борис, и вот он-то производил впечатление отлично выпавшегося человека. Подойдя к нему, Алла поцеловала его в щеку, что несколько удивило Дашу, да, по-видимому, и его самого.

– С чего такие нежности? – услышала Даша хриловатый голос Бориса.

Он потрепал жену по волосам. Алла недовольно отстранилась, что-то сказала, но ее ответ Даша уже не слышала. Она пристально смотрела на щеку Бориса. На ней не было следа от помады. Почему-то это заставило ее нахмуриться. А, собственно, почему он должен там быть, задала она себе вопрос, если Алла пользуется только бесцветными блесками?

Блеск для губ! Вот оно! Даша повернулась и поискала глазами среди отдыхающих, внимательно слушавших гида, Женечку и Сонечку. Обе сидели на диванчике и потягивали густой томатный сок, но даже сквозь след от сока было видно, что у обеих губы накрашены помадой вишневого цвета. Ну конечно, вспомнила Даша, еще Алина высмеивала их за пристрастие к яркой косметике. Ни разу, даже на пляже, она не видела Женечку или Сонечку без помады на губах и вообще без макияжа. Теперь Даша точно знала, что Женечка стащила из сумки у Аллы.

Позавтракав, Даша пришла на море и с удивлением обнаружила, что Максима еще нет. Не было его и за завтраком. Странно, удивилась она. Куда же он делся? Она торопилась рассказать ему о том, что случилось ночью, и очень надеялась, что Максим скажет что-нибудь очень дельное, трезвое и здравомыслящее, отчего ее страх исчезнет. «Например, предложит составить тебе ночью компанию», – язвительно заметил внутренний голос, и она покраснела, потому что втайне вовсе не исключала такой вариант.

– Даша, вы что такая красная сидите? Сгорели? – к ней подходила Инна с красавцем-мужем.

– Да, наверное, – кивнула Даша и от своего вранья покраснела еще сильнее. Почему-то ей казалось, что ее мысли могли прочесть все окружающие, и было очень неловко.

– Так вы кремом намажьтесь! – посоветовал супруг Инны.

Даша полезла в свой зеленый пакет и обнаружила, что взяла только полотенце и Алинин блокнот, который постоянно таскала с собой непонятно зачем.

– Забыла, – махнула она рукой. – Да ладно, потом возьму, сейчас-то солнышко еще не очень кусачее.

– Конечно, ведь утро, – согласилась Инна, – даже меня Халим позагорать и искупаться вытащил. Ну, не обгорайте!

Дружелюбно улыбнувшись, оба направились к лежакам под тентом, где отдыхала компания веселых турок, очевидно, тех самых приятелей Халима. Зря Алина так язвила по поводу Инны, неожиданно подумала Даша, муж от нее ни на шаг не отходит. Наверное, наоборот, она от него отдыхает, когда сидит там, около второго корпуса, с какой-нибудь книжкой. Не права была Алина, совсем не права. Даша этому обрадовалась, потому что Инна ей нравилась.

Да, но где же Максим? Время идет, солнце начинает припекать... К тому же место Даша выбрала не в тенечке, а на самом что ни на есть солнцепеке, почти у самого моря. «Еще ведь ультрафиолет, кажется, от волн отражается, – припомнила Даша, – сейчас точно сгорю! Мало мне мешков под глазами? Буду похожа на Чероки, вождя сипаев, или кем он там был».

«Вот-вот, – поддакнул зловредный внутренний голос, – тогда никакой Максим тебе точно не предложит составить компанию на ночь. А совсем наоборот: посоветует храбро открыть дверь, если к тебе снова кто-то будет ломиться, чтобы враг сам бежал с поля боя, уstraшенный твоим незабываемым внешним видом». Все, решила Даша, надо искупаться и сбегать в номер за кремом.

Она надела кепку, покрепче затянула ее на затылке, чтобы не смыло волнами, и, с удовольствием ступая по камешкам, зашла по щиколотку в воду. Сразу стало прохладно. Даша присела и подняла со дна какой-то странный зеленоватый камушек. Изумруд нашла, весело подумала она, рассматривая обкатанный волнами до гладкости кусочек зеленоватого бутылочного стекла. Даша поднесла его к глазам и прищурилась. Все стало зеленым. Песок, пирс, головы купающихся, лодка... Только море осталось синим, может быть, чуть-чуть изменив оттенок на цвет морской волны. Даша обернулась, чтобы посмотреть через стеклышко на аллею, и тут

увидела Сонечку с Женечкой, раскладывающих вещи неподалеку от ее лежака. Ну вот, подумала она огорченно, замечательное соседство, теперь будут чирикать над ухом и не дадут с Максимом толком поговорить. Придется перебраться на другое место.

Даша подбросила стеклышко, и оно с тихим бульком упало в воду. Наклонилась, высматривая его в воде, и увидела неожиданно быстро. Ах вот ты где! Она подняла стеклышко, зажала его в кулаке, зашла в воду и поплыла. Плыть со сжатым кулаком было не очень удобно. Даша перевернулась на спину и забултыхала ногами, направляясь в сторону натянутой перпендикулярно берегу веревки с флажками. Доплыв до нее, ухватилась за канатик, отдохнула, выпустила «изумрудик» из руки и, забыв про кепку, нырнула за ним следом.

Изнутри море было зеленоватым, а не синим, но она все равно видела быстро опускающееся на дно стеклышко. Догнать его у Даши, конечно, не получилось, но она постаралась запомнить, где оно упало, и вынырнула на поверхность. Вдохнув полную грудь воздуха, она нырнула опять, опустилась на дно и принялась методично обследовать камни. А вот и нашла! Она улыбнулась, нащупала свою драгоценность и поднялась наверх.

Так, усложним задачу, решила Даша и отплыла подальше от берега. Неподалеку с пирса ныряли отдыхающие, но девушка рассудила, что они ей не помешают. Опять уронив стеклышко, она подождала подольше и ушла под воду.

На сей раз искать пришлось долго. В конце концов она увидела зеленоватый краешек, но у нее закончился воздух. Плавно поднимаясь к свету, Даша заметила над собой чьи-то ноги, а вынырнув, обнаружила Женечку, держащуюся за веревку.

– А я смотрю, что это наша Дашенька то ныряет, то выныривает... – с улыбкой произнесла Женечка, кривя вишневые губы. – Дай, думаю, помогу, вдруг что-нибудь ценное нашла.

– Да нет, я тут играю сама с собой, – покачала головой Даша, стараясь не глядеть на Женечкин рот.

– И не скучно вам одной?

– Нет, не жалуюсь, – ответила Даша, не понимая, с чего вдруг Женечка к ней пристала.

– А я все-таки тоже хочу поиграть, – капризно заявила та. – На берегу меня никто в команду не берет, говорят, по мячу не попадаю, так хоть с вами поплаваю.

Даша прекрасно знала, что в пляжный волейбол берут всех желающих,

даже если они вместо мяча попадают исключительно по сетке, но промолчала. Назойливость Женечки нравилась ей все меньше и меньше, но сделать она ничего не могла. Не ссориться же с ней, подумала Даша и, показав вниз, сказала:

– Там стеклышко зеленое на дне, я его ищу. Оно сейчас лежит около камня с полосой, почти под вами. Если хотите, давайте нырять, кто быстрее найдет.

Женечка улыбнулась, вдохнула воздух, и, изогнувшись, как выдра ушла под воду. «Ничего себе! – изумилась Даша. – Да она ныряет лучше, чем Борис! И зачем, спрашивается, притворялась все время?» Но размышлять было некогда, сама ведь предложила игру. И Даша нырнула следом за Женечкой. Та уже обследовала дно, продвигаясь быстро и уверенно, но Даша помнила, где заметила свой приз, и доплыла до полосатого камня первой. Она перевернула его, и в облачке поднявшегося песка нащупала стекло. Поворачиваясь, чтобы показать Женечке, что выиграла, Даша внезапно почувствовала, что ее тянут за ногу, а обернувшись, увидела Женечку, подплывшую к ней вплотную. Даша кивнула наверх, предлагая подниматься, но Женечка смотрела на нее под водой не мигая, не отпуская ее ногу и не двигаясь. Положение было идиотским. Даша дернула ногой, Женечка выпустила ее и каким-то стремительным движением поднялась над Дашей. Та попробовала обогнуть ее, но Женечка, скользнув вбок, не дала ей этого сделать. У Даши начал заканчиваться воздух, нужно было быстро подниматься на поверхность, и она махнула рукой в сторону, не понимая, чего Женечка добивается. Еще раз попробовав подняться, она снова столкнулась с Женечкой, помешавшей ей вынырнуть.

Оттолкнув ее со всех сил, Даша выпустила стеклышко и отчаянно заработала ногами, чтобы побыстрее подняться наверх, ощущая, что легкие уже словно распирает изнутри. Еще секунда – и она глотнула свежий морской воздух, запоздало понимая, что запросто могла и утонуть. Женечка вынырнула только несколько секунд спустя, и Даша изумилась, на сколько той хватило воздуха.

– Слушайте, вы что делаете?! – возмутилась она, тяжело дыша. – Я из-за вас чуть не утонула!

– Чуть не утонула? – Женечка подплыла к ней вплотную, улыбаясь все той же вишневой улыбкой. – Чуть не утонула, сучка пронирыливая? Я тебе сейчас покажу, что значит чуть не утонуть.

Обомлевшая Даша смотрела на нее, широко раскрыв глаза. Женечка, с искаженным лицом, неожиданно сильно нажала Даше на плечи, и она, не

успев вдохнуть, нырнула с головой. Дергаясь под водой, Даша пыталась освободиться, но Женечка теперь держала ее за волосы, нажимая на голову, и Даша попробовала рвануться в сторону. Ее дернуло за волосы с такой силой, что она вскрикнула и немедленно глотнула воды, но тут ее потянули наверх. Откашливаясь, Даша беспомощно барахталась около веревки, пытаясь за нее схватиться. У нее мелькнула мысль, что кто-нибудь приплывет и поможет ей, но все купающиеся находились далеко, а с пирса было не разобрать, что они тут делают. «Господи, она меня утопит!» – с ужасом подумала Даша.

– Знаешь, сучка, а я ведь тебя и правда утоплю, – сквозь зубы прошипела Женечка, крепко держа ее за руку и не давая зацепиться за веревку.

Даша барахталась в воде, с каждой секундой уставая все больше и больше и понимая, что еще несколько минут такой борьбы, и она утонет сама, без Женечкиной помощи.

– Точно утоплю! Будешь знать, стерва, дрянь безмозглая, как чужие сумки воровать!

Женечка изрыгнула Даше в лицо поток ругани, какой та не слышала даже от бабушки, даже от бомжей, возившихся в мусорном баке около ее подъезда. Она со всех сил ударила Женечку, но удар получился слабый, к тому же та легко ушла в сторону.

– Драться хочешь, сучка?

Уставшая Даша воспринимала Женечкино шипение словно сквозь пелену.

– Ну давай подеремся! – И Женечка опять нажала на Дашино плечо.

Даша, беспорядочно двигая под водой руками и ногами, почувствовала, что рука Женечки, держащей ее за волосы, слегка ослабла, и поняла, что нужно делать. Вместо того чтобы пытаться подняться на поверхность, она из последних сил дернулась вниз. Не ожидавшая этого Женечка выпустила ее, и Даша сильными рывками начала грести ко дну и в сторону. Отплыв немного, она поняла, что сейчас не выдержит и задохнется, и стала подниматься на поверхность. Но воздуха уже не хватало, в ушах колотило, Даше казалось, что она продирается сквозь вату, которой нет конца. Наконец вынырнула, макушкой упершись в веревку, и с ужасом увидела, что почти не отплыла от Женечки. Та, спокойная, с той же жуткой улыбкой, от которой Дашу бросило в дрожь, быстро доплыла до нее... и тут сзади послышался плеск, и спокойный голос спросил:

– Девочки, к вам можно присоединиться?

Женечка с Дашей обернулись и уставились на Инну, подплывавшую к

ним.

– А то я вижу с берега, вы тут развлекаетесь, дай, думаю, составлю компанию. Даша, ты не возражаешь? – Женечку Инна игнорировала.

Тяжело дыша, Даша смогла только покачать головой, а когда пыталась что-то сказать, у нее вырвался глухой хрип. Женечка, не посмотрев на Инну, улыбнулась Даше и поплыла обратно. Даша и Инна смотрели ей вслед молча. Наконец Инна нарушила молчание, прерываемое только Дашиными хрипами.

– Даша, что у вас тут случилось? – спросила Инна, пристально глядя на нее. – Вид у тебя не очень веселый. Я сначала подумала, вы так играете, потом смотрю – что-то не то.

– Она меня чуть не утопила, – выговорила наконец Даша. – Господи, она меня чуть не утопила! Если бы не ты, я бы точно утонула.

– Даш, ты что такое говоришь?

– Инна, она меня топила, клянусь тебе! Мы сначала нырнули вроде бы наперегонки, а потом она меня схватила за голову и не давала вынырнуть... а потом еще раз...

Даша зашлась в кашле, чувствуя, что из глаз текут слезы.

– Она что, сумасшедшая? – поразилась Инна. – Нельзя утопить человека на глазах у всего пляжа!

– Не знаю, сумасшедшая или нет, но я уже начала думать, что все – конец. Понимаешь, я видела, как она какую-то ерунду стащила из чужой сумки, а она поняла, что я видела.

– И из-за этого стала тебя топить?

– Наверное. Я не знаю.

Даша побарахталась еще немного и наконец почувствовала, что ей стало легче. Инна придерживала ее за плечо, и само ее прикосновение успокаивало.

– Поплыли к берегу, я отдохнула немножко, – выдохнула Даша, медленно перебирая руками канатик.

Когда они выходили на берег, Дашу качало, и Инна придерживала ее за руку.

– Спасибо тебе большое! – повернулась к ней Даша. – Ты меня спасла, а я тебя даже не поблагодарила.

– Да перестань, Даша! – махнула рукой Инна. – К тому же, знаешь, я не думаю, что она действительно хотела тебя утопить. Может быть, просто проучить, помучить. Но не утопить же!

– Не знаю, – покачала головой Даша. – И не уверена, что хочу знать.

Она посмотрела в сторону своего лежака – Сонечки и Женечки, к ее

огромному облегчению, рядом не было, зато сидел Максим, наблюдавший за волейболом.

– Вон твой друг, – улыбнулась Инна. – Ладно, Даша, счастливо. Пойду своего мужика найду.

Она помахала рукой и, тяжеловато ступая, пошла к корпусам отеля. Даша проводила ее взглядом и побрела к своему месту. Дойдя до лежака, упала на него и лежала неподвижно, пока не услышала голос Максима:

– Даш, ты что? Перекупалась?

– Максим, я не перекупалась, – жалобно сказала она, поднимая на него глаза. – Меня чуть не утопили.

– Что?! Ну-ка поподробней!

И Даша рассказала поподробней. Когда она описывала, как Женечка погружала ее в воду, лицо его изменилось:

– Слушай, она же совершенно сумасшедшая! Она тебя и правда просто так, играючи, чуть не убила!

– Ну, не совсем просто так, – смущаясь, ответила Даша. – Я тебе раньше не рассказывала, но... Видишь ли, ведь это я у нее сумочку... украла.

– Ты?! Зачем?!

– Я видела, как она у Аллы что-то вытащила из ее сумки, когда вы играли в волейбол, и мне стало интересно, что именно. Ну вот, я и взяла ее сумку. Поискала, но тогда ничего особенного не нашла. Не догадалась, что ведь украсть-то можно все, что угодно. В том числе и блеск для губ. Сегодня, когда утром увидела, как Алла мужа целует, я вспомнила, что только она пользуется прозрачным блеском, а у Сонечки и Женечки всегда помада на губах. Вот тюбик-то с блеском Женечка и стащила у Аллы, я его видела у нее в сумке. Я только не понимаю зачем, – призналась Даша. – И как она меня вычислила?

– Ну, вычислить тебя, положим, было нетрудно, – усмехнулся Максим. – Когда ты мне сок притащила, вид у тебя был такой, как будто ты пару трупов припрятала за кустами. Если я заметил, то Женечка и подавно могла. Я другого не понимаю: она что, клептоманка?

– Не знаю, – пожала плечами Даша. – Да, наверное. А что, клептоманы бывают вот такими агрессивными?

– Понятия не имею. И вообще, меня больше интересует, кто к тебе ночью ломился.

– Знаешь, Максим, честно говоря, меня интересует и первое, и второе. Потому что я ее теперь боюсь. Ты просто не видел, как она улыбалась. Понимаешь, у нее вид был такой... Совершенно невменяемый! Ей большое

удовольствие доставляло то, что она делала. А если она еще раз попробует? Не к охране же мне обращаться! Что я им расскажу?

– Ну, расскажешь правду, как она тебя топила.

– Угу. А Женечка скажет, что я свихнулась на почве смерти моей подруги. Или что она просто со мной играла. Правда, нас еще Инна видела, но даже она не поняла толком, что происходит. Мне кажется, скорее почувствовала неладное. Так что обращение к охране мне ничего не даст. Ну и потом, даже если мне и поверят, ко мне охранника приставят, что ли?

– Да, идиотизм какой-то получается. Знаешь что... Давай-ка ты далеко от меня не отходи больше. Представим, что я твоя охрана и есть.

Максим напряг бицепсы и втянул живот. Даша рассмеялась, но на самом деле ей было не до смеха.

– Хотя... – Он расслабился. – Может быть, это просто совпадение. В том смысле, что Женечка, конечно, хотела тебя попугать, а вот ночью просто кто-то напился и безобразничал. По-моему, наиболее правдоподобное объяснение твоего ночного кошмара. Так что не бери в голову.

Даша молча кивнула, подумав про себя, что совпадений получается слишком много. Вчера – эта женщина в платке, ночью – кто-то за дверью, сейчас – Женечка. Один раз – случайность, два раза – совпадение, три раза – закономерность, говорил ее папа. Наблюдалась закономерность, что пугало Дашу гораздо больше, чем ненормальная Женечка.

– Мне кажется, Максим, – сказала она неохотно, – что все происшествия как-то связаны со смертью Алины. Только я не понимаю, каким образом.

– Господи, Дашка! – Он наклонился и обнял ее за плечи. – Ну все, выкинь ерунду из головы! Ты ведь очень впечатлительная, тебя ее смерть привела в такое состояние, что теперь ты везде видишь убийства или что-то страшное. Совершенно уверен, что ночью к тебе ломился обычный пьяный придурок, кто-нибудь из компании Василь Семеныча. И Женечка больше не будет на тебя покушаться, у нее был временный сдвиг по фазе. Забудь. Мы уже скоро уезжаем, так что наслаждайся отдыхом, пока есть такая возможность. Хорошо?

Тяжелая рука на ее плече привела Дашу в состояние легкой эйфории, и ей сразу захотелось с ним согласиться и забыть обо всем случившемся.

– Ладно, отдыхай, а я пойду в волейбол поиграю. Ты не против?

Даша была бы сейчас не против, даже если бы он предложил сам ее утопить. Но оставшись одна, задумалась.

Раз Женечка воровка, то вполне могла стащить кольцо у Алины, а

сегодняшний случай показал, что она вполне способна и на убийство. Правда, оставался открытым все тот же вопрос: как удалось Женечке дотащить тело до ванны и положить туда? «А потом, – возразил молчавший до этого внутренний голос, – не факт, что она хотела тебя убить». Может быть, Максим прав, и то «купание» – просто такая маленькая женская месть?

Вспомнив подробности «маленькой женской мести», Даша поежилась. И стеклышко осталось на дне, неожиданно вспомнила она и окончательно расстроилась. Нервное возбуждение, вызванное общением с Максимом, спало, и она почувствовала себя невероятно усталой.

– Господи, скорее бы уехать отсюда! – произнесла она вслух.

А в следующую секунду встретилась глазами с сидевшим неподалеку итальянцем, другом той самой девушки, которая в тот день, вскоре после приезда, так ловко раскидала компанию Василь Семеныча. Итальянец пристально посмотрел на нее и отвел взгляд; а через полминуты улегся на спину и закрыл лицо кепкой. Даша, не сводившая с него глаз, сначала даже не поняла, что ей показалось таким знакомым. И только прочитав знакомые буквы «ITALY» на кепке, вспомнила. Именно он лежал рядом с ней, когда она рассказывала Женечке и Сонечке о приезде полиции, и он же смотрел ей в спину, когда она сидела в столовой. Теперь Даша была совершенно уверена, что парень с кличкой Бампер и его безымянный приятель здесь ни при чем.

К парню подошла девушка, звонко хлопнула его по животу, он вскочил и что-то недовольно произнес по-итальянски. Даша прислушалась. Она не знала итальянского языка и не могла определить, говорит ли парень с акцентом. К тому же, если акцент и есть, это ничего не значит. Парень прибавил несколько слов, девушка бросила на Дашу быстрый взгляд, и ту словно кольнуло. Поднявшись с лежака, Даша подошла к парочке и под недоуменными взглядами сказала по-русски:

– Знаете, если хотите, я сама вам могу все рассказать. Правда, он, – Даша кивнула головой в сторону парня, – все уже слышал, но информацию лучше получать из первых уст. Меня пыталась утопить девушка, которую зовут Женечка. Мне кажется, что она не совсем нормальная. Да, забыла сказать: женщину, которая жила со мной в одной комнате, убили. Это был вовсе не несчастный случай. Хотя я не исключаю, что вам известно об этом лучше меня.

Даша выдохлась и замолчала. Две пары темно-карих, почти черных глаз с удивлением смотрели на нее. На секунду в ее голове возникла мысль, что она ужасно ошиблась и сейчас выставляет себя полной идиоткой, но

даже вечно преследующий ее страх не мог заставить ее вежливо извиниться на английском и отойти. Она была уверена, что ее поняли. Они оба или, может быть, один из них понимал русский.

– До свиданья! – вежливо кивнула Даша. – Если захотите увеличить словарный запас, милости прошу.

Она повернулась и пошла обратно к своему лежаку, ощущая, как ей смотрят в спину. Черт возьми, что здесь происходит? Кто-нибудь ей объяснит, что такое здесь происходит?

Соня втащила упирающуюся Женечку за руку в номер и захлопнула дверь. Женечка привалилась к стене, и лицо ее расплылось в странноватой улыбке. Не выдержав, Соня размахнулась и со всей силы ударила Женечку по щеке раскрытой ладонью. Раздался звонкий шлепок, лицо Женечки перекосилось, и она захныкала, прижимая руку к левой щеке.

– Зачем... зачем ты... – всхлипывала Женечка, опускаясь на пол. – Я ничего такого не сделала...

Соня взяла ее за шкуру и протащила до кровати. Женечка слабо перебирала ногами, и пару раз Соня со злости чуть не пнула ее.

– Лежи здесь, – приказала она, шаря в ящике с лекарствами.

Позади нее плаксивый голос Женечки продолжал что-то бормотать.

– Заткнись, дура! – прикрикнула на нее Сонечка. – Совсем с ума сошла?! Все Евгению Андреевичу расскажу, когда вернемся, все!

– Не надо рассказывать! – вскочила Женечка и тут же получила вторую пощечину, на этот раз по другой щеке.

– Ты что, думаешь, я не видела, что ты там вытворяла? – прошипела Сонечка, стараясь сдержаться и не заорать на весь номер. – Девица, которую ты чуть не утопила, наверняка уже заявление пишет в полицию! Тебя в камеру посадят, понятно? Турецкой камеры захотелось, да?

Она проворно высыпала несколько таблеток из пузырька себе в ладонь и сунула Женечке под нос вместе со стаканом воды. Та беспрекословно проглотила таблетки, запила глотком воды и откинулась на кровать.

– Ничего она не напишет, – через пару минут сказала Женечка совсем другим, расслабленным голосом. – Подумаешь, в море поиграли... Она плохо плавает, так что сама виновата.

Соня смотрела на нее, обдумывая, не маловато ли было двух пощечин. Словно уловив ее намерение, подруга отодвинулась подальше и потянула на себя одеяло. Но Соня уже отошла, и жалкий Женечкин вид даже слегка растрогал ее. Она походила по комнате, подумала, что делать дальше, и решила, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Да и пора бы уже привыкнуть к Женечкиным фокусам. В конце концов она сама тоже

виновата: расслабилась, отпустила ее плавать одну. Нет, рассказывать Евгению Андреевичу о происшествии было не в Сониных интересах, поскольку он немедленно поинтересовался бы, где же находилась в то время сама Сонечка.

– Ладно, не буду ничего говорить, так и быть, – примирительно сказала она, косясь на угол кровати, где Женечка куталась в одеяло.

– Честно не скажешь? – выглянула та.

– Нет, если прекратишь свои фокусы, – строго сказала Соня. – Еще неизвестно, чем твои сегодняшние выкрутасы закончатся.

Пропустив вторую фразу мимо ушей, обрадованная Женечка кинулась целоваться, и Соня со смехом начала отбиваться от подруги.

– Душка моя, подружка моя любимая, – приговаривала Женечка, стараясь чмокнуть Соню то в лоб, то в щеки. – Всегда тебя буду слушаться, сердиться ни на кого не буду и платок тебе свой подарю!

Она кинулась к чемодану и принялась перерывать вещи, пытаясь найти искомый платок. Соня с улыбкой смотрела на нее, и только легкое беспокойство омрачало ставшее опять безоблачным настроение. «Пойдет Даша писать заявление в полицию или нет? Неужели все-таки пойдет? И что же тогда мне делать?»

Глава 13

После ужина Даша стояла в холле и рассматривала фотографии, вывешенные на стенде. Оказывается, рафтинг снимали, а она и не заметила. Интересно, подумала она, а где же прятался фотограф? На одном из снимков их плот летел прямо на него, поднимая тучи брызг. Кричащий что-то Ариф, сосредоточенные Борис с Никитой, Женечка с ее неизменной улыбкой, от которой Дашу передернуло, Алла с расширенными глазами, смотрящая прямо в объектив... И позади всех – Даша с Алиной. С живой Алиной, сидящей с немного скучающим видом, повернув голову на тонкой шее вполоборота к фотографу. У самой Даши был совершенно щенячий вид, а встрепанные волосы выбились из-под кепки.

Но себя она не стала разглядывать. Живая Алина сидела вполоборота, изучая что-то на берегу, и Даше показалось, что она смотрит сейчас не на фотографию, а в какое-то зазеркалье, в совершенно другой мир, где всем еще весело, где отдых только начинается, где еще никто не умер. Как ты дала себя убить, спросила она у Алины молча. Кому ты позволила положить тебя в ванну или загнать тебя туда, а потом уж убить? О чем ты думала? Почему ты не сопротивлялась?

Алина смотрела вбок чуть отстраненно, и фотография не передавала необычного цвета ее волос – с серебристым оттенком, очень красивых. Постояв еще немного перед фотографией, Даша стала рассматривать остальные.

Вот Инна с мужем и группой девушек, среди которых и подруга Володи, к которой Даша так ревновала Максима. Вот сам Володя с Максимом – рты у обоих раскрыты, и вид ужасно смешной. Даша улыбнулась. А вот Сонечка наклонилась к парню из компании Василь Семеныча, Олежеку, кажется, и что-то говорит, а он уставился прямо в вырез на ее майке. Даша походила еще перед стендом, надеясь, что фотографии помогут ей что-нибудь понять, но так ничего путного и не пришло в голову.

Тогда она уселась на диванчике и снова начала листать Алинину книжку. Она постоянно носила ее с собой (сейчас, переодеваясь после пляжа, положила блокнот в карман сарафана). Время от времени перелистывала. Или просматривала листочки, на которых Алина писала заявление. Почему-то Даше казалось, что она чего-то не заметила в блокнотике, а если будет часто его доставать, то в конце концов ее осенит и

она поймет, причем все и сразу. Даша отдавала себе отчет в том, что просмотрела книжку полностью, уже выучила наизусть и рецепт, начинающийся словами «взять восемь трюфелей», и даже текст на вырванных страничках. Но все равно вновь и вновь просматривала записи. «Я так медитирую, – оправдывалась она сама перед собой, неторопливо листая маленькие странички. – Могу я медитировать? Ну вот».

За обедом Максим попытался взять у нее книжку, но Даша не отдала. Она сама не понимала, почему бы не дать ему посмотреть записи. Это шло вразрез с ее идеей найти в них что-нибудь незамеченное, ведь то, что не увидела она, вполне мог увидеть кто-то другой. И все-таки она отказалась, и он удивленно, даже, как ей показалось, немного обиженно отступился.

На самом деле причина заключалась вот в чем: книжка была единственным, что осталось у нее от Алины. За время их короткого общения спутница успела неоднократно подпортить Даше настроение, была жестока и эгоистична, и все же... Даше ее не хватало. Не хватало ее уверенности в себе, способности решить за две минуты любую сложную ситуацию или спокойно принять ее. И маленькая записная книжка, лежащая в кармане, казалась Даше невидимым якорем, соединявшим ее с Алиной, потому что была такая же, как Алина, – красивая, дорогая и совершенно непонятная. Даша не могла толком объяснить свои чувства даже себе. Она просто поглаживала пальцем по мягкой кожаной обложке, и ей становилось немного... спокойнее, что ли. Да, спокойнее.

Сейчас Даша опять листала блокнотик. В номер ей не хотелось подниматься, и она ждала Максима, о чем-то спорившего около столовой с группой парней с Володей во главе, чтобы деликатно выпросить у него их планы на вечер. «Ага, уже „ваши планы“, – прорезался внутренний голос. – Может, у него свои собственные планы!» А вот и выясним, парировала Даша и тут заметила направляющуюся к ней компанию.

Маша, Лева, Никита и Борис с Аллой.

Оживленно переговариваясь, они подошли к фотографиям, внимательно рассмотрели их и стали обсуждать, сколько и кому снимков следует заказать.

– Пойдемте за столик сядем! – предложил Лева, и все дружно направились к Дашиным диванам.

Поздоровавшись с ней, они начали записывать, кто какие фотографии хочет взять. Больше всего снимков нужно было Борису, который собирался послать их пяти друзьям и четырнадцати родственникам. Алла попросила себе только один, Никита ограничился тремя.

– Даша, а вы не хотите заказать фотографию? – спросила Маша.

– Хочу, – призналась Даша. – А сколько они стоят?

Маша назвала сумму, и Даша, прикинув предстоящие еще расходы, решила, что может себе позволить такую трату.

– Хорошо, сделайте мне одну, пожалуйста, – попросила она.

И тут Никита, внимательно смотревший на Алинину записную книжку в ее руке, потянулся к ней со словами:

– Позвольте посмотреть?

Он уже почти взялся за блокнот, когда Даша, возмущенная такой бесцеремонностью и некстати вспомнившая про выхваченные им у нее из-под носа баклажаны, дернула ее на себя. Никита выпустил блокнотик, но и Даша не удержала его в руке, он выскользнул из пальцев и, раскрывшись, упал на пол. Листочки рассыпались, пакетик из-под Алининого кольца выпал, а кожаная обложка испачкалась. Сердито взглянув на Никиту, Даша уселась на корточки и принялась собирать все вместе. Собрала, отряхнула и положила в кармашек сарафана.

– Тебе что, жалко, что ли? – весело поинтересовался Никита.

– Ты сначала разрешения спрашивай, а потом уже хватайся, – хохотнул Борис.

– Да чего такого, обычный блокнот. Я его уже видел где-то, но не могу вспомнить где.

– Вы его видели у Алины, – сухо обронила Даша, снова перейдя на «вы». – Это ее блокнотик. И Борис прав, разрешение надо спрашивать.

– А почему вы так смело распоряжаетесь чужой вещью? – прищурился на нее Никита. – Вам Алина подарила ее, что ли?

– Завещала, – кратко ответила Даша и с удовлетворением отметила: Никита не нашелся что сказать. Она уже собралась сходить за Максимом – сколько же можно болтать? – но тут вспомнила, что хотела спросить у гидов.

– Маша, скажите, пожалуйста, а что стало с Алиниными вещами? – повернулась Даша к девушке.

Та переглянулась слевой и спросила:

– Простите, вы просто из любопытства спрашиваете?

– Не просто! – разозлилась Даша. Сколько можно ее подозревать?! Вчера администратор заподозрила, что она сама себе какой-то гадости напихала в замочную скважину, сегодня, похоже, Максим не вполне поверил ее рассказу про Женечку. Да что ж такое?! – Я спрашиваю, потому что Алина купила себе здесь хорошее кольцо, и вообще у нее украшений было достаточно много. Конечно, они были не очень дорогие, – она покосилась на Аллу, – но все-таки. Вот я и хотела узнать, куда это все

делось? И вообще, кто-нибудь делал, например, перечень ее вещей?

– Не знаю, – пожалала плечами Маша. – Что касается того, куда их отправили, то должны были в Питер, к какому-то ее родственнику, так же, как и тело. А вот перечень... Вы боитесь, что драгоценности украли? – напрямик спросила она.

– Ну, не то чтобы боюсь, – уклончиво ответила Даша, – но мне хотелось бы поточнее знать.

– Так чего ж вы у нас спрашиваете, если можете поинтересоваться у человека, который точно знает? – вступил Лева.

– А кто точно знает? – обернулась к нему Даша. – Администратор?

– Да нет, при чем здесь администратор... Муж ее бывший знает, он и занимался всем.

– Какой муж? – опешила Даша. – Алинин?

– Ну, Алинин, конечно, чей же еще? Бывший муж ее пришел после несчастного случая, показал документы, подтверждающие, что они были женаты, вызвался помочь. Хозяин отеля как-то вопрос решил, и мы так поняли, что он и вещи разбирал, и с родственником созванивался, с дядей, что ли.

– Так, а где он сейчас, тот бывший? – заторопилась Даша. – Еще не уехал?

Маша и Лева смотрели на нее как-то странно, и она вдруг ощутила, что сейчас услышит нечто, чего ей совершенно не хотелось бы услышать. Гиды переглянулись, и внезапно испугавшаяся Даша хотела сказать им, чтобы они замолчали, чтобы ничего не говорили, не объясняли... Но было поздно.

– Так вон же он стоит, около столовой, – показала Маша, – тот парень худой. Да вы его знаете прекрасно, вы же обедаете вместе. Ну, Максим!

Даша перевела на нее изумленный взгляд. Затем, не произнеся ни слова, развернулась и пошла к выходу, слышала за спиной обрывки фраз возобновившегося разговора: «как, это бывший...», «то ли пять, то ли три...», «все хлопоты... звонил».

Когда она подходила к столовой, охранник сунулся было к ней, чтобы что-то спросить, но, наткнувшись на ее взгляд, передумал. Максим стоял около дверей, окруженный большой компанией, и горячо обсуждал последнюю игру.

– Так ты ее муж, – сказала Даша, не повышая голоса, встав за его спиной.

Он замолчал и обернулся.

– Ты ее муж, – повторила Даша. – Мне следовало бы раньше

догадаться.

Компания притихла и заинтересованно смотрела на них. Кто-то попытался пошутить, но быстро смолк: было непохоже, что перед ними разыгрывается обычная история отдыхающих – соблазнение невинной девушки женатым негодяем.

– Да вы что? Он же не женат, – вмешался было Володя.

Но Даша даже не взглянула на него. Она смотрела прямо на Максима.

– Это ты сделал, правда? – Она не спрашивала, а уточняла. – Это ты все сделал. Я только одного не понимаю – зачем же тебе я?

Она сделала несколько шагов назад, не отводя от него взгляда, повернулась спиной и пошла в сторону моря. Стоявшие рядом расступились перед ней. Даша шла на берег, а позади нее висело тяжелое, нехорошее молчание, плотное, как пыльные портьеры в номерах отеля.

Скорей, скорей, торопило ее что-то, иди быстрее, подальше от их взглядов и тишины за спиной. «Поедем к морю, посидишь на берегу, все пройдет», – говорила мама, когда в детстве она заходила в удушающем приступе кашля, от которого под глазами сразу же пролегали синие полукружья. И на юге она с самого утра бежала к морю, в детской надежде посидеть около него, чтобы все прошло. Все проходило. Мама вылечила ее поездками к морю, которое оставляло ее, в общем-то, равнодушной, потому что озеро в любимом Бабушкине было гораздо интереснее. Но помогло все-таки море, а не озеро.

«Я сейчас там посижу, и все пройдет», – сказала себе Даша. Ей не хотелось плакать, не хотелось кричать. Ей не хотелось ничего. Все, что было непонятно, что напоминало о себе тихим нашептыванием где-то под самыми тайными мыслями, все прояснилось, и стало удивительно, как Даша не поняла раньше. Ведь Алина сказала же ей почти прямым текстом...

– Даша! Даша, стой!

Максим догнал ее, запыхавшись. Оказывается, она шла достаточно быстро.

– Даша, я хочу тебе все объяснить... Черт, неудачная фраза, дело не в объяснении, просто... Даша, я тебе раньше ничего не говорил, потому что... Послушай меня, пожалуйста!

Она обернулась к нему.

– И почему же ты раньше ничего не говорил? – спокойно спросила она. – А ведь у тебя была масса возможностей. Знаешь, я абсолютно уверена: если бы мне гиды сейчас не сказали, что ты ее бывший муж, то я так бы и не узнала об этом никогда. Хотя вообще-то мне следовало раньше

догадаться, потому что Алина мне сама все сказала. Вы так старательно делали вид, что друг с другом незнакомы! Но в то утро, когда ее убили, она накричала на меня и назвала тебя юристом-самоучкой. Она не могла знать такой подробности из твоей биографии, если только вы не были хорошо знакомы, правда? Ты мне рассказывал, что у тебя нет юридического образования! Так какого же черта оба вы притворялись все время?!

Она перешла на крик, и проходящая мимо них пожилая пара обернулась. «Успокойся, – сказала себе Даша, – на тебя обращают внимание...» Да мне плевать, закричал кто-то внутри, я одного не понимаю, зачем все это было нужно?!

– Я одного не понимаю, – выдохнула она, – зачем все это было нужно?! Вот вся эта ваша игра. Вы так остроту потерянных ощущений возвращали, что ли?! Ну да, такие милые ролевые игры... А после смерти-то ее ты с кем продолжал играть?

– Я не играл, – негромко ответил он. – Ты все не так поняла. Пожалуйста, сядь, мне тяжело разговаривать стоя.

– Мне плевать, тяжело тебе или нет. Если не хочешь, можешь и не разговаривать. Без твоих объяснений все ясно!

– Да ничего тебе не ясно, – поморщился он. – Даша, послушай... Когда мы развелись с Алиной три года назад, мы расстались очень плохо. У нас был не цивилизованный развод, а сплошные джунгли и пожирание противника. Мы не то что общаться потом, но даже видеть друг друга не могли – когда на улице встречались, то на разные стороны дороги переходили. Сейчас все кажется смешным и... детским лепетом каким-то, а тогда было довольно тяжело. В конце концов Алина уехала в Москву, а я остался в Питере. И ничего не знал о ней все это время. И не хотел знать! И когда увидел ее в «Сафире», я просто обалдел, понимаешь?! Клянусь тебе, я понятия не имел, что она будет тут отдыхать, это просто совпадение, редчайшее совпадение! И я даже хотел с ней заговорить, хотя мы еще за два месяца до развода перестали разговаривать, но она сделала вид, что мы незнакомы. Ты помнишь, она предложила мне представиться? Ну, вспомни же, ты ведь стояла рядом! А я еще ответил, что для нас это необязательно... Конечно, необязательно, если мы в браке прожили три года!

– А потом?

– А потом все продолжалось точно так же. Она упорно делала вид, что видит меня первый раз в жизни. Полагаю, я был ей еще более неприятен, чем она мне. А может, она просто играла в такую странную игру... сейчас уже не узнаешь. Я хотел с ней поговорить, видел же, что она всякие гадости тебе рассказывает обо мне, но потом понял, что не стоит. Говорить

со мной она все равно бы отказалась, а так в общении с тобой была связана собственной выдумкой – нельзя ведь говорить много всего нехорошего про постороннего человека. А рассказывать тебе, что я ее бывший муж, она бы уже не стала.

– Ну ладно, – согласилась Даша, – даже если допустить, что все это странное совпадение и Алинина выдумка, то почему ты потом мне обо всем не рассказал? Почему ты молчал после ее смерти, вот чего я не могу понять!

Максим опустил голову прямо на траву, и у Даши мелькнула мысль, что на брюках останется след.

– Потому что я дурак! – сказал он, глядя на закат. – Я собирался, но когда ты сказала, что ее убили, и рассказала, как именно... Ты на всех вокруг так смотрела, будто каждый мог быть убийцей, что было, в общем-то, правильно, но мне совершенно не хотелось, чтобы ты так же смотрела и на меня. Ты была такой... беззащитной, что ли...

– И тебе ужасно захотелось меня защитить! – зло процедила Даша.

– Да, мне ужасно захотелось тебя защитить, – кивнул он, не обращая внимания на ее тон. – Но я понимал, что если ты будешь подозревать и меня тоже, даже сама того не желая, то ничего у нас с тобой не получится. Потому и промолчал. Теперь-то понимаю, что поступил абсолютно неправильно, в результате ведь получилось гораздо хуже, чем могло бы быть. Я ошибся. Но я не собирался обманывать тебя специально! В конце концов, если бы хотел обмануть, то не стал бы говорить кому-то, что она моя бывшая жена, и заниматься ее вещами, и звонить дяде Валере, который, между прочим, живет со мной на одной улице, в соседнем доме. Я бы просто промолчал. Все равно ведь никакого расследования не было, паспортов никто не проверял. Но даже если проверили... Подумаешь, отметка о разводе!

Он говорил так убедительно, что Даше очень хотелось ему поверить. Но было еще кое-что. Да, было еще кое-что, из-за чего она не могла сесть рядом с ним на траву, испачкав сарафан, и сказать: бог с ним, со всем этим, давай забудем, я все прекрасно понимаю.

– Тебя не было в тот день на пляже, – тихо сказала она, стараясь не глядеть на Максима.

– Что?

– Тебя не было. То есть ты уходил до ее убийства. И тебя не было на пляже после одиннадцати.

– Дашка, да ты с ума сошла! – изумился он. – Я же рядом с тобой плавал!

– Да, – кивнула она, – вот и я тоже так думала сначала. Ты так подробно расспрашивал меня, где кто был в то время, так пытался заставить меня вспомнить, напрямч зрительную память, как ты говорил, что я не сразу подумала о тебе самом. Но ведь тебя там не было! Ты зашел со мной в воду, а потом я повернула к берегу, потому что устала. Но, понимаешь, выйдя на берег, я стала искать тебя в воде. И не нашла. Я внимательно смотрела, но тебя не было, уверена. Ты ведь плаваешь гораздо лучше меня, вполне мог меня обогнать. Я еще потом сидела на берегу минут пятнадцать или даже больше. В общем, и у тебя было достаточно времени, чтобы дойти до корпуса.

– Ты что несешь? – спросил он, приподнимаясь. – Ты соображаешь, что говоришь?

– Мне казалось почему-то, что убийц должно быть двое: мужчина и женщина, поэтому я подумала про Никиту с Аллой. Но ты ведь сильный. Ты вполне мог дотащить ее тело до ванны и положить туда, правда? И она спокойно открыла бы тебе дверь...

– Дашка, ты что, думаешь, ее убил я? Да зачем?

– Не знаю, – покачала она головой, не отводя от него глаз. – И не хочу знать. Я понимаю, что доказать ничего нельзя. Если и были какие-то улики... Ты ведь занимался вещами, правда?

– Ты все выворачиваешь наизнанку!

Он сделал шаг к ней, но Даша отпрянула.

– Не подходи ко мне! – прошептала она, потому что голос внезапно сел. – Не подходи ко мне! Я не собираюсь никому ничего рассказывать, поэтому не трогай меня!

– Даша, успокойся, не собираюсь я тебя трогать!

Он сделал еще один шаг, и у Даши прорезался голос.

– Не подходи ко мне! – отчаянно выкрикнула она. – Еще шаг сделаешь, начну кричать! Я тебе не Алина!

Она попятилась по аллее, и когда их стало разделять не меньше трех метров, повернулась к морю.

– Дашка! – крикнул он ей в спину.

Ее словно током ударило.

– Не смей называть меня Дашкой! – прошипела она, обернувшись к нему. – Вообще не смей никак меня называть! И не подходи ко мне, понятно? Не подходи ко мне, не то я сама тебя убью.

Он стоял на берегу неподвижно.

Господи, кругом одна ложь, мысленно простонала Даша, одна ложь. Она повернулась и пошла по аллее, сначала медленно, потом быстрее,

быстрее...

Максим сел на корточки и негромко выругался. Надо же было быть таким дураком! И ведь теперь ей ничего не объяснишь и не докажешь – будет шархаться от него, как затравленный заяц. Бедная напуганная девочка...

Он вспомнил Алину – Алину, которую никогда не смог бы назвать бедной напуганной девочкой, ни при каких обстоятельствах. Она словно родилась женщиной – опытной, умной, знающей, чего хочет, и добивающейся желаемого. «Вот только со мной ей не повезло, – хмыкнул Максим. – Хотя она очень старалась. И образовывала, и учила жизни, и пыталась из меня человека сделать, а все впустую. Я еще и сопротивлялся, подшучивал над ней. Вот этого она мне простить и не могла – того, что я, скотина такая, посмел не просто не оценить ее усилия, а еще и посмеяться над ними».

Последний год их брака был самым тяжелым, вспомнилось ему. Алина закатывала истерики, могла целыми днями молчать, обидевшись непонятно на что... И все время пыталась прогнуть его под себя во всем – начиная от выбора рубашек и заканчивая тем, какое мясо купить на ужин. Он все еще любил ее, хотя и понимал, что вместе им не жить. Любил как бы по инерции, и любовь быстро таяла, исчезала. Когда Алина поняла, что он ее разлюбил, то возненавидела всерьез, потому что разлюбить ее, такую красивую, умную, уверенную в себе и образованную, мог только последний мерзавец.

«Вот я и был для тебя последним мерзавцем, – мысленно сказал Максим, обращаясь к бывшей жене. – Ты считала, что сделала меня, вытащила из грязи, а я оплатил тебе черной неблагодарностью – не пожелал быть таким, каким ты хотела меня видеть. Представляю, как страдало твое самолюбие.

Знаешь, мне так жалко тебя, что если бы ты была жива, я бы попросил у тебя прощения. Зря я не сделал этого раньше».

Он вздохнул, поднялся с гальки, отряхнул шорты и медленно побрел к отелю.

* * *

Даша сидела на берегу уже час. Солнце село, но небо над морем было еще подсвечено розоватым и малиновым. Выше, там, где нежные золотистые облака таяли в голубом, глубоком небе, летел самолет, завивая

за собой белую шерстяную ниточку. Ниточка исчезла в облаке, а через несколько минут появилась с другой стороны. Кончик ее уже расплывался, сливаясь понемногу с облаками, но за самолетом и между облаков она была еще прочная, и Даша внимательно смотрела на нее, думая, что можно было бы связать из следа от самолета... Рубашку для ветра?

До нее доносились голоса отдыхающих и музыка, но на берегу почти никого не было. Какая-то пара плескалась в отдалении, слышался сдержанный смех, тихий мужской голос, но Даша не смотрела в ту сторону. Еще чуть-чуть, и она уедет отсюда. И все Борисы, Аллы, Никиты, Женечки, Максимы забудутся, как страшный сон. «И я тоже?» – спросила Алина. «И ты тоже, – ответила Даша. – Ты меня обманула. Ты позволила себя убить. Я хочу всех вас забыть и больше никогда не вспоминать. Я вернусь в Москву, устроюсь на новую работу, мне будут платить много денег, и отдыхать я буду ездить в Норвегию. Или в Ирландию. Или в Шотландию. Там море совсем другое – холодное, сдержанное, ничего общего с этим теплым и расслабляющим. И поэтому мне ничто не будет напоминать ни о тебе, ни о твоём бывшем муже».

Сзади послышался шорох. Даша обернулась, но никого не увидела. И все же немедленно вскочила и осторожно направилась к аллее. Она не знала, чего можно ожидать от Максима, и рисковать ей не хотелось. Вспомнила, что большинство отдыхающих должны быть на танцполе, радоваться какому-то представлению с участием известных турецких исполнителей – известных в Турции, конечно, – и поэтому вокруг не так уж много народу, чтобы помочь ей «в случае чего».

Она тихо шла по аллее, не зная, чем заняться дальше. Присоединиться к отдыхающим и веселиться она не могла. Возвращаться в номер было не то что страшновато, но как-то... в общем, не хотелось. Оставалось усесться на скамеечку и смотреть на море издалека, что Даша и сделала.

На соседней скамейке, в десяти метрах от нее, какая-то пара сидела в обнимку, и до Даши доносился негромкий разговор, только она никак не могла понять, на каком языке. Прислушалась... нет, не русский. Ну что ж, вот и хорошо. Почему-то находиться рядом с соотечественниками ей не хотелось.

– Ну и что же мне теперь делать? – повторила она вслух. – Как я буду жить здесь оставшееся время? Если буду, конечно, – уточнила Даша. – И что еще придет ему в голову?

Тут она заметила, что с соседней скамейки к ней повернулись две головы, и спросила уже у них:

– Вы не знаете, что мне теперь делать?

И наткнулась на знакомый взгляд почти черных глаз.

Даша вздрогнула и присмотрелась. Фонарь стоял далеко, света было мало, но его хватило, чтобы разглядеть смуглых итальянцев, смотревших на нее со странным выражением. Даша вскочила со скамейки. Парень остался сидеть, но девушка тоже поднялась и теперь стояла напротив Даши.

– Что вам нужно? – испуганно спросила Даша.

Девушка стояла молча. Потом перевела взгляд на парня, но тот покачал головой. Этот их безмолвный обмен мнениями Даше очень не понравился. Девушка кивнула и сделала шаг в сторону Даши, но парень схватил ее за руку и удержал. Продолжения Даша дожидаться не стала: отпрянув, как испуганный олень, она бросилась бежать в сторону отеля. Навстречу ей шарахнулась какая-то тень из кустов, Даша вскрикнула, но запах перегара успокоил ее: просто встретился очередной перепивший отдыхающий. Обойдя его далеко по дуге, она торопливо, почти бегом дошла до конца аллеи, время от времени оборачиваясь, чтобы проверить, не идет ли за ней кто-нибудь. На аллее никого не было. Дойдя до конца, Даша остановилась.

Музыка здесь была слышна очень хорошо, и веселые, бодрые напевы слегка привели ее в себя. Но сейчас мысль о том, что можно будет пойти туда и танцевать вместе со всеми или просто слушать певцов, была еще более неприемлемой, чем полчаса назад. «Посижу в холле, пока не начну клевать носом, – решила Даша, – а потом поднимусь в номер и сразу усну. Проснусь – а уже утро. Потом день закончится, и на следующее утро отъезд. Осталось не так уж и много».

Совершенно не представляя себе, как она протянет это «не так уж и много», Даша медленно и осторожно, поглядывая вокруг, двинулась в сторону главного корпуса. Никого не было, но здесь освещение было ярким, и она почти не боялась. Даша дошла до груды сложенных лежаков, брошенных около бассейна, и опять остановилась.

Синяя прозрачная вода бассейна, подсвеченная снизу, казалась волшебной. Даша посмотрела в неподвижную синеву, неожиданно разбежалась и прыгнула вниз головой.

Вода оказалась теплой, нежной, ласкающей. Сарафан в одно мгновение намок и стал мешаться между ног, и было совершенно непонятно, как она будет возвращаться в номер в таком виде, но Даша не задумывалась над этим. Она быстро плыла под водой, и ее волосы колыхались вокруг лица. Даша пересекла весь бассейн из конца в конец и вынырнула, держась за лесенку. Отдышалась, перевернулась на спину и поплыла обратно уже на спине. Вода словно забирала из нее весь страх, все

тревоги последних дней, всю горечь. Мысли уходили из тяжелой головы, вымывались прозрачной водой, и Даша ощущала себя такой же прозрачной. Чуть не ударившись затылком о стенку, она перевернулась и выбралась из бассейна.

На воздухе мокрый сарафан облепил тело и стал неприятно холодить, но Даша пока не собиралась возвращаться. Может быть, снять его? Нет, не стоит, совсем уж неприлично. Еще не хватало плавать ночью голышом! Вдруг еще кто-нибудь пожелает насладиться ночным купанием? Уж лучше на такой случай быть в сарафане, чем вовсе без него.

Постояв на краю бассейна и окончательно замерзнув, она опять разбежалась и нырнула. Теперь она плыла медленно, с интересом рассматривая узор на плитке под собой. Несколько раз она изогнулась то вправо, то влево, изучая причудливые трещинки, один раз подняла со дна маленький камешек, вынырнула. Даша опять уцепилась за лесенку, но решила из воды не вылезать, чтобы не замерзнуть. Постояла на ступеньке, глубоко вдохнула и нырнула опять.

На сей раз воздуха хватило ненадолго. Уже к середине бассейна она устала. Повернув вправо, Даша по боковой лесенке подтянулась и, глотнув воздуха, сразу же опустилась на дно – хотела проверить, что так странно блеснуло темным под отколотой плиткой недалеко от стены. «Вдруг я найду драгоценность? Главное, чтобы опять не появилась Женечка», – усмехнулась она.

Даша ощупала рукой заинтересовавшую ее вещицу, но тут же опять выскочила на поверхность. Глубоко... Но что же там такое на дне? Что-то небольшое, округлое, посверкивающее в свете подводных прожекторов. И чем-то прикрепленное. Подышав, она снова нырнула и, торопливо раздвигая воду руками, спустилась к темному пятну на плитке. Взясась за это темное, потянула на себя, еще немного сильнее... и наконец что-то на дне поддалось и осталось у Даши в руке. Зажимая скользкий предмет, похожий по ощущениям на небольшую круглую стекляшку, она стрелой вылетела из воды и стала жадно дышать. Потом, держа находку в кулаке и гребя одной рукой, доплыла до лестницы и, усевшись в воде на ступеньку, разжала кулак.

Драгоценность.

На Дашиной ладони, матово поблескивая в свете ночных фонарей, лежал черный опал.

Дурацкий бульжник, подаренный Никитой, Алла таскала постоянно, отчего Борис чувствовал нарастающее раздражение. Ну раз надела, ну два... но не носить же его постоянно. Нацепила на праздник, покрасовалась – и хватит. Но когда он прямо так и сказал ей, жена даже слушать не стала – просто повернулась спиной и ушла. Стерва!

Да и Никита хорош – во всем потакает его супруге. Захотелось Алле скататься в Москву на выходные – повез, и Борису пришлось тащиться с ними. Захотелось полететь в Прагу – купил им с Борисом билеты, потому что сам Борис в жизни бы на такую ерунду раскошелиться не стал. Во-первых, и так с деньгами не густо, а во-вторых, сдалась ему та Прага! Впрочем, он неплохо провел там время, потому что пиво в Чехии оказалось приличное. Ради пива вполне можно было туда смотаться, тем более на деньги брата.

Но это еще были относительно безобидные капризы, хотя и их Борис совершенно не одобрял. Вот когда Алла вздумала поменять их квартиру, он уперся, как бык. Ну подумаешь, проложили рядом новую трассу... Жене шум машин мешает спать по ночам? Ее проблемы! Чего проще: заткнул уши затычками – и никаких посторонних шумов. Он же приспособился. И родители так спали последние два года, потому что с возрастом заимели бессонницу – и ничего, не жаловались. То есть жаловались, конечно, но Борис на их нытье не обращал внимания.

Так что с квартирой ее эти штучки не прошли бы. Если бы супруга опять не заполучила себе в союзники Никиту.

– Слушай, Борька, – сказал Никита, вызвав брата в свой кабинет. – Я тебе дам денег на переезд. У вас и в самом деле квартира старая, место стало нехорошее. А Алла нормальный дом присмотрела, новый. Короче, продавай бабушкину квартиру.

Борис подумал пару секунд, быстро подсчитывая выгоды от предложения. С одной стороны, Никита давал деньги. С другой стороны, их полностью съест переезд и покупка новой квартиры, так что Борису ничего не достанется. Да еще прибавится нервотрепка, сидение на чемоданах и прочие прелести смены квартиры... Нет, в Никитином предложении минусов явно просматривалось больше, чем плюсов.

– Не, Никит, не поеду, – мотнул головой Борис. – Алка с жиру бесится, а ты ей потакаешь. А если ей новая квартира надоеет через пару месяцев, ты на следующую деньги дашь? Нечего ерундой заниматься, и кончен разговор. Лучше скажи, что за проблемы с поставщиком?

Но перевести разговор на поставщика не получилось. Никита подумал, посмотрел на Бориса и сказал:

– Боря, я тебе сказал – переезжай, вот и переезжай. И не фигура кобениться! Радуйся, что я тебе бабки отстегиваю.

Борис опешил. Материальную помощь от Никиты он воспринимал как нечто само собой разумеющееся, поскольку Никита богаче. Это было справедливо. Если бы не родители, заставившие Бориса заниматься не пойми чем, какой-то дурацкой наукой, то и он бы смог делать свой бизнес, да получше Никиты. И то, что брат пытается навязать ему свое решение, еще и упоминая о деньгах, неприятно поразило Бориса.

– Знаешь что, – набычился он. – Ты мне тут не указывай, что я должен делать, а что нет. Со своей женой и квартирой я как-нибудь сам разберусь, понял? Если будет разговор по делу, тогда вызовешь.

Он повернулся и вышел из кабинета, весь красный от ярости. Ишь ты, бабки он ему отстегивает! Получается, что Никита кинул пачку купюр – и сидит, ничего не делает, а ему, Борису, пахать на переезд. Нет уж, не дождетесь!

Никита вызвал его к себе ровно через час. Борис думал, что речь опять пойдет о квартире, и приготовился послать брата всерьез и надолго. Но Никита разложил перед ним какие-то листы со схемами.

– Я проанализировал работу твоего отдела за последний месяц, – сухо пояснил Никита, водя ручкой по схеме. – Эти две новые линии мы запустили, а «Чебурашку» сняли пока с производства, хотя только начали его вводить. Помнишь, почему?

Борис угрюмо молчал. Провал с «Чебурашкой» был отчасти на его совести, потому что именно он уверил Никиту в том, что маленькие складные кровати будут покупаться, как горячие пирожки, и даже привел в обоснование какие-то собственные исследования рынка. Но «Чебурашки» лежали в магазинах невостребованные, потому что точно такие же кровати, только в два раза дешевле, поставлял их крупнейший конкурент, здоровенный мебельный завод. Покупателям было все равно, насколько качественная древесина шла на изготовление кроваток, – они предпочитали выиграть в цене, и выигрывали.

– Вижу, что помнишь, – кивнул Никита. – Так вот, поскольку с «Чебурашкой» твой личный просчет, премия тебе за месяц не выплачивается.

Борис посмотрел на брата, не веря своим ушам. Каждый специалист в их фирме сидел на маленьком окладе и большой премии, и еще не было случая, чтобы премию не выплатили. Премией-то она называлась только потому, что так было нужно для бухгалтерского отчета, но на самом деле являлась частью зарплаты. И вот ее – весьма ощутимой суммы! – Никита

собирался его лишить.

– Ты охренел? – выдохнул Борис. – С какой стати?

– Я тебе показал, с какой, – прошипел Никита. – А будешь так со мной разговаривать – уволю к чертовой матери, и иди работай в своем сраном институте. Инициативу вздумал проявлять? Порулить процессом захотел? Проявляй ее в другом месте, где она больше пригодится. Вот тогда я еще подумаю насчет твоей премии. Проваливай с глаз моих, к такой-то матери!

Борис вылетел из кабинета как ошпаренный, а потом долго и нервно глотал горячий чай в буфете, заедая его безвкусным творожным пирогом. Они с Аллой переехали в новую квартиру через три месяца.

Но Борис не простил переезда ни жене, ни брату. В новом доме, к его большому удовольствию, у них оказались очень шумные соседи, и он не упустил случая подколоть Аллу. Когда та ворочалась в постели, затыкая уши от громкой музыки, долбившей из квартиры с отвязными подростками, Борис нарочито громко похрапывал, выводя Аллу из себя. На залиvistый лай собак под окнами Борис реагировал замечанием: «А вот в бабушкином дворе только один кот был, да и тот столетний». Даже включающаяся сигнализация автомашин, звуков которой хватало и в их прежней квартире, заставляла его многозначительно возводить глаза к небу и тяжело вздыхать, всем видом показывая, как хорошо было раньше и как плохо стало сейчас.

Но квартирой дело не закончилось.

Незаметно у них вошло в привычку, что Алла перед любым важным решением советуется не с ним, а с Никитой, а потом уже ставит мужа в известность. Она тратила на себя невероятные, по мнению Бориса, деньги, но когда он попытался урезать ежемесячно выдаваемую жене сумму, Никита ткнул его носом в очередную ошибку, грозящую лишением премии. Борис заскрипел зубами, но согласился спонсировать новую Аллину блажь в виде каких-то необычных процедур, после которых жена должна была помолодеть на пару лет. В результате он все-таки оказался в выигрыше, потому что Никита нежданно-негаданно повысил ему оклад, да и Алла осталась довольна – не могла спокойно пройти мимо зеркала, обязательно посматривала на себя, и на губах мелькала загадочная усмешка. А на шее супруги по-прежнему поблескивал опал, словно отражающий блеск ее глаз.

Когда Никита случайно проговорился, за какие деньги он купил драгоценность, Борис мысленно ахнул. Стоимость, конечно, была не запредельной, но в его представлении отдать столько за паршивую побрякушку мог только ненормальный. Или очень богатый, бездумно швыряющий деньги направо и налево. В общем, как раз такой, как Никита. Иногда по вечерам, поглядывая на опал, который Алла клала на полочку

трюмо возле кровати, Борис представлял себе, что бы он купил, окажись у него на руках такая сумма, и каждый раз решал, что поставил бы половину на какую-нибудь многообещающую лошадь на скачках (на ипподроме он никогда не играл, но ему казалось, что он непременно должен выиграть), а другую половину потратил бы на всякие мелкие удовольствия, вроде посещения ресторанов и казино. А самое главное – ни копейки не дал бы жене, и так высасывающей из него бабки каждый месяц.

Пару раз Борису приходила в голову мысль развестись с Аллой, но здравый смысл услужливо подсказывал, что тогда он потеряет все, что имеет. А с нее, со стервы, еще станется выйти замуж за его брата, и тогда они оба будут в полном шоколаде, а он, Борис, очень далеко от того шоколада. Нет, раз уж он женился, то выжмет из своей жены все по максимуму. Пусть не думает, что только она может тянуть из него деньги. Он тоже не лыком шит, еще возьмет свое. Даже если его брат, сующий во все свой нос, будет против.

* * *

Администратор за стойкой поднял брови при виде Даши и хотел что-то сказать, но сдержался. Эти русские... Видимо, дамочка напилась и упала в воду. Или просто развлекалась с любовником. Хотя не похоже по ее лицу, чтобы она развлекалась. Остается надеяться, что ее не изнасиловали. Еще не хватало новых разбирательств с полицией! Их и так достаточно на последний заезд. Вот что озабоченно думал турок.

Не обращая на него внимания, Даша подошла к стойке и открыла журнал регистрации.

Администратор возмущенно смотрел, как она листает страницы, оставляя на них мокрые следы, но почему-то промолчал. Сумасшедшая русская, крепко сжимая что-то в левой руке, правой вела по строчкам, бормоча себе под нос. Дойдя до трех одинаковых фамилий, написанных одна над другой, она взглянула на номер и, так и не посмотрев на турка, пошла из холла в сторону второго корпуса. На полу за ней оставались маленькие лужицы.

Даша постучала в дверь номера Аллы и подождала. Никто не отвечал. Она постучала еще раз. Тишина. Повернулась было к двери спиной, и тут в замке заскрежетал ключ.

Створки приоткрылись, и Даша увидела Аллу. Та была в сиреновом пеньюаре, не скрывавшем чуть полноватую фигуру. Волосы, обычно

тщательно уложенные, растрепались, но вид у Аллы был совершенно не заспанный.

– Даша? – удивилась она. – Что случилось?

Даша, не говоря ни слова, протянула ей опал. Несколько секунд Алла молча смотрела на него, а потом ахнула и схватила камень.

– Что тут такое? – прозвучал из глубины номера мужской голос.

Даша подняла взгляд и увидела за Аллой... не Бориса, а Никиту в майке и джинсах. Он недоуменно посмотрел на Дашу, потом перевел глаза на Аллу и наконец увидел камень. Глаза у него расширились, и он, издав невнятный звук, схватил опал, поднес к глазам. Подержав так несколько секунд, опустил руку и повернулся к Даше:

– Откуда?!

– Из бассейна, – ответила та. – Лежал на дне. Я там купалась и случайно нашла.

О том, что с одной стороны опала обнаружился след от жвачки, который она долго отскребала, Даша промолчала. Пускай сами разбираются, как камень оказался в бассейне и где от него цепочка. У самой Даши не было никакого желания размышлять над этим. Слишком много загадок, и у каждой плохой ответ.

Алла с Никитой переглянулись, и Даша поняла, что мавр сделал свое дело.

– Спокойной ночи, – пожелала она, поворачиваясь к ним спиной.

– Даша, постойте... – Алла придержала ее за рукав. – Спасибо вам огромное за находку. У меня слов нет, как я вам благодарна. Ведь кулон не просто ценная вещь – это подарок любимого человека...

Она замолчала на полуслове, но Даше и без ее слов все было понятно.

– Хорошо, хорошо, – махнула она рукой, стараясь не смотреть на обеих. Ей было неприятно. Даше не нравился Борис, но Никита нравился теперь еще меньше.

– Да, Даша, – раздался голос Никиты, когда она уже сделала шаг в сторону, – вы девушка деликатная, пожалуйста, не заставляйте нас убеждаться в обратном.

Не обернувшись и не ответив, Даша медленно спустилась вниз по лестнице. Ее начало знобить. Все, надо идти к себе, мелькнуло у нее в голове. Не хватало еще привезти простуду из Турции...

Она поднялась к себе и вошла в комнату. Кондиционер работал, и она замерзла окончательно. Выключив его, Даша завернулась в одеяло и подошла к окну. Скоро домой, сказала себе успокаивающе, скоро домой. Мама очень обрадуется Морошке, и все неприятное останется позади.

Теперь нужно лечь и сразу уснуть.

Она улеглась в кровать, сказала себе: «Ну все, спим». И только теперь расплакалась.

Глава 14

Яркий красный мяч качался в синих-синих, неправдоподобно синих волнах, напоминая картинку из чудесной детской книжки со стихами, которые папа читал ей под торшером с голубым абажуром. Тень от абажура падала на страницы книги, и море оживало, и Даша все время, что лежала на пляже турецкого отеля, вспоминала ту оживавшую картинку, которая теперь казалась ей в тысячу раз лучше, чем настоящее море.

Она ненавидела Турцию. Ненавидела. Не-на-ви-де-ла.

С самого утра она начала отсчитывать часы, торопя и подгоняя время, но оно, как назло, тянулось ужасно долго. Делать было нечего, пришлось опять идти на море, но купаться Даша не стала и сидела под зонтиком, глядя на волны и купающихся. Можно было бы купить какую-нибудь книжку, чтобы скоротать время, но читать Даше не хотелось. Ничего не хотелось. Только спать.

– О, хоть искупаемся напоследок, мужики!

Невдалеке плюхнулось на лежак грузное тело, за ним другое. Господи, вздохнула Даша, опять Василь Семеныч со товарищи. Да сколько же можно! Что им, места мало на пляже?

Однако справедливости ради следовало признать, что места и впрямь было не очень много. Даша пришла поздно, еле успев на завтрак, потому что проснулась в половине десятого, и теперь чувствовала себя совершенно разбитой. К тому времени, как она приползла на пляж, все места были заняты, и ей достался последний лежак с зонтиком. Конечно, можно было бы улечься под навесом, но там мелькали фигуры Женечки и Сонечки, и Даша отказалась от мысли пойти туда.

Она поискала глазами Максима, но его не было. Не было и Аллы, и Никиты с Борисом. Думать о них не хотелось, и Даша устало прикрыла глаза.

– Мам, мама! – звонкий голос разносился над пляжем. – Мам, посмотри, что я нашел! Ну мама же! У меня коралл, настоящий!

Даша подняла голову и взгляделась в белобрысого мальчишку, прыгавшего около берега. Он махал чем-то, зажатым в кулак, а потом опустил голову в воду прямо там, где сидел.

– Алеша! – раздался молодой женский голос. – Подожди, сейчас папа подойдет, и вы поныряете подальше. Не надо здесь, здесь грязно.

По-моему, тут везде чисто, подумала Даша. Интересно, у парнишки

папа такой же белобрысый?

Через пару минут подошел папа, оказавшийся большим рыжеватым здоровяком с розовой кожей, обгоревшей на солнце. Взяв мальчишку за руку, он завел его чуть подальше в море, и они начали нырять. Паренек нырял неумело, но очень старательно и не выпускал из руки свой коралл. Да что он там такое нашел и держит? Даша улыбнулась. Наверное, какую-нибудь ужасную ерунду.

– Алеш, отдай мне твой коралл! – крикнула женщина с берега. – Тебе же неудобно!

– Удобно! – отозвался мальчишка и нырнул следом за отцом.

Дашу словно по голове стукнуло. Мальчик Алеша, его мама и рыжий папа исчезли, перед ней вместо моря был бассейн, и в ушах звучал хрипловатый голос: «Можно нырять как угодно, главное – угол наклона тела... Спорим, красиво нырну?» Словно перед ней прокрутили фильм, и она видела сейчас на экране, как смеется Женечка, качает головой Алина и неуклюже падает в воду Борис, сжимая кулаки. Так вот зачем все это было нужно! И понятно, откуда жвачка на камне – когда он плыл по дну, он прилепил его тем, что оказалось под рукой. С минуты на минуту должна была объявиться полиция, и больше делать ему ничего не оставалось.

Память отмотала пленку назад, и Даша вспомнила рафтинг. Борис зашел в автобус последним: сказал, что потерял часы. Конечно, ему легче всего было в суматохе сорвать кулон с шеи жены. Наверное, он бросил его на землю, а потом просто вернулся на то место, где лежала Алла, и поднял его. Он не особо рисковал, поняла Даша, ведь если бы кто-то что-то заметил, всегда можно было сказать, что он нашел упавший кулон и теперь несет его обратно. Впрочем, если бы ей не взбрело в голову нырять посреди ночи в бассейне, риск вполне бы себя оправдал.

Интересно, стоит рассказать о ее догадке Алле или нет? Да ну их, подумала Даша, пусть сами разбираются. Неужели Борису так нужны деньги?

– Все, бабки закончились! – врезался в ее мысли голос Василь Семеныча. – Олежек, будем пить на твои.

– На мои мы уже пили, – отозвался хмурый Олежек. – Не помним, что вчера было.

– Да какая тебе разница! – заржал Буфер. – Главное, без последствий!

– Насчет последствий ты уже дома узнаешь. Помянешь тогда блондиночку, ой помянешь!

– Не каркай! – оборвал Олежека Буфер. – Сам же клеился к той, серебрястой, которая потом ласты склеила в ванне.

– Точно-точно! – поддержал приятеля Василь Семеныч. – Так слюни распустил, что чуть с аниматором не сцепился. Кстати, он же потом тоже утоп, кажется? Вот повезло нам тут на покойничков!

– Да не потом, а в ту же ночь и утоп, – скривился Олежек. – И вовсе не собирался я с ним драться. Я что, псих?! Кстати, он со своей бабой был. Мы уж с ним так, по пьяни...

– У тебя все или по пьяни, или через одно место, – заметил Буфер. – А аниматор-то, помню, на бабенку серебристую облизывался, хоть и со своей был.

– О, вон Игоряша подваливает, – прервал их милую беседу Василь Семеныч. – Пошли до бара, что ли? Все равно делать не хрен.

Так же тяжело поднявшись, троица отправилась навстречу Игоряше. «Ну вот, – подумала Даша отстраненно, – теперь хоть знаю, как его зовут». И тут до нее дошел смысл разговора.

Не раздумывая, Даша вскочила и догнала троих мужчин. Она потянула за рукав Василь Семеныча, и тот остановился.

– Ты чо? – вперил он в Дашу мутный взгляд.

– Скажите, пожалуйста, где вы Алину видели?

– Кого?!

– Вы сейчас говорили про женщину, которая утонула в ванне. А где вы ее видели?

– Да на берегу, вот здесь и видели, – вмешался Олежек. – А вам, девушка, что, собственно, надо?

– Вы точно видели ее на берегу? В тот самый вечер, когда аниматор утонул?

– Ну. Она тут ходила одна, я и предложил ей компанию составить. Типа, отдохнуть вместе культурненько. А ты кто ей, подруга, что ли?

– Подруга, – ответила Даша. – Спасибо большое.

Она повернулась и пошла обратно.

– Эй, подруга! – догнал ее Олежек. – Может, с нами рванешь? Отпразднуем конец заслуженного отдыха!

– Нет, спасибо, – покачала головой Даша. – Я с мужем отпраздную.

– А, ну если с мужем... тогда покедова.

Даша уселась под зонтик, достала из сумки Алинин блокнот и начала привычно вертеть его в руках. Значит, Алина была на берегу в тот вечер. И она видела аниматора. А потом очень убедительно объясняла, почему не следует обращаться в полицию, и приводила совершенно нелепые аргументы, на которые могла попасться только Даша. И что все это значит?

«Она видела убийство», – спокойно сказал внутренний голос. Она

видела, что произошло на берегу в тот вечер, потому что, повстречавшись с ребятами Василь Семеныча, никуда потом не пошла, а осталась на берегу. Может быть, она что-то заподозрила и спряталась, а может быть, увидела случайно. Но ясно одно – Алина знала, кто виноват в смерти Николая.

И почему же тогда она не захотела поднимать шум?

Ответ нашелся очень быстро. Потому что она любила деньги. Человек, который способен все утро писать идиотское, бессмысленное заявление, вместо того чтобы расслабиться на пляже, только потому, что ему пообещали какой-то гонорар, должен очень любить деньги. У Даши не раз была возможность убедиться: Алина сэкономила на всем, включая чаевые, но только не на себе. И, по всей вероятности, а также исходя из того, чем все закончилось, она попыталась шантажировать убийцу.

В новую версию укладывалось все – и Алинино нежелание обращаться в полицию, и то, что она пыталась убедить Дашу, будто все произошедшее – несчастный случай, и то, что ее саму в конце концов убили. Умная, прекрасно разбирающаяся в мужчинах Алина где-то допустила ошибку и неправильно оценила убийцу. Что же из этого следует?

Что убийца был женщиной, ответила себе Даша. В женщинах Алина разбиралась хуже и вообще оценивала их невысоко. Правда, остается открытым вопрос, как женщина справилась с самой Алиной, но еще интереснее, что же там была за женщина.

В памяти Даши всплыл тот вечер, когда она разговаривала с Николаем. Он что-то такое сказал... Что-то такое, что она должна вспомнить. Какую-то ерунду, которая никак не хотела вспоминаться, потому что была очень важной ерундой. «Вспоминай! – приказала себе Даша. – Вспоминай, черт возьми! Ты уже выяснила почти все совершенно случайно, неужели сейчас не сможешь сообразить хоть что-то сама?!»

Николай хотел узнать, как зовут Алину, но Даша ему не сказала. Тогда он ответил, что посмотрит в книге регистрации. В книге регистрации? Нет, дело вовсе не в ней. Потом он показал свою ногу, объяснил, что ее сильно свело и что он купаться больше не собирается. А еще... еще... Еще он как-то так забавно назвал Алину, каким-то совершенно неподходящим к ней словом. Каким же... Подружайка!

«Да ладно, у меня все равно сегодня свидание. С девчонкой почти такой же масти, как и твоя подружайка», – отчетливо проговорил Николай у нее в голове.

И Даша поняла.

«Почти такой же масти». Вот та ерунда, которую она пыталась вспомнить. У него было свидание с блондинкой, потому что Алина для него

была именно блондинкой. И женщина, голос которой Даша слышала тогда из кустов, была блондинкой.

Если Алина ее шантажировала, значит, женщина из своих, из тех, с кем мы общались. Блондинка у нас Алла. И Сонечка, у нее же тоже светлые крашенные волосы. И обе они могли убить Алину, потому что им было кому помогать. Остается только один вопрос – кто из них? «И зачем понадобилось убивать аниматора», – добавил внутренний голос.

Пожалуй, «зачем» не так уж принципиально.

Мяч с площадки упал около Даши, и она вздрогнула. Вокруг кричали люди, ярко светило солнце, плескалось море, а ей казалось, что она попала в тот вечер, когда Алина ходила по берегу, а еще живой Николай разговаривал о чем-то со своим убийцей.

«Выходит, кулон с опалом здесь совершенно ни при чем, – сказала Даша про себя. – Борис украл его на рафтинге и спрятал камень в бассейне, а я потом нашла, но история с кулоном не имеет никакого отношения к убийству. Если только не Борис помогал Алле опускать тело Алины в воду, конечно. Да, но еще меня кто-то толкнул в витрину, а потом приходил и стоял у меня под дверью. Это был один и тот же человек? Что вообще означают происшествия со мной? Меня тоже хотят убить?»

Максим! Максим ни при чем. Нужно найти его и все ему рассказать, он придумает, что делать дальше.

Даша вскочила и уже пошла в сторону отеля, но тут увидела Максима на волейбольной площадке. Подошла и стала смотреть на него, пытаясь поймать его взгляд, но у нее никак не получалось. Наконец, приплясывая на месте от нетерпения, она решила окликнуть его.

«Подожди, – внезапно вмешался проклятый внутренний голос. – Подожди, ты знаешь еще не все. Один раз ты уже ошиблась, давай не будем торопиться. Ведь так и непонятно, кто же пугал тебя ночью. И ты абсолютно уверена, что не Максим помогал Сонечке затаскивать тело в ванну, а потом ронять туда фен?»

Даша повернулась и медленно пошла обратно. Желание рассказывать о своих догадках Максиму пропало. «Давай сначала выясним, кто же убил Алину – Сонечка или Алла, а уж потом разберемся с Максимом», – посоветовал внутренний голос, и Даша с ним согласилась.

Она села на свой лежак и снова принялась поглаживать Алинин блокнот. Сейчас Даша отчетливо поняла, что сама не сможет ничего выяснить, ей нужна чья-то помощь. Наверное, надо обратиться в полицию. Теперь Василь Семеныч и его Олежеки смогут подтвердить, что Алина была той ночью на берегу. Пускай полиция расследует хоть что-нибудь! «А

ты помнишь, как тебя допрашивали? Хочешь повторения?» – поинтересовался внутренний голос, и Даша поежилась. Плевать! Больше всего она не хочет, чтобы убийца летел с ней одним рейсом в Москву, и окончательно решила обратиться в полицию.

«Сделаю все сама, – подумала Даша, – без всяких администраторов и гидов. В конце концов спрошу, где у них полицейский участок, приду и все расскажу. Думаю, английский они понимают. Вдруг мне повезет, и я попаду на нормального полицейского, которого описывают зарубежные детективы, умного и хорошего?»

Надежда, конечно, слабая, но Даша твердо собралась сделать все, что от нее зависит.

Она достала из сумки полотенце, положила его под голову, зажала в руке книжку и решила немного подремать. Скоро обед, а после обеда можно пойти искать полицейский участок. Лежа на своем любимом китайском ежике, Даша закрыла глаза и... уснула.

* * *

А когда открыла глаза, то не сразу поняла, где находится. Солнце опускалось к морю. Людей на пляже было совсем немного, и ощутимо похолодало. Даша подняла голову и огляделась. «Господи, да я все проспала! – с ужасом поняла она. – И ни в какой участок не попала, не говоря уже об обеде!»

Даша встала, сложила свои вещи и пошла к главному корпусу. Голова была какой-то странной, как будто в нее напихали опилок, и немного кружилась. «Это, наверное, от голода, – подумала Даша, – я же не ела нормально черт знает сколько времени. Надо хотя бы соку попить, что ли». Она присела на скамейку под «розами», но вспомнила вчерашних итальянцев и поспешно встала. Слишком много загадок, повторила она про себя, и у всех плохие ответы.

Войдя в холл, она сразу увидела Максима, разговаривающего с Машей илевой, за спинами которых вертелись Женечка с Сонечкой, и неожиданно для себя приняла решение. Она подошла к нему вплотную, и, когда он заметил ее, у него стало такое лицо, будто перед ним появилось привидение.

– Можно тебя на минутку? – спросила она и, не дожидаясь ответа, отвела его в сторону. – Хочу кое-что сказать. Завтра рано утром я пойду в полицию.

– Хочешь меня сдать? – невесело усмехнулся он.

– Нет. Не тебя. Я почти знаю, кто убийца, но не могу сама сделать последний шаг. Пусть теперь расследованием занимается полиция. Алину убили потому, что она шантажировала убийцу аниматора, что можно доказать. Но я, собственно, не об этом. Просто не хочу, чтобы для тебя визит полиции стал неприятным сюрпризом и ты бы не вздумал им врать, как и мне, что не имеешь к Алине ни малейшего отношения.

Максим недоверчиво покачал головой.

– Ты в самом деле хочешь идти в полицию?

– Да.

– Неужели ты думаешь, Даш, будто я такой дурак, что стану врать по поводу вещей, всем давно известных?

– Я ничего не думаю, – устало ответила Даша. – Я просто предупреждаю тебя, потому что один раз ты уже показал себя полным дураком, и не факт, что не покажешь еще раз.

Максим собрался было что-то возразить, но она уже шла к лестнице, помахивая блокнотиком Алины.

У себя в номере она упаковала Морошку и сунула головоломку во внутренний карман сумки. Тут вспомнила, что хотела попить соку, и подошла к двери, чтобы вернуться в холл, но в дверь деловито постучали. Ни на секунду не задумавшись, Даша распахнула ее.

– Привет еще раз. Я по поводу фотографии. – За порогом стоял Лева. – Я как раз всем раздаю то, что они заказывали, а ты так быстро из холла убежала... Расплатишься?

– Да, конечно, – кивнула Даша. – Сколько там с меня, напомни...

Лева назвал цену, и Даша полезла в сумку за кошельком. Денег оказалось почему-то меньше, чем она рассчитывала, но Даша даже не успела этому удивиться – в номер опять постучали.

– Войдите! – крикнула она.

Вошел Максим.

– Мне нужно с тобой поговорить. Лев, извини, у тебя что-то серьезное?

– Серьезное, – улыбнулся тот. – Вымогаю деньги. Ну все, Даш, пока, держи свою фотографию.

Даша растерянно взяла у него свой снимок и посмотрела на Максима.

– В чем дело? Ты хочешь меня отговорить от обращения в полицию?

– Нет, не хочу, – покачал он головой. – Пойдем погуляем?

– Что?!

– Пойдем погуляем, – повторил Максим. – Ты, кажется, больше не

шарахаешься от меня, так что, надеюсь, не будешь подозревать в том, что я собираюсь оставить на берегу Турции твой хладный труп. Предлагаю просто походить около моря. Скоро уже уезжаем, и сегодня у нас последний спокойный вечер в «Сафире».

Даша глядела на него, не понимая, зачем ему понадобилась какая-то прогулка. Все уснувшие подозрения всколыхнулись, и внутренний голос попытался что-то сказать, но Даша пресекла его попытку. «Здесь был Лева, – подумала она, – не станет же Максим меня убивать после того, как его видел свидетель?»

– Подожди, только деньги уберу, – сказала она, поворачиваясь к сумке.

Максим сделал сзади почти неуловимое движение, и Даша молниеносно обернулась.

– Можно я в туалет зайду? – спросил он.

Даша молча кивнула и, когда дверь за ним закрылась, опустилась на стул.

Они ходили по берегу уже час, туда и обратно, а она все еще не могла понять, зачем ему понадобилось сюда ее притаскивать. Он не пытался завести Дашу в темные кусты, не звал прогуляться по пирсу, а просто рассказывал о чем-то, время от времени спрашивая ее мнение. Тогда Даша что-то отвечала, иногда невпопад, и они продолжали бродить туда-сюда. Сначала на берегу было еще несколько пар, кроме них, но когда зазвучала музыка на танцполе, они исчезли, и Даша с Максимом остались одни.

Наконец он замолчал, они уселись на камни и стали смотреть в темные волны. Поднялся ветер, и Даша в своем легком платье озябла, хотя вечер был теплый.

– Ну что, пойдём обратно? – повернула она голову к Максиму.

Немного помолчав, тот сказал:

– Знаешь, Даш, я собираюсь сегодня напроситься к тебе в номер, но не знаю, как это лучше сделать. Давай я не буду ничего придумывать, потому что у меня все равно не получится, а просто спрошу... Можно я с тобой останусь ночевать?

Даша потеряла дар речи.

– Т-ты что, меня так соблазняешь? – наконец смогла она выговорить, радуясь, что в темноте не видно, как покраснели ее щеки.

– Нет, я так тебя пытаюсь защитить.

– Ты меня уже пытался защитить один раз, – вырвалось у Даши, но она тут же пожалела о своих словах.

Максим промолчал. Они посидели еще немного, и Даша почувствовала, что нужно что-то сказать или сделать.

– И от чего ты пытаешься меня защитить? – спросила она наконец.

– Да я не знаю! – Он поднялся. – Откровенно говоря, я считаю, что аниматор никакого отношения к смерти Алины не имеет и ты все напридумывала. Но если все-таки я не прав... Маловероятно, но тогда в отеле есть человек, который уже убил двоих и вполне может убить третьего. И мне вовсе не хочется, чтобы этим третьим была ты. Я все ясно объяснил?

– Вполне, – кивнула Даша и встала рядом с ним. – Давай мы с тобой сделаем так: ты возвращайся в холл, а я посижу еще немного здесь и подумаю над твоим предложением. Хорошо? А потом приду и скажу тебе. Я понимаю, что тебе мои слова кажутся идиотизмом, но мне так удобнее.

Она не стала говорить, что ее здравый смысл начинает отказывать, когда он сидит рядом с ней. В то же время Даша не могла не признать, что в предложении Максима есть резон. Но она не рассказывала ему ни про Аллу, ни про Сонечку, и он не знал, кого ей следует опасаться. А она знала. Поэтому чувствовала себя достаточно спокойно.

– Даш, ты что? – посмотрел он на нее сверху вниз. – Я тебе говорю, что опасаюсь возможного убийцы, а ты мне предлагаешь оставить тебя на ночном берегу на неопределенный срок, пока ты созреешь до какого-нибудь решения!

Даша огляделась и показала ему:

– Вон, видишь, пара сидит в двадцати шагах от нас. Как ты думаешь, убийца будет убивать меня на глазах у свидетелей? Вокруг полно людей. Основная масса отправилась, понятно, на танцы, но скоро народ придет сюда, будь уверен. Так что на берегу я в безопасности, и ты можешь за меня совершенно не беспокоиться. Если парочка вздумает уйти, то я просто встану и пойду следом за ними. Но я не думаю, что мне понадобится так много времени, чтобы определиться, нужен ты мне в моем номере или нет.

– Хорошо, – согласился Максим. – Жду тебя в холле. Только учти: на размышления тебе не больше двадцати минут.

Он отошел на несколько шагов и обернулся:

– Да, и можешь не беспокоиться по поводу соблазнения. Я же джентльмен, хоть и не очень образованный.

Даша покраснела вся, так что даже пальцам стало горячо, и махнула ему рукой, но он уже поднимался к аллее. Ну что ж, теперь можно спокойно подумать. А двадцать минут и не понадобятся.

Но, сидя одна на берегу, Даша поняла, что ей здесь не нравится. Ей было как-то не по себе. Когда Максим находился рядом, все казалось абсолютно другим, и она обозвала себя трусихой. Но с каждой минутой ей

становилось все тревожней. Ветер дул слишком сильный, море выглядело слишком темным, музыка играла слишком далеко... Фонари горели только на аллее, и то не все, и даже звезды на небе не могли заставить Дашу любоваться ночным небом.

В море раздался какой-то всплеск, и она вздрогнула. С момента ухода Максима прошло не больше пяти минут. «Он, наверное, даже не успел дойти до корпуса, – подумала Даша. – Посижу еще столько же, а потом быстро пойду. По дороге придумаю, что сказать. Как же тут неприятно одной!»

Она вспомнила про пару, сидевшую неподалеку, и обрадовалась. Ей захотелось подойти и спросить что-нибудь, например, который теперь час, чтобы от их голосов исчезло ощущение тревоги. Даша встала и пошла к двум теням на берегу.

– Простите, вы мне время не подскажете? – вежливо спросила она у темной спины, и парень обернулся. Даша шагнула назад и, оступившись, не удержала равновесие и упала. Прямо на нее смотрел, прищурившись, итальянец, а за его спиной поднималась девушка.

– Опять?! – ахнула Даша. – Опять вы?!

Она вскочила и быстро пошла прочь. Сзади послышались шаги, что-то негромко сказали, и она перешла на бег. К аллее! Даша повернула, но тут увидела, что итальянка ухитрилась обогнать ее и теперь стоит на аллее, ожидая, пока Даша подойдет. Это было чересчур! Кричать Даша не хотела, да и какое-то чувство не позволяло ей закричать просто так, без всякой внешней причины, но и проходить мимо этой странной девушки она не собиралась. Резко свернув, Даша быстро пошла вдоль по берегу.

«Пройду мимо стройки, – решила она, – заодно прогуляюсь. А там наверняка есть проход на главную дорогу, вот и выберусь. Вряд ли на стройке есть бомжи, как в России». Она обернулась: итальянцы стояли на месте и смотрели ей вслед, к берегу с аллеи спускалось еще два человека. Ну вот, огорчилась Даша, подождала бы минуту, и не пришлось бы так идиотски убегать. Но не возвращаться же! И она пошла дальше, осторожно ступая.

Через десять минут Даша вышла с пляжа «Сафиры» и оказалась на территории строящегося отеля. Она уже была здесь один раз днем, но ночью все выглядело совершенно иначе. Камни шуршали под ногами, море билось о берег, поднимая брызги, и когда они долетали до Дашы, она ежилась от холода. Здесь, кроме нее, не было ни одного человека. Окружившая Дашу темнота, сгустившаяся как-то очень быстро, казалась враждебной, и она старалась идти как можно быстрее.

Наконец дошла до темной громады стройки, возвышавшейся слева. Нагромождение больших валунов отделяло ее от мрачного недостроенного здания со слепыми провалами окон, казалось, нависшего над морем. Даша ожидала, что, пройдя мимо этого жутковатого места, она снова увидит огни и услышит музыку – в другом отеле, но за стройкой виднелись точно такие же, уходящие все дальше и дальше по берегу. Да тут целый комплекс новых отелей строится, поняла Даша. Ну что ж, значит, строительство идет по всему берегу, только и всего, сказала она себе, и нечего так пугаться. Сейчас найдем между ними тропинку, ее не может не быть, и выйдем на нормальную дорогу, с вонючими машинами, зазывалами возле магазинчиков и многочисленными кафе.

«Какие зазывалы? – спросил внутренний голос. – Ты догадываешься, сколько времени? Максим сейчас пойдет тебя искать!»

Представив себе Максима, как он ходит по пляжу, разыскивает ее, Даша ощутила внезапное облегчение, и страх перед безмолвной чернотой вокруг нее, нарушаемой только шорохом ее шагов и плеском волн, на секунду отступил. Нужно возвращаться. Бегство было сплошным идиотизмом. Просто нервы никуда не годятся, оправдывалась она перед собой, разворачиваясь и собираясь идти обратно. Ну ладно, десять минут – и она вновь окажется на своем пляже...

И в ту же секунду Даша увидела в сорока шагах перед собой движущуюся тень. Две тени.

Тело среагировало молниеносно. Даша еще говорила себе, что это какая-то парочка пошла заняться любовью подальше от отеля, а оно уже метнулось на стройку. Перескочив в темноте через какие-то бетонные плиты, Даша присела за ними и прислушалась.

Тихо. Ничего не слышно. Шорох шагов. «Сейчас они пройдут дальше, – подумала она, – или вздумают сделать то, зачем пришли, прямо здесь. В хорошем я тогда окажусь положении!»

Шаги затихли, а потом начали приближаться. Не может быть! Что нужно влюбленным на стройке? Не острые же ощущения...

Шаги приближались. С ужасом Даша вслушивалась в шорох камней под чьими-то ногами. Все ближе, ближе, ближе... Ей показалось, что даже волны утихли, и на всем берегу остались только звуки шагов, неумолимо приближающиеся к ней. Да что ж за парочка такая, пронзила ее мысль, которая идет МОЛЧА?!

Это за тобой, спокойно сказал кто-то в голове. Беги!

Не раздумывая больше, Даша вскочила и бросилась бежать вглубь, туда, где поднималась бетонная стена с огромными дырами. Сзади раздался

тихий вскрик, а потом топот шагов. Обернувшись Даша успела заметить, что тень бежит за ней, словно раздваиваясь на ходу. «Убийцы. Их двое. Кричать бесполезно – с одной стороны километровая стройка, с другой „Сафира“, до которой звук не долетит. Мне нужно спрятаться... Мне нужно спрятаться!»

Не разбирая дороги, перепрыгивая через какие-то обломки, чуть не упав пару раз, Даша добежала до серого здания и влетела внутрь. Быстро, быстро, по шуршащему бетону, вверх по лестнице, и где-нибудь притаиться. Здание большое, ее не найдут...

Бетонные стены чернели по бокам, совсем рядом плескалось море, а за спиной слышались быстрые шаги. Даша завернула за один поворот, за другой, опять взбежала по лестнице и оказалась непонятно где, в каком-то помещении. В стенах были окна, но они выходили не на море, а в такие же «комнаты». Подбежав к одному из окон поближе, Даша отпрянула: внизу – черный провал. Отбежала к другому, перескочила через «подоконник» и увидела краем глаза, как тень скользнула в ту комнату, где она только что была. Прижалась к стене и затаила дыхание.

Человек в соседней комнате медленно обходил ее, поочередно подходя к каждому окну. Звук тяжелых шагов, потом тишина, затем опять шаги... Даша услышала хруст под его ботинками и подумала, что нужно снять босоножки. Но не успела. Шуршание слышалось все ближе, и, когда прямо рядом с ней раздалось тихое покашливание, она не выдержала – метнулась прочь из комнаты, перепрыгнула еще через один «подоконник», услышала сопение почти за спиной и, не глядя, свернула вбок. На ее счастье, там оказалась дверь, а за дверью лестница, и Даша вновь помчалась вверх, выше и выше, не считая этажи.

Топот сзади затих. Даша прислушалась, но ничего не было слышно. Подумала: наверное, он ищет другой путь вверх или потерял ее. Остановилась перевести дыхание и оглядеться. «Нужно спуститься вниз и бежать к „Сафире“, – сказала себе Даша, – в здании должно быть много выходов. В конце концов я могу выпрыгнуть в окно». Постояв неподвижно еще секунду, она решила попробовать вернуться назад, надеясь, что убийца пошел искать ее с другой стороны, и вдруг ощутила, что тишина стала *другой*. Сумрак вокруг словно обрел форму, начал сгущаться, и впереди от нее, там, где он был самым плотным, показалась светловолосая тень.

Даша окоченела. Она совсем забыла, что убийц двое. «Они меня затравят, как охотники лисицу! – подумала она. – Мне даже камень искать бесполезно, потому что у них наверняка есть оружие». На какое-то страшное мгновение ей показалось, что у нее отнялись ноги и сейчас она

упадет, беспомощно глядя на то, как приближается черный силуэт без лица. В отчаянии перевела взгляд влево и заметила, что там за очередным «окном» идут какие-то коридоры, ответвляясь друг от друга. «Беги!» – закричал внутренний голос, но Даша продолжала стоять неподвижно. От светловолосой убийцы ее отделял один проем, только почему-то высокий. «Я не перелезу, – отчаянно кричал кто-то в Дашиной голове, – пока я буду карабкаться, она меня убьет. Но мне нужно туда попасть, потому что в коридорах я могу спрятаться и выбраться наружу, пока меня ищут...»

Тень впереди начала приближаться, как-то странно раскачиваясь. Даша, замерев, еще секунду смотрела на светлые волосы, а потом рванула вбок, к самому дальнему проему с высокой стеной. Она не думала ни о чем, пока разбежалась, и, только оттолкнувшись, внутренним зрением увидела вокруг себя спортивный зал и услышала зычный голос: «Отлично, отлично, умница», отдающийся от просторных стен. Легким, красивым прыжком Даша Соложенцева, бывшая гордость тренера сто девяносто пятой школы, чемпионка по прыжкам в высоту, перелетела через стену и приземлилась на обе ноги с другой стороны. Даже не покачнувшись, она тут же бросилась в коридоры, показавшиеся ей огромными норами, а за ее спиной по-прежнему шуршали шаги.

Даша металась то влево, то вправо, коридоры переходили один в другой и казались огромным лабиринтом, из которого нет выхода. У нее появилось ощущение, что сейчас, за очередным поворотом, прямо на нее выйдет тень со светлыми волосами, у которой в руке будет смерть. Но бежать назад Даша не могла, и каждый раз, когда поворачивала за угол, сердце у нее куда-то пропадало, но впереди была только черная пустота.

Пробежав несколько коридоров, беспорядочно заворачивая то в один, то в другой, она наконец остановилась. Шагов не было слышно. На каком она этаже, Даша не понимала, ясно было только, что высоко. Один из коридоров заканчивался пустотой, и, подойдя к ней, Даша вновь увидела все тот же черный провал, только с другой стороны. В ту же секунду ей послышались какие-то звуки. Отчаянно завертев головой, она заметила углубление в правой стене, в трех метрах от провала, и вжалась в него.

Углубление было достаточным, чтобы Дашу нельзя было увидеть со стороны лестниц. Молясь о том, чтобы убийца не вздумал подойти к краю, Даша превратилась в тонкий лист, в невидимку, в часть бетонной стены. По коридору раздались шаги. Даше показалось, что у нее перестало биться сердце, когда невысокая фигура со светлыми волосами, пройдя мимо нее, остановилась на краю провала и стала изучать другие этажи.

«Толкай! – приказал внутренний голос. – Немедленно!» Даша

приготовилась, понимая, что это ее единственный шанс, и не сделала ни шагу. Она стояла в трех метрах за спиной женщины, собиравшейся ее убить, но не могла ее толкнуть. «Толкай! – закричало все внутри. – Она сейчас обернется и убьет тебя!» Но Даша стояла неподвижно.

И тут женщина перед ней пошевелилась. Достала из кармана какой-то предмет, черный, прямоугольный, и сжала в руке. «Пистолет, – подумала Даша, – я даже не могу попробовать опять убежать, потому что она выстрелит мне в спину». И в эту секунду женщина начала оборачиваться. Поняв, что сейчас она увидит лицо убийцы, Даша не выдержала и с отчаянным вскриком бросилась прямо на нее, толкнула почему-то показавшееся тяжелым тело, чуть не свалившись за ним следом, и с ужасом увидела, как оно летит вниз, в провал. Раздался звук, похожий на треск разрезаемого пополам кочана капусты, и Даша, стоя на самом краю, увидела внизу, под собой, неподвижный светлый силуэт.

Глядя на тело, Даша машинально отряхнулась и чуть не закричала, когда камешек, прилипший к сарафану, с глухим стуком упал на бетонный пол. Даша попыталась шагнуть, но ноги у нее подогнулись, и она бессильно опустилась вниз, держась за стену. Руки дрожали. Даша поднесла их к лицу, и дрожь усилилась. «Сделай что-нибудь», – шепнул кто-то внутри ее, и она послушно наклонилась к босоножкам, принялась расстегивать замочек. Она не знала, сколько провозилась с правой, но когда она сбросила босоножку с левой ноги, получилось гораздо быстрее. Дрожь почти ушла, и Даша смогла встать на ноги. Медленно-медленно, не чувствуя боли в босых ногах, ступавших по битым камням и шершавому бетону, побрела в ту сторону, откуда, как ей казалось, она прибежала.

«Я только спущусь и заберу пистолет, потому что он мне нужен», – говорила она себе. Но понимала, что притворяется сама перед собой. Дело было не в пистолете. Самым разумным сейчас было немедленно выбираться из страшного недостроенного дома, потому что где-то неподалеку ходит второй убийца, от которого ее не спасет никакое оружие. Но, продолжая твердить себе, что ей обязательно нужно забрать пистолет, Даша продолжала спускаться по лестницам и идти по бесконечным коридорам. Какая-то необъяснимая сила, заглушая все доводы разума, заставляла ее двигаться туда, где лежала светловолосая женщина, убившая Алину. А теперь ее саму убила Даша. И Даша хотела увидеть ее лицо, узнать, кого она убила. Она не могла просто так убежать со стройки, потому что ее руки еще чувствовали тяжесть тела, которое толкали с бетонного края. Алла или Сонечка? Алла или Сонечка?

Пару раз Даша останавливалась, потому что ей слышались шорохи за

спиной, но, когда оборачивалась, там никого не было. Вокруг стояла тишина. Наконец, озираясь, вышла на нижний этаж и подошла к окну.

В середине ровной площадки лежало тело с разбросанными в стороны руками, и теперь было видно, что около головы натекла черная матовая лужа. Пистолет, наверное, отлетел при падении, подумала Даша. Она перелезла через очередной высокий проем, разорвав платье и расцарапав живот, и очень медленно, аккуратно переступая босыми ногами, подошла к лежащей женщине.

Подойдя, присела на корточки и хотела перевернуть ее, но не смогла даже дотронуться. Ее била крупная дрожь, руки тряслись, Дашу бросило в пот. «Я должна знать, – сказала она себе. – Она убила Алину. Я должна знать».

Мысль об Алине подействовала, и Даша, собравшись с силами, резко дернула тело за плечо. Оно перекатилось неожиданно легко, и Даша, не сумев сдержать вскрика, с изумлением уставилась на лицо.

Перед ней, глядя куда-то Даше за спину широко открытыми глазами, лежала Маша, и ее светлые волосы пропитывались кровью. На том месте, где должна была быть левая скула, Даша видела кровавую мешанину из камней, угол приоткрытого рта был разорван, и из него стекала черная струйка. Она бежала по шее и пропадала за вырезом майки, по краю которой у Даши на глазах расплзлось все шире и шире красное пятно.

Даша сидела на коленях, окаменев, не в силах отвести взгляд от изуродованного лица. В этот момент из дверного проема напротив раздался дикий вскрик. Прямо на Дашу, размахивая чем-то черным и большим, вылетела высокая мешковатая фигура. Еще секунда – и она нависла над ней. Даша не успела даже закрыться рукой. Выстрел оглушил Дашу, эхом отразился от стен, и фигура осела. В метре от Даши скалил зубы Лева, а к ней катился большой круглый камень. Докатившись до Машиного тела, он наконец остановился. Даша оторвала от него взгляд и увидела двоих людей, один из которых подбегал к Леве, держа его под прицелом пистолета, а другой присел около Даши. Темно-карие, почти черные глаза взглянули на нее, и девушка-итальянка спросила с заметным акцентом:

– С вами все в порядке? Не бойтесь, скоро будет врач.

Глава 15

– Я все понял, кроме одного, – сказал Максим, беря Морошку и оборачивая его в Дашин свитер. – Зачем им нужен был блокнот?

– Да не блокнот! – отозвалась Даша, наблюдая с кровати за его действиями. – Им нужен был пакетик.

– Какой пакетик?

– Пакетик, в котором Маша передавала кокаин Алле. Он лежал в Алининой записной книжке, и я думала, что он от купленного ею кольца. Мне даже в голову не пришло, зачем ей понадобилось хранить в записной книжке упаковку от украшения, да еще так старательно прятать за обложку. Конечно, он был не из-под кольца! Алина подобрала его, когда мы ездили на рафтинг.

– Откуда ты знаешь, что именно тогда?

– Потому что других вариантов быть не может. Вчера вечером в полиции Джой рассказала мне, что они долгое время не могли выяснить, кто занимается поставками и распространением наркотиков на побережье, пока не начали подозревать представителей туристической компании. И тогда я вспомнила! Когда мы только приехали на рафтинг, Алине там не понравились условия, и она отправилась скандалить с Машей. А та, видимо, как раз передавала Алле пакетик с порошком. Помнишь, мы опрокинулись на плоту и Алла ударилась головой? Я еще тогда никак не могла понять, с чего вдруг она такая веселая стояла... А на нее кокаин так подействовал. И не глаза у нее были огромными, как мне показалось, а просто зрачки сильно расширены, вот и все.

– Ты хочешь сказать, что Алла дозу купленную сразу и использовала?

– Ну да! Там, видимо, было совсем немного, и пустой пакетик она выкинула, а Алина подобрала. Не знаю зачем, но подняла и спрятала. Потом, после того как мы перевернулись, пошла выяснять у врача, осматривавшего Аллу, в чем дело, потому что вовсе не о здоровье ее заботилась, а просто что-то уже заподозрила. Ну, тот ей, наверное, и сказал, что Алла находится под действием наркотика, врачи же такие вещи легко определяют.

– И Алина решила их шантажировать, – кивнул Максим.

– Да, когда поняла, что именно через них наркотики поступают в отель, и даже не в один, скорее всего, а в несколько. И потребовала какую-то долю. Но шантажировала их вовсе не пакетиком.

– А чем?

– Смертью Николая. Понимаешь, Алина была на берегу в тот вечер, когда аниматор разговаривал с Машей. Именно Машин голос я слышала за кустами. Мне Николай сказал, что у него свидание, но на самом-то деле он хотел выяснить у Маши, что происходит в отеле, потому что начал что-то подозревать. Лева на допросе показал, что дождался их обоих на берегу, а потом пытался договориться с аниматором и убедить его не лезть не в свое дело, но Николай кинулся в драку, и Лева столкнул его с пирса. Они, мол, с Машей сами толком не поняли, что потом произошло. По-видимому, Николай ударился затылком и захлебнулся. Или у него опять ногу свело. В общем-то, непринципиально. Они пытались его вытащить, но оказалось, что уже поздно. И тогда они решили сделать вид, что их тут и не было, потому что, как им показалось, никто их не видел. И в конце концов, они не чувствовали себя виновными в его смерти.

– Но на берегу была Алина, – вздохнул Максим.

– Да, на берегу была Алина, – подтвердила Даша. – И прекрасно разглядела, что действительно имел место несчастный случай, однако... не такой, как все решили. И знаешь, мне кажется, она уже тогда начала подумывать о шантаже, только ведь что возьмешь с бедных гидов? А потом нашла пакетик, узнала, что Алла наркоманка, а наркотики распространяют Лева с Машей. И сделала вывод: значит, у них не может не быть денег.

– Интересно, сколько Алина с них запросила?

– Не знаю, – покачала Даша головой, – я не спрашивала у Джой. Но, думаю, немало. А самое интересное, что наши гиды не стали бы отвечать за смерть Николая, потому что убийства не было. Но зато попали бы в поле зрения полиции, если бы началось расследование, и вряд ли их потом стали использовать как распространителей. Именно это им Алина и объяснила, предложив откупиться. И она даже не думала, что они могут быть для нее опасны, потому что они *не были убийцами*. Алина только потому и решила их шантажировать. Если бы и вправду стала свидетелем убийства Николая, то или полиции все рассказала бы, в чем я сомневаюсь, или молчала бы в тряпочку, понимая, с кем столкнулась. А так – ну кто они были такие? Обычные мальчик и девочка, приторговывающие кокаином среди русских туристов, ничего особенного, можно при случае с них что-то взять.

– Вот случай и подвернулся, – мрачно заметил Максим.

– Угу. Только Алина не учла одного: что теперь стала для них смертельно опасна, потому что могла рассказать полиции про их деятельность. И вот тогда судьба Маши и Левы была бы очень незавидной, потому что в Турции суровые законы по отношению к сбытчикам

наркотиков. И есть еще кое-что, чего Алина не поняла.

– И что же?

– То, как просто убивать. Так Лева сказал. Когда его Джой спросила, зачем же им понадобилось убивать меня, ведь можно было просто выкрасть тот несчастный пакетик, он знаешь, что им ответил? Как в известном фильме – что убивать легко. Когда они с Машей смотрели на тело Николая внизу, в воде, оба удивились, как быстро он умер. Раз – и нет человека! А потом почти так же легко получилось с Алиной. Она сама им открыла – наверное, думала, что парочка деньги принесла. И тогда Маша отключила ее электрошокером. Я видела прибор у нее на стройке, но приняла за пистолет. Так вот, Маша приставила электрошокер Алине сзади к затылку, под волосами, чтобы следа не было видно, а потом, пока она была без сознания, Лева положил тело в ванну и бросил туда фен. Вот и все. Легко и просто.

– Но пакетик-то, который гиды у тебя увидели, зачем им понадобился?

– Да потому что на нем могли остаться отпечатки их пальцев, а внутри – следы от порошка. И когда я вечером сказала тебе, что собираюсь пойти в полицию, они слышали наш разговор и подумали, что я собираюсь этот пакетик отнести как доказательство. Не знали ведь, что я понятия о нем не имею. Я только книжку пролистывала, думала, Алина там что-нибудь зашифровала. Лева ко мне зашел якобы фотографию отдать, а на самом деле они уже решили и меня убить, потому что времени у них оставалось очень мало. И Лева бы наверняка все быстренько проделал, потому что я его совершенно не боялась и вообще не подозревала, но тут пришел ты, и ему пришлось уйти. А потом я сама облегчила им задачу, когда побежала от итальянской пары. Забавно, что именно они – единственные, кого мне не стоило бояться! Но когда я узнала, что они понимают русский, мне показалось, что это очередной обман.

– Собственно говоря, обман и был.

– Ну да. Меня что-то смутило в их поведении еще в тот день, когда они с компанией Василь Семеныча подрались. Алина говорила, что девушка их палкой разогнала, но я же точно видела, что никакая там была не палка, а скорее плетень. Я потом спросила у Джой, как ей удалось раскидать здоровенных парней. Она сначала не хотела говорить, но потом все-таки сказала.

– И что?

– А то, что она владеет навыками одного из направлений какой-то восточной борьбы, которая, как я поняла, учит использовать в качестве оружия абсолютно все. А Марк, напарник Джой, добавил, что можно

обыкновенным тетрадным листом горло человеку перерубить. Правда, чтобы ранить Леву, они все-таки использовали пистолет.

Максима передернуло. Он помолчал и спросил:

– Они хоть итальянцы на самом деле?

– Не знаю, мне кажется, что Марк итальянец, а вот Джой – нет. Но русский язык они оба хорошо понимают, а Джой еще и говорит отлично, правда, с акцентом. Потому их сюда и направили: в отделе, который занимается этим делом, подозревали, что наркотик распространяется русскими.

– М-да, кто бы мог подумать...

– Да, идея была очень хорошая – использовать гидов. Как у Честертона в старом детективе: никто не замечает почтальонов. Вот так же и с гидами. Они перемещаются по всему побережью, постоянно проводят время с туристами, у них не возникает проблем в общении с местными, потому что они говорят по-турецки... И когда я вспоминала, у кого же из женщин, с которыми мы общались, светлые волосы, то мне даже в голову не пришла Маша. Хотя у нее цвет волос ближе всех к Алининому. Одного только я не знаю, – добавила Даша, помолчав, – кто же ломился в мою дверь ночью и кто толкнул меня в Кемере.

– Зато я знаю, – усмехнулся Максим. – Зря ты так недоверчиво смотришь, я все выяснил. Должен тебе сказать, что это было не так уж и трудно после твоего рассказа о том, как Женечка пыталась тебя утопить. Точно, она была, оба раза.

– Как она?! – ахнула Даша. – Постой, я же этот платок видела в сумке у Аллы.

– Не этот, а точно такой же. Если бы ты побольше ходила по магазинам, то знала бы, что платки продаются через дорогу, в трех минутах ходьбы от отеля. Так что Алла твоя тут ни при чем. А вот с Женечкой я поговорил. Правда, она быстро убежала, и договаривал я уже с Сонечкой.

– А Сонечка-то тут при чем?

– Хм, тут все не так очевидно, как ты думаешь. Женечка, оказывается, девочка не просто неуравновешенная, а сильно больная на всю голову. У нее случаются неконтролируемые приступы ярости, и вообще имеется длинный список психических заболеваний, с которыми, конечно, в психушку не запирают, но которые могут быть очень неприятными для окружающих и для нее самой. Например, клаустрофобия и еще какая-то фобия – что-то вроде панической боязни высоты. Да, и kleptomания, как ты и подозревала. Но самое главное – любая мелочь может вывести ее из себя. Когда она поняла, что ее сумку взяла ты, то пришла в бешенство и все

оставшееся время только и думала, какую бы гадость тебе сделать. Она сама мне сказала, что хотела перерезать тебе горло застежкой от сумки.

– Господи... – опустилась Даша на кровать. – Так она на самом деле сумасшедшая? Слава богу, что я дверь не открыла!

– То, что ты дверь не открыла, конечно, правильно, но и Женечка бы тебе ничего особенного не сделала. Во всяком случае, ее подруга меня в том усиленно заверяла. Сонечка говорит, что все Женечкины больные фантазии остаются в ее голове. Она их продумывает, прокручивает, но не реализовывает. Например, никакой застежки на ее сумочке нет – обычная туристическая сумка с «молнией».

– Ну конечно! А то, что она меня в витрину толкнула и топила в море, тоже нереализованные фантазии?! У меня от тех фантазий до сих пор руки дрожат, когда вспоминаю, как в море барахталась!

– Вот и я примерно так Сонечке сказал, – кивнул Максим. – Она клянется и божится, что это исключительный случай, потому что на Женечку так подействовала смерть Алины, а сейчас, мол, Женечка находится под ее неусыпным контролем. Вообще-то наша помешанная регулярно проводит некоторое время в специальной клинике, или, как называет это Сонечка, в «заведении». Но в остальное время ее родители стараются, чтобы дочь жила более-менее нормальной жизнью, насколько такое возможно при ее болезни. Она же постоянно какие-то лекарства пьет, и Сонечка ей уколы делает. Семья у Женечки состоятельная, вот и отправили ее отдохнуть в Турцию под присмотром подруги.

– Подожди, получается, что Сонечка – ее личная медсестра?

– Лучше скажи, надсмотрщик, будет точнее. Раньше они были просто подружками, а потом Женечкин папаша придумал использовать Сонечку в лечебных, так сказать, целях. Соня подругу контролирует, лекарство ей дает – в общем, следит за ней и ни на шаг от себя не отпускала. Понятное дело, за определенную мзду от Женечкиного папаши.

– И где сейчас милая девушка? – помолчав, спросила Даша.

– Где-где... Купается, наверное, или загорает на пляже. Можешь не дергаться, потому что к тебе она больше не подойдет.

– Почему ты так уверен?

– Во-первых, я с ней поговорил, а во-вторых, Сонечка тоже внесла свою лепту. Короче, можешь выкинуть Женечку из головы. Ладно, держи свое животное: упаковано лучшим образом! Ну что, пойдём на море? До автобуса еще два часа.

– Нет, – отказалась Даша, – ты иди, а я тут пока останусь. Попозже приду.

Максим внимательно посмотрел на нее, но возражать не стал. Когда он вышел, Даша по привычке закрыла дверь на два поворота ключа и медленно опустилась на кровать.

Все было как-то странно... О вчерашнем кошмаре напоминала только легкая боль в ступнях, но осмотревший ее врач сказал, что ничего страшного, даже мазать ничем не нужно.

После появления Джой и Марка, вызвавших полицию еще до того, как Марк прострелил Леве руку, Даша находилась в ужасном возбуждении. Она несколько раз рассказала им, а после и полицейским, что произошло на стройке, запинаясь только на том, как она столкнула Машу. Но именно это интересовало полицию, и ей пришлось подробно описать, как все произошло. Потом, сидя на узенькой грязной скамье в полицейском участке, она видела через мутное стекло, как Джой и Марк общаются с полицейскими, куда-то звонят, показывают на Дашу, спрашивают Леву, безучастно сидящего на стуле с забинтованной правой рукой. В конце концов Леву увезли, а Джой и Марк вышли к Даше, и она долго выпрашивала у них все, что им было известно, так что уставший Марк в конце концов махнул рукой, сел рядом с Дашей и устало прислонился к стене. А когда Джой по второму разу начала рассказывать, как они через полчаса после Дашиного ухода с пляжа пошли за ней, прервал ее, и они довели Дашу до «Сафиры».

Встречавший ее хозяин отеля, лица Бориса, Никиты, Аллы и еще кого-то из их группы, кажется, Володи, чьи-то голоса, участливо спрашивающие ее, – все скаталось в ее голове в один ком из образов и звуков, казалось, кружившийся и кружившийся у Даши перед глазами. Чуть поодаль от всех этих людей стоял Максим. Потом вроде бы именно он помогал ей подняться в номер, с кем-то разговаривал. Чуть позже она почувствовала боль от укола на сгибе локтя, и на том воспоминания о прошлой ночи обрывались...

Даша встала, походила по комнате, и тут в дверь негромко постучали.

– Здравствуйте, – растерялась она, увидев на пороге Инну.

– Здравствуйте, Даша, – улыбнулась Инна. – Кажется, мы с вами переходили на «ты», но если вам так удобнее...

– Нет-нет, конечно, лучше на «ты», – встrepенулась Даша. – Извини, у меня в голове после вчерашнего все перепуталось. Проходи.

– Меня Максим попросил с тобой посидеть, если честно, – призналась Инна. – Он, конечно, не хотел, чтобы я тебе это говорила, но я врать ужасно не люблю. Он очень за тебя беспокоится.

Даша кивнула. То, что Максим беспокоится за нее, обрадовало ее даже

больше, чем появление Инны, которая ей нравилась. От женщины веяло спокойствием, а именно его Даше так не доставало сейчас.

– Тебя столько времени продержали в полиции, – удивленно заметила Инна, садясь около Даши. – По-моему, ты приехала около трех часов ночи, если не позже.

– Да, долго расспрашивали, – объяснила Даша. – А потом я сама расспрашивала тех итальянцев, которые на самом деле не настоящие итальянцы, а полицейские. То есть они полицейские итальянцы, не отдыхающие. А может, и не полицейские...

– Молодая такая красивая пара? – вскинула брови Инна, прервав путаное Дашино объяснение. – Не отдыхающие?

– Нет, не отдыхающие.

И Даша рассказала то, что узнала о Джой и Марке.

– В общем, они меня спасли, – закончила она, с содроганием вспоминая искаженное Левино лицо. – А я еще от них шарахалась... Столько глупостей сделала, что стыдно вспомнить.

– Интересно, уедут они теперь или нет, – задумчиво проговорила Инна. – Ведь их дело, наверное, закончено, и больше им здесь делать нечего.

– Уедут, конечно, – подтвердила Даша. – Они сами сказали, что Лева сразу во всем сознался. Джой так выразилась: «два человека записывать не успевали». Может, рассчитывал на какое-нибудь снисхождение.

– Какое уж ему снисхождение, – пожалала плечами Инна. – Два убийства, попытка третьего, торговля наркотиками... Нет, по турецкому законодательству рассчитывать на смягчение наказания ему вряд ли придется. Разве только сдаст какую-нибудь очень полезную информацию... Но я надеюсь, что он этого не сделает.

Женщина помолчала немного и добавила:

– Потому что такие люди заслуживают смерти. Я давно так для себя решила.

Даша бросила на нее удивленный взгляд: слышать от обычно мягкой и доброжелательной Инны подобные слова было странно. Но та задумалась о чем-то своем, устремив взгляд темных глаз в окно, за которым плескалось море.

– Знаешь, а я, пожалуй, все-таки схожу искупаюсь, – неожиданно решила Даша, проследив за ее взглядом. – Напоследок. Спасибо большое, что поговорила со мной!

– Да ладно тебе, не за что, – возразила Инна, вставая. – Постарайся скорее выкинуть из головы кошмар, который с тобой тут произошел. Хотя,

знаешь, я уверена, что ты скоро забудешь все, как страшный сон.

Следующий час Даша присидела на море. Вопреки предсказанию Инны, вчерашние события не собирались оборачиваться сном. Наоборот: ей казалось, что вчера все было очень реально, а вот сейчас она находится в каком-то полусне и никак не может проснуться. Даже море казалось ненастоящим. Рядом постоянно был Максим, пытаюсь о чем-то говорить с ней, но Даша молчала, и он оставил ее в покое.

За полчаса до выезда она позвонила маме.

– Дашка, я тебя жду! – Мамин взволнованный голос казался очень далеким, хотя слышно было хорошо. – Я тебя встречу в аэропорту с Олегом Викторовичем, не беспокойся. Дашка, все хорошо, все позади!

Отъезд из отеля Даша не запомнила. В аэропорту, увидев незнакомые лица среди их группы и услышав пожелания приехать еще, поняла, что это другие гиды, присланные турфирмой взамен Маши и Левы. Из всех, с кем она познакомилась в отеле, улетали одним с ней рейсом только Сонечка и Женечка. У Женечки было сонное, заплаканное лицо, и она держалась в отдалении от остальной группы, чему Даша только порадовалась. Соня ходила рядом с ней и что-то беспрестанно говорила.

Борис, Никита, Алла и Максим уже были в аэропорту – ждали отправления своего самолета на Санкт-Петербург, который вылетал на полчаса раньше Дашиного, московского. В зале, сидя рядом с Максимом, Даша исподтишка посмотрела на Аллу, Бориса и Никиту, пытаюсь понять по их лицам, произошло что-нибудь между ними или нет. Но Никита выглядел оживленным и бодрым, Борис хмурился, а Алла (на ее шее из-под ворота ее рубашки виднелся черный опал) молчала – все как обычно.

С Максимом они говорили о какой-то ерунде – совсем не о том, о чем стоило бы говорить. Что-то про дьюти-фри, про посадку в самолет, про погоду в Москве и Питере... Это все было неважно. Но важное не выговаривалось, просто невозможным казалось произносить в битком набитом людьми зале какие-нибудь слова, которые говорят друг другу на прощание близкие люди.

«Впрочем, разве мы близкие друг другу люди?» – грустно подумала Даша.

И тут вспомнила.

– Максим, я же тебе такое спасибо за Инну хотела сказать! – воскликнула она. – Чуть не забыла. После разговора с ней мне действительно стало гораздо... – Даша запнулась, пытаюсь подобрать слово, – стало гораздо легче.

– Что значит «спасибо за Инну»? – нахмурился Максим.

– Ладно, не притворяйся, – улыбнулась Даша. – Она мне сказала, что ты ее прислал.

– Куда прислал?

Даша внимательно посмотрела на Максима, на лице которого отражалось полное непонимание.

– Ко мне в номер, – уже без улыбки пояснила она. – Когда утром ты ушел на море, а я осталась одна. Инна пришла, посидела со мной, поговорила, мне стало лучше, и я тоже отправилась к тебе на пляж.

– Я ее к тебе не посылал, Даша, – сказал Максим. – Видел мельком на твоём этаже – она сидела и кого-то ждала, но ни о чем не просил.

Даша откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она сразу поняла, что Максим говорит правду, но то, что следовало из этой правды, было так нехорошо, так грязно, что лучше бы он врал. «Она мне так нравилась... – вспомнила Даша. – Больше всех остальных туристов».

– Она ждала, когда ты уйдешь, – проговорила она. – А потом очень правдоподобно все придумала. Вот поэтому ты и видел ее на этаже. Ей нужно было застать меня одну и обо всем расспросить.

Доброе некрасивое лицо Инны с темными завитушками волос вокруг головы всплыло у Даши перед глазами, и к горлу неожиданно подкатила противная тошнота.

– Придумала? – непонимающе переспросил Максим, вдруг догадался. – Что ты ей рассказала? – быстро спросил он. – Дашка, что ты ей рассказала?

– Все. – Даше хотелось плакать. – Я все ей рассказала: и про Леву, и про Джой, и про Марка. Она очень интересовалась, не выдал ли ее на допросе Лева. И, знаешь, наверное, так волновалась, что даже проговорила один раз. Сказала про Леву что-то вроде: «Надеюсь, он не сдаст никакой полезной информации». Потом как-то выкрутилась, так что получилось, будто она просто хочет его смерти. А на самом деле наверняка именно это имела в виду – что Лева не сдаст ее. Интересно, кто она для них, если перепуганный до смерти парень ни слова о ней не сказал?

– Даша, надо им позвонить, – Максим вскочил с места. – Получается, что полиция взяла обычных исполнителей, «шестерок», а организаторы остались в стороне. Ведь понятно, что Инна не просто сбытчик наркотиков, а кто-то гораздо серьезнее. Может быть, через нее наркота попадала на побережье, а Инна снабжала гидов. Пусть полиция выясняет...

– Эй, ты чего на рейс не идешь? – раздался сзади голос, и подошедший Никита хлопнул Максима по плечу. – Друзья, пришел грустный час расставания. Даша, прощайте или до свидания – как получится.

Он поклонился Даше и пошел к стойке регистрации.

– Надеюсь, прощайте, – вслух подумала Даша, глядя Никите вслед. – Максим, иди скорее, – обернулась она к Максиму. – Я сейчас позвоню в полицию и все им расскажу. Иди быстрее, там уже почти никого нет!

– Без меня не улетят, – хмыкнул Максим, вешая на плечо легкую сумку. – Все, пока, я тебе позвоню.

Он наклонился и дружески чмокнул ее в щеку. Отошел на десять шагов и вдруг обернулся.

– Слушай... – начал он, и у Даши замерло сердце. – А ты ведь не позвонишь им...

Сердце встало на место.

– Не позвоню, – покачала она головой. – Прости, пожалуйста. Ты же сам понимаешь, звонок – это глупо и бессмысленно. Надо оставаться здесь, давать показания, а я не останусь.

Он покивал, задумчиво глядя на нее через разделяющие их десять шагов.

– Все с тобой ясно, – сказал с непонятным выражением – затем повернулся и пошел к стойке.

Даша провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез из виду, но Максим больше не оборачивался.

«Все с тобой ясно...» Ей было тошно и противно. На самом деле вполне можно сейчас позвонить в полицию, попросить позвать к телефону того, что говорит на английском, быстро рассказать ему про русскую жену турка по имени Инна, которая связана с поставками наркотиков туристам. И пусть ее информации не нашлось бы подтверждения – все равно, наверняка Инну проверили бы, прошерстили бы и ее друзей, и красавца-мужа. Можно позвонить, конечно. Правда состояла в том, что Даша не собиралась этого делать, и ей было за себя стыдно.

Она сидела в аэропорту, а в голове назойливо вертелся последний разговор с Инной. Потом Даша вспомнила, как она спорила с Алиной из-за нее, как Инна помогла ей, когда Женечка пыталась ее утопить. «Не могу я позвонить, и все, – с отчаянием думала Даша. – Не могу. Она ничего плохого мне не сделала. Она была... она казалась такой... такой хорошей!» Ей хотелось, чтобы внутренний голос сказал что-нибудь умное и правильное, но он молчал.

Объявили посадку, и Даша прошла в самолет. Она оживилась единственный раз, когда самолет начал приземляться, и в окошко иллюминатора Даша увидела подмосковный лес, освещенный заходящим солнцем, и подумала, что лес может быть гораздо красивее моря.

Ее не покидало ощущение, что она сделала ошибку. Но когда увидела в толпе встречающих встрепанную маму, приподнимавшуюся на цыпочки, вертящую головой в разные стороны, Дашу охватила такая волна любви и благодарности, что все остальное вылетело из головы. Она вспомнила, что в сумке у нее лежит Морошка, старательно завернутый в свитер, и на душе наконец-то стало легче.

Эпилог

Два месяца спустя мама, к которой Даша временно переехала, начала проявлять признаки озабоченности.

– Дашка, – непривычно ласковым тоном говорила она, – занялась бы ты делом, что ли? Хватит валяться перед телевизором. И вообще, давай уже потихоньку к себе переезжай. Нет, – спохватывалась мама, поймав вопросительный Дашин взгляд, – я, конечно, не против того, что ты у меня обосновалась, но ты же когда-нибудь в свою-то квартиру думаешь возвращаться, правда?

– Мам, я еще немножко у тебя поживу, а потом перееду, – бормотала Даша.

– Даш, да я не к тому веду разговор, чтобы ты проваливала на все четыре стороны, ты же сама прекрасно понимаешь, а к тому, что с тобой что-то не в порядке, и ты ничего не делаешь, чтобы порядок навести. Я же вижу!

– Да ладно, мам, все будет нормально. На следующей неделе уже начну работу искать.

– А почему не на этой?

– На этой... Ладно, начну на этой, – отмахивалась Даша, опять включая звук у телевизора.

Разговор повторялся в различных вариантах уже раза три. Даша сама не понимала толком, что с ней происходит. Сначала она пыталась себя уговаривать забыть все произошедшее, как и советовала ей Инна, потом смирилась с тем, что у нее не только не получается забыть – наоборот, некоторые события высвечиваются со временем все ярче и ярче. Когда она сидела перед телевизором, завернувшись в плед, или готовила на кухне, или гладила, или умывалась, перед ее глазами время от времени вставали два лица – одно живое, Алинино, а другое мертвое, Машино. Если потрянуть головой, то лица исчезали, но некоторое время потом Даша ходила с ощущением, будто и мамина квартира, и крики детей за окном, и запах блинчиков с кухни – все это ей снится, и сейчас она проснется на стройке. В конце концов мама убедила ее сходить к психологу, но Даша до последнего оттягивала посещение врача. Она сама не знала, чего ждала.

Слава богу, во сне лица не возникали. Весь последний месяц Даша спала без снов, проваливаясь в спасительную темноту через минуту после того, как голова ее касалась подушки. Именно поэтому она спала больше,

чем бодрствовала, отсыпаясь так, как не отсыпалась даже в детстве в деревне. Мама ей не мешала.

Представить, что она вернется в свою квартирку и будет там жить одна, Даша пока не могла. Она не искала работу, не звонила подругам, почти не гуляла – только спала и сидела перед телевизором. И вот мама не выдержала и заговорила о знакомом психологе. Более того, преодолев Дашино сопротивление, договорилась с ним о встрече. Даша была убеждена, что психолог ей не нужен, но сама не знала, что ей поможет.

Воспоминания преследовали ее постоянно, она вздрагивала от громкого стука у соседей и иногда, глядя вечерами в окно, отчетливо видела выступающую из сумрака фигуру со светлыми волосами. Она понимала, что все это только плод ее до смерти перепуганного воображения, но легче не становилось. Временами за спиной у нее раздавался хриплый смех Левы, и Даша заставляла себя не оборачиваться. Она перестала сушить волосы феном.

– Ну все, Даша, – решительно заявила мама, заметив это, – больше я на твои выкрутасы просто так смотреть не собираюсь. Третьего числа отправишься как миленькая ко Льву Владимировичу и все ему расскажешь, раз уж мне не говоришь. Если не хочешь, – прервала она Дашу, попытавшуюся что-то сказать, – то можешь возвращаться к себе и там продолжать наслаждаться такой жизнью. А мне это надоело. Ну что, вернешься в бабушкину квартиру?

Даша покачала головой, и мама удовлетворенно кивнула:

– Замечательно. Тебе назначено на двенадцать. Здесь недалеко, адрес я напишу.

Второго октября, ясным, теплым днем Даша сидела в кухне, обхватив колени, глядя в окно и представляя себе психолога, к которому завтра ей предстояло идти, когда раздался телефонный звонок. Мама ушла в магазин, звонить могли только ее подруги, а разговаривать с ними Даша не хотела. Телефон продолжал звонить. Даша сидела, не двигаясь, только косясь на него. Телефон звонил. Чертыхнувшись про себя и обругав неизвестную дамочку за назойливость, Даша слезла со стула и подошла к аппарату. И тут, протягивая руку к трубке, внезапно поняла, кто именно звонит. И, поняв, дернула провод так, что телефон слетел с подставки.

– Да! – закричала она отчаянно, боясь, что не успела. – Да, я тебя слушаю!

– Даша, здравствуй! Я в Москве, диктуй адрес...

Максим еще что-то говорил, но Даша на минуту перестала его слышать. Улыбаясь, она глядела, как тают высоко в небе, торопливо меняя

причудливые очертания, облака, а вслед за ними навсегда растворяются в осеннем воздухе Инна и Маша, Лева и Джой; исчезают, чтобы никогда больше не возвращаться. На мгновение под кленом мелькнул высокий силуэт красивой женщины со светлыми волосами странного серебристого оттенка и сразу подернулся невесть откуда взявшейся дымкой и растаял бесследно. А вместе с ним растаял и морок последнего месяца, и стало ясно, что все, что мучило ее, – действительно лишь страшный сон, который скоро забудется, а единственная явь и реальность – голос в трубке:

– Алло! Алло, Дашка, ты меня слышишь? Я приехал...